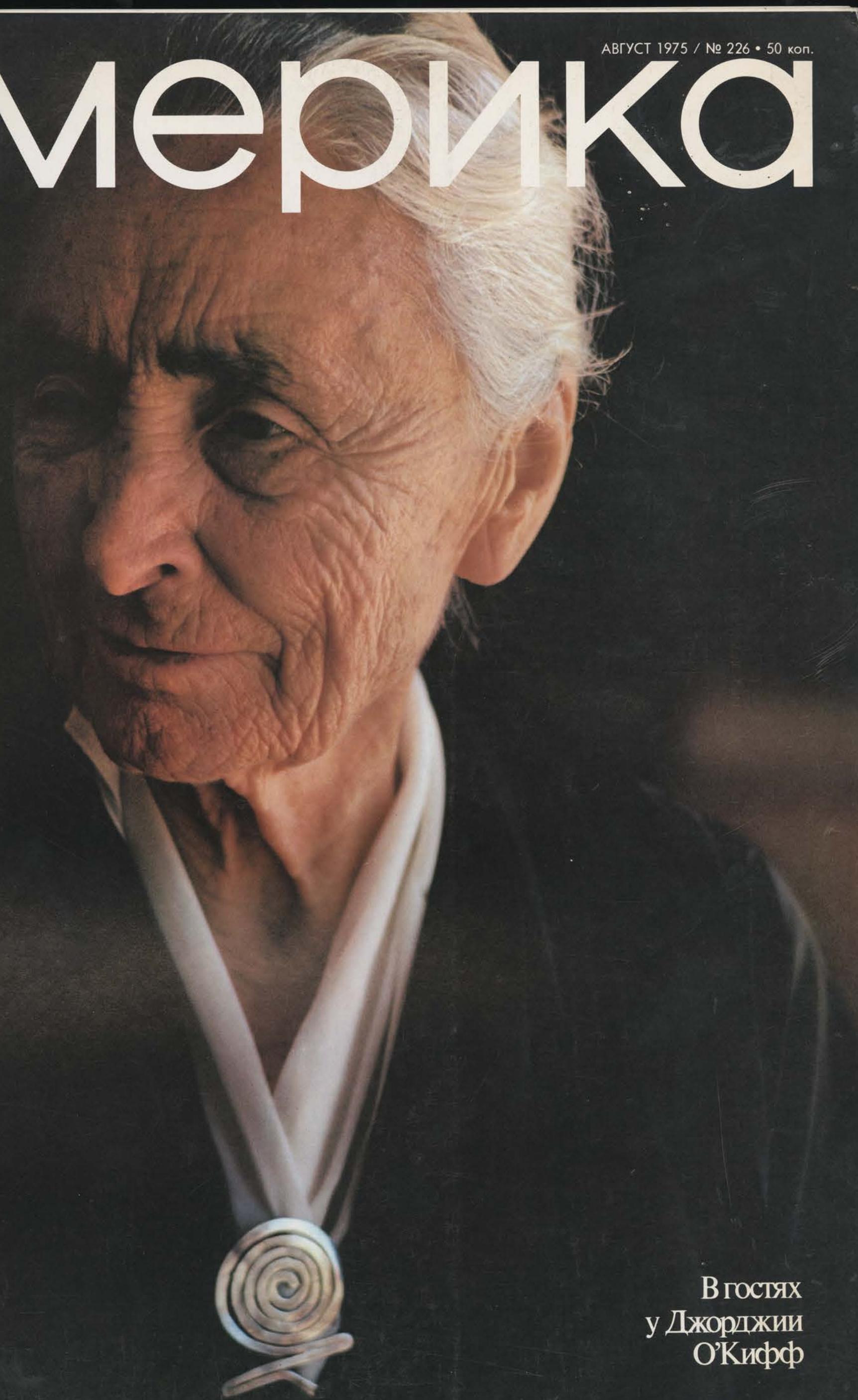

АВГУСТ 1975 / № 226 • 50 коп.

Америка

В гостях
у Джорджии
О'Кифф

1. Советские кардиологи в США.

2. Одеяло из джинсов.

ФОТОВИТРИНА

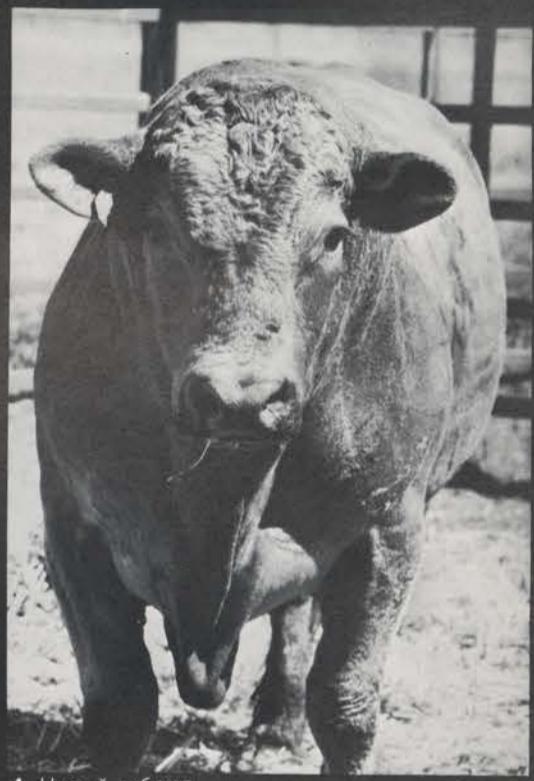
1. Недавно, в рамках советско-американской программы по борьбе с ишемией — болезнью, вызываемой сужением проводящих артерий, — Соединенные Штаты посетила группа советских кардиологов. В Университете Сент-Луиса (Миссури) медики обменялись результатами исследований с главой хирургического отделения медицинского факультета д-ром В. Л. Уиллманом. На фото (слева направо): д-р Игорь Шхвасабая, директор Института кардиологии имени А. Л. Мясникова, д-р Уиллман, д-р Людмила Матвеева, д-р Зоя Дорофеева, д-р Иосиф Рабкин и д-р Тамара Сидельникова.

2. С отслужившими свой век джинсами каждый поступает по-своему, в том числе и жительница Нью-Йорка Джейн Герстен, которая мастерит из них стеганые одеяла, украшенные звездами.

3. Артистка советского экрана Виктория Федорова, дочь известной актрисы Зои Федоровой, навестила во Флориде своего отца, адмирала ВМФ США в отставке Джексона Тэйта, с которым ее мать познакомилась в Москве в конце войны.

4. На пастбищах Запада появился новый представитель мясного скота — гибрид бизона и коровы. По словам калифорнийского селекционера, новая порода кормится исключительно пастбищной травой, набирает вес вдвое быстрее обычного скота и дает не жирное мясо.

5. Пытаясь усовершенствовать ветродвигатель без аэродинамической трубы, лос-анджелесский профессор и его студент прибегли к услугам автомобиля и прицепа.

4. Новый гибрид.

5. Импровизаторы.

3. Впервые отец встретился с дочерью.

FEB - 1 2021

10631 FED DEPOSITORY LIB
DOC DEPT SWEM LIB W & M

226

AMERICA ILLUSTRATED

Америка

Covers Front: Artist Georgia O'Keeffe. Photograph by Christopher Springmann. Back: Cartoons by David C. Gerard, mayor of Crawfordsville, Indiana.

Picture Parade Glimpsed this month: Soviet heart specialists visiting the United States; quilts made of recycled blue jeans; joy for an American and his Russian-born daughter; the beefalo, product of the first successful cross of cattle with bison; and a "wind tunnel" on wheels.

- 1 **About This Issue...** Translator and editor Vladimir Korchak, who wrote the story on the Moiseyev Dance Company (page 30), is profiled this month. Val, who has been on the staff for about 19 years, recalls his impressions of the dance group when he went backstage during its recent U.S. tour and met some of the performers and behind-the-scenes personnel, including Igor Moiseyev himself.
- 2 **Soviet-American Trade** By Robert D. Westgate. Trade between the Soviet Union and the United States has grown appreciably in the past few years. As the author notes, leaders in both countries have "emphasized the importance of increased trade in improving relations." His article provides a broad overview of the past, present and future of U.S.-U.S.S.R. commercial cooperation. An accompanying box, **Amtorg 50 Years Old** pays tribute to the Soviet trading corporation's half-century in the United States.
- 7 **To Russia with Pepsi** Photographs by Burt Glinn, Magnum. The Soviet Union has joined the Pepsi generation. PepsiCo, Inc. provides the concentrate (made from a secret recipe); the Soviets provide the bottling plant at the Black Sea resort of Novorossisk. Pepsi's immediate success in Russia seems based on the drink's tangy taste as well as the fact that it's an exotic treat from America.
- 10 **Avanti** By Wesley Pruden, Jr. More than a decade ago, the last Studebaker rolled down the firm's Indiana production line. But now, from the old South Bend factory once famous for Conestoga wagons, workers at the Avanti Motor Corporation are building by hand the last—and best—Studebaker, designed by Raymond Loewy. Courtesy of THE NATIONAL OBSERVER.
- 13 **Diagnosis by Drawing** If researchers here and in the Soviet Union are successful in developing a promising new diagnostic aid, cartoon-like, computer-drawn faces will convey data on medical symptoms or emotional states at a time-saving glance. Courtesy of JOHNS HOPKINS JOURNAL.
- 14 **To Hospital and Home in a Day** Photographs by Susanne Anderson. A suburban four-year-old, facing an eye operation, is followed through her long and eventful day at Children's Hospital in Washington, D.C., one of some 7,000 U.S. hospitals that have adopted the cost-saving, less traumatic system of one-day surgery for certain simple procedures.
- 19 **Santa Fe: The End of the Trail** By James Idema. Photographs by Christopher Springmann. The visitors who descend in ever-increasing numbers on this oldest of state capitals still follow the ancient routes of both the Spanish conquistadores from Mexico and the Yankee traders from eastern America. But the treasure they seek is no longer gold; it is the color of the landscape, the wide-openness of the countryside, the unaffected hospitality of the people who live there. While in Santa Fe, Text Editor Idema and Photographer Springmann visited **Georgia O'Keeffe's Beautiful Wasteland** to provide an account of their day with this eminent American artist.

К НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

В. Корчак и И. Моисеев.

Как гласит старая поговорка — одни живут, чтобы работать, другие работают, чтобы жить. Мы убедились на собственном опыте, что эти оба типа людей, как правило, народ скучноватый — с ними только и разговор, что о службе. На этот счет нам в редакции повезло: большинство наших сотрудников принадлежат к совершенно иному типу — они любят свою работу и умеют наслаждаться жизнью в свободное время. Возьмем, к примеру, Владимира М. Корчака, чью статью о И. А. Моисееве вы прочтете на стр. 30. Володя, как называют его друзья, работает в журнале «Америка» уже около 19 лет, то есть почти с самого его основания. Обычно он занимается редактированием статей и переводами, но иногда, если какое-нибудь событие его особенно заинтересует, выступает в роли репортера. Отдыхать Володя любит «динамично» и поэтому отпуск свой всецело посвящает путешествиям, которые всегда планирует заранее. Страсть Володи к путешествиям разделяет и его жена Надя: вдвоем они обезжают Соединенные Штаты, Канаду и побывают во многих странах Европы. Володя знает толк в еде и винах, что, впрочем, отнюдь не отражается на его фигуре. Но не будем отвлекаться и вернемся к делу. Итак, статья о И. А. Моисееве. Помимо основного материала В. М. Корчак сообщил нам еще кое-какие дополнительные сведения, которые, возможно, Вам тоже будет интересно узнать. А сказал он следующее:

«Приезд советских музыкальных, театральных и балетных коллективов всегда вызывает большой интерес у американской публики. Выступления артистов из СССР, как правило, проходят при переполненных залах. Так было с Государственным симфоническим оркестром, Московским академическим театром имени Горького, с «Березкой», балетом Большого театра

Л. Голованов и В. Корчак.

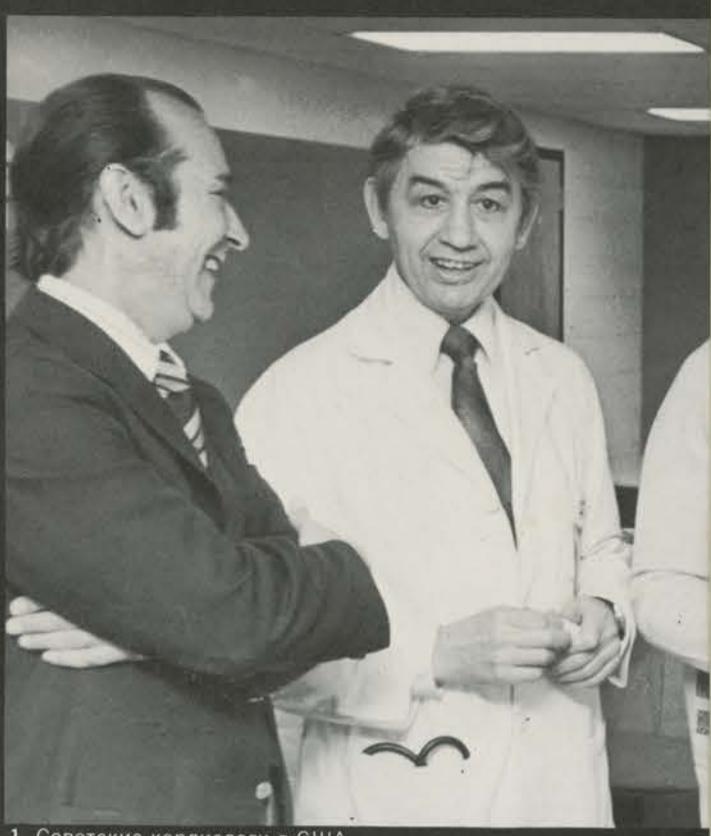
и др. Но, пожалуй, наибольший успех неизменно выпадает на долю Ансамбля народного танца СССР. Билеты на выступления моисеевцев нужно приобретать по крайней мере месяца за два вперед. Опоздаешь — пеняй на себя, о «лишнем билетике» не может быть и речи. Мне удалось трижды побывать на концертах ансамбля, а в 1970 году — лично познакомиться с его замечательным руководителем Игорем Александровичем Моисеевым. В августе прошлого года я вновь встретился с прославленным хореографом. На сей раз Игорь Александрович познакомил меня со своими талантливыми солистами Нелли Бондаренко, Львом Головановым и Борисом Березиным. Он также разрешил мне прийти вместе с фотографом Ричардом Братеном за кулисы, что и было сделано в субботу днем.

За кулисами нас поразил образцовый порядок и полное отсутствие нервозности. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвел на нас жизнерадостный и свежий вид танцоров, казалось, что чувство усталости им вообще неведомо. А, нужно сказать, на сцене моисеевцы «выдают все и еще чуть-чуть...»

«За кулисами мы встречали и тех, кого не видят зритель, но чьи опыт и умение в немалой степени способствуют успеху ансамбля. Во время антракта, в фойе, да и во время выступлений, в зале, можно было услышать много восторженных отзывов о костюмах. В этом большая заслуга Тамары Александровны Зейферт, которая вложила много труда в их создание. Причем костюмы, как мы убедились за кулисами, находятся в безупречном состоянии. Тут следует отдать должное старшей костюмерше Вере Михайловне Стальной. В любую минуту на помощь захромавшему или захваченному танцору придет врач и массажист Алексей Тихонов. Должен сказать, что посещение ансамбля за кулисами произвело на меня большое впечатление».

Н. Бондаренко, Т. Зейферт и Е. Камкина.

1. Советские кардиологи в США.

2. Одежда из джинсов.

- 30 Moiseyev: Four Years Later** By Vladimir M. Korchak. When the Soviet Union's Moiseyev Dance Company performed in Washington, D.C., after an absence of four years, it was a time of special camaraderie and reminiscence. Choreographer Igor Moiseyev was feted by old friends; staff writer/translator/editor Korchak was there to record the conversation and the goodwill, as the troupe basked in the enthusiastic receptions it got at its Kennedy Center performances.
- 33 What Science Can Do About Hereditary Diseases** By Gene Bylinsky. New breakthroughs in medical genetics are providing hope for the estimated one in 18 Americans who is affected by hereditary ailments. Many abnormalities, including mongolism, can now be detected at the fetal stage. New techniques, such as amniocentesis (analysis of cells of a developing fetus) and advances in genetic screening, signal an era of counseling and prevention, rather than simply diagnosis and treatment. Courtesy of FORTUNE.
- 37 The Kindest Cut of All — It's Free!** With the aid of photographer John Stember, master haircutter Roger Thompson demonstrates, snip by snip, how anyone can get the same fashion-model cut he gives in his New York salon. Courtesy of GLAMOUR.
- 38 Teen-Age House Builders** Photographs by Bob Coyle. How do you learn to build a house? The best way is to build one. And that's exactly what students do in an innovative vocational training program at Dubuque (Iowa) High School, as depicted in this step-by-step, floorboard-to-roof picture story.
- 43 Suburban Newspapers Are Not Small-Town** By Mal Oettinger. The popular and profitable suburban papers, some 8,000 strong, cover the vital issues of their communities in a way that metropolitan papers cannot. For example, take the Montgomery County Sentinel, of which one fan says: "I read it cover to cover... ads, news even the sports pages which report on the games at the high school my son attends. Honestly, I don't know what I'd do without it."
- 45 They Run Railroads to Relax** Nearly 200,000 Americans today labor lovingly over model railroad layouts of incredible detail. For some — such as the three professionals featured here — it is not only a fascinating pastime but also provides relaxation from high-pressure jobs.
- 48 It Happens in America** Something of an eccentric, Lawrence Broadmoore lives in a 19th-century past he has created in New York State, supporting himself by repairing *fin de siècle* artifacts; two Washington, D.C., government workers enjoy romantic treats: one celebrates her birthday with her friends at a formal breakfast on the Mall, the other wins a chance to conduct the National Symphony Orchestra; a chemistry professor teaches by demonstrations of fire-eating and an economics professor by staking students to a fling on the stock market; New York's mayor prunes city trees; and hustling chess provides a living for an outdoor gamesman.
- 50 The Limmers Make Boots to Last — If You Can Wait** By Laird Hart. Hiking boots made by Peter Limmer & Sons, of Intervale, New Hampshire, may be among the finest in the world, but customers often have to wait two years to get them. The reasons: slow, meticulous craftsmanship and a refusal to expand the business outside the immediate family. Courtesy of THE WALL STREET JOURNAL.
- 51 Another Day, Another Lifestyle** By Malcolm Henry. Abandoning the ivory tower, John R. Coleman, president of Haverford College, sought and found employment successively as, ditchdigger, salad chef and garbage collector. Coleman's unusual sabbatical as a blue-collar worker is related, and his broadened perspective revealed, in extensive quotes from the journal he kept and later published as *Blue-Collar Journal*. Illustrations by Brian McCall.
- 55 Spotlight** Leonardo da Vinci's personal notebooks, unnoticed for 135 years, are published in the United States; actor Freddie Prinze plays a Chicano mechanic on TV and has audiences howling; Antoine de Saint Exupéry's classic fairy tale, *The Little Prince*, is made into a movie musical; the International Center of Photography, America's first museum devoted exclusively to photography, opens in New York; that city's annual Avant-Garde Festival is held in Shea Stadium; conductor Antonia Brico is the subject of a brilliant documentary film, *Antonia: A Portrait of a Woman*; "ragtime," and Scott Joplin's music in particular, are enjoying a boom; La Mama experimental theater performs Greek tragedy; and 1920's painter Gerald Murphy's work is found to prefigure, with great precision, the "Pop Art" movement of the '50s and '60s.

PHOTO CREDITS: IFC, top — Ted Dorgan, St. Louis Post Dispatch; left — Gene Maggio, The New York Times; bottom center — courtesy National Enquirer; bottom right — Cal Montney, Los Angeles Times; right center — Stephen Frisch, Time magazine © 1973 Time Inc.; 1, Kenneth R. Heinen (3); 10-11, Larry Dale Gordon, Esquire-Transworld Feature Syndicate, Inc.; 28-29, Christopher Springmann; 30, top and bottom — Kenneth R. Heinen (2); 31-32, Richard Bratten (7); 34, George P. Miller; 45, top left — Michael Mauney, Fortune magazine; right — Jon Brenneis, Fortune magazine, bottom — Tomas Sennett, Fortune magazine; 46-47, Bill Eppridge, Fortune magazine; 48, George Crouter; 49, top — The Washington Post; bottom right — The New York Times; 50, Ellis Herwig; 55, top left to right — courtesy McGraw Hill Book Company (5); bottom — courtesy NBC (2); 56, top right — courtesy Paramount Pictures; center — courtesy International Center of Photography (5); bottom — Mark Alan Stamaty; 57, top to bottom left — Jill Godmilow, Screen Mart; courtesy Library of Congress, Washington, D.C.; courtesy Golden Crest Records (2); right — Kenn Duncan; Dallas Museum of Fine Arts, Foundation for the Arts Collection, gift of Mr. Gerald Murphy.

Published
for distribution
in the Soviet Union
by Press and
Publications Service
United States
Information Agency,
Washington, D. C.
20547

Америка

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
АВГУСТ 1975 • № 226

Главный редактор

МАРДЖОРИ А. ЯРЕС

Зам. главного

редактора

АРТУР ПАРИЕНТЕ

Зав.

редакционным отделом

ДЖЕМС АЙДЕМА

Зав. отделом

илюстраций

ЭЛЛЕН ПЛАММЕР

Художественный

редактор

ДЭВИД МОР

Редактор русского

издания

ГАРАЛЬД ЛИНДЕС

Зав. производством

ЛЕНАРД КОКС

Секретарь редакции

КЛИФФИ ДЖЕКСОН

Журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашению, предусматривающему распространение журнала.

«Soviet Life» в США, а журнала «Америка» — в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР отделениями Союзпечати в пределах обусловленного соглашением тиража.

ЖУРНАЛ «АМЕРИКА» ПРОДАЕТСЯ ЧЕРЕЗ СОЮЗПЕЧАТЬ В СЛЕДУЮЩИХ ГОРОДАХ:

Алма-Ата
Архангельск
Астрахань
Ашхабад
Баку
Барнаул
Брест
Брянск
Вильнюс
Витебск
Владивосток
Волгоград
Воронеж
Ворошиловград
Горький
Днепропетровск
Донецк
Душанбе
Ереван
Запорожье
Иваново
Иркутск
Казань
Калинин
Калининград
Каменск-Шахтинский
Караганда
Каунас
Кемерово
Киев
Киров
Кировоград
Кишинев
Краснодар
Красногорск
Куйбышев
Курск
Кустанай
Ленинград
Львов
Магадан
Минск
Москва
Мурманск
Николаев
Новосибирск
Одесса
Омск
Орел
Оренбург
Павлодар
Пенза
Пермь
Петрозаводск
Петропавловск
Полтава
Псков
Рига
Ростов-на-Дону
Рязань
Саратов
Свердловск
Симферополь
Смоленск
Ставрополь
Таллин
Тамбов
Ташкент
Тбилиси
Томск
Тула
Ужгород
Ульяновск
Усть-Каменогорск
Уфа
Фрунзе
Хабаровск
Харьков
Херсон
Целиноград
Челябинск
Черногор
Чита
Южно-Сахалинск
Ярославль

2 СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Роберт Д. Уэстгейт

7 ПЕПСИ-КОЛА В СССР

Фото Бэрта Глинна

10 АВАНТИ

Уэсли Пруден

13 ДИАГНОЗ С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРА

14 УТРОМ В БОЛЬНИЦЕ, ВЕЧЕРОМ ДОМА

Фото Сузан Андерсон

19 САНТА-ФЕ: КОНЕЦ ПУТИ

Джемс Айдема

Фото Кристофера Спрингманна

28 ПУСТЫННЫЙ КРАЙ ДЖОРДЖИ О'КИФФ

Джемс Айдема

30 МОИСЕЕВ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Владимир М. Корчак

33 НАСЛЕДСТВЕННЫЕ БОЛЕЗНИ И БОРЬБА С НИМИ

Джин Былинский

37 КРАСИВО И ЭКОНОМНО

Фото Джона Стембера

38 СТРОИТЕЛИ-ПОДРОСТКИ

Фото Боба Койла

43 ПРИГОРОДНАЯ ГАЗЕТА: ШИРОКИЙ КРУГ ЧИТАТЕЛЕЙ

Мал Эттингер

45 УВЛЕЧЕНИЕ ПОЕЗДАМИ

48 ПО СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ

50 САПОГИ, КОТОРЫМ НЕТ СНОСУ

Лэрд Харт

51 ЧТО НИ ДЕНЬ, ТО ПЕРЕМЕНА

Малcolm Генри

Иллюстрации Брайана Макколла

55 КАЛЕЙДОСКОП

НА ОБЛОЖКЕ: Джорджа О'Кифф. Фото Кристофера Спрингманна (см. стр. 28).

Приводим список лиц и учреждений, любезно предоставивших иллюстрации нашему журналу: IFC, top — Ted Dargan, St. Louis Post Dispatch; left — Gene Maggio, The New York Times; bottom center — courtesy National Enquirer; bottom right — Cal Montney, Los Angeles Times; right center — Stephen Frisch, Time magazine © 1973 Time Inc.; 1, Kenneth R. Heinen (3); 10-11, Larry Dole Gordon, Esquire-Transworld Feature Syndicate, Inc.; 28-29, Christopher Springmann; 30, top and bottom — Kenneth R. Heinen (2); 31-32, Richard Braaten (7); 34, George P. Miller; 45, top left — Michael Mauney, Fortune magazine; right — Jon Brennen, Fortune magazine; bottom — Tomos Sennett, Fortune magazine; 46-47, Bill Eppridge, Fortune magazine; 48, George Crouter; 49, top — The Washington Post; bottom right — The New York Times; 50, Ellie Herwig; 55, top left to right — courtesy McGraw Hill Book Company (5); bottom — courtesy NBC (2); 56, top right — courtesy Paramount Pictures; center — courtesy International Center of Photography (5); bottom — Mark Alan Stamaty; 57, top to bottom left — Jill Godmilow, Screen Mart; courtesy Library of Congress, Washington, D.C.; courtesy Golden Crest Records (2); right — Kenn Duncan, Dallas Museum of Fine Arts, Foundation for the Arts Collection, gift of Mr. Gerald Murphy.

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу: Marjorie A. Yahraes, Editor-in-Chief, «America Illustrated», Washington, D.C. 20547, U.S.A. или Американское посольство, Москва, ул. Чайковского, д. 19-21.

К НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

В. Корчак и И. Моисеев.

Как гласит старая поговорка — одни живут, чтобы работать, другие работают, чтобы жить. Мы убедились на собственном опыте, что эти оба типа людей, как правило, народ скучноватый — с ними только и разговор, что о службе. На этот счет нам в редакции повезло: большинство наших сотрудников принадлежат к совершенно иному типу — они любят свою работу и умеют наслаждаться жизнью в свободное время. Возьмем, к примеру, Владимира М. Корчака, чью статью И. А. Моисееве вы прочтете на стр. 30. Володя, как называют его друзья, работает в журнале «Америка» уже около 19 лет, то есть почти с самого его основания. Обычно он занимается редактированием статей и переводами, но иногда, если какое-нибудь событие его особенно заинтересует, выступает в роли репортера. Отдыхать Володя любит «динамично» и поэтому отпуск своей всецело посвящает путешествиям, которые всегда планирует заранее. Страсть Володи к путешествиям разделяет и его жена Надя: вдвоем они обезжают Соединенные Штаты, Канаду и побывают во многих странах Европы. Володя знает толк в еде и винах, что, впрочем, отнюдь не отражается на его фигуре. Но не будем отвлекаться и вернемся к делу. Итак, статья о И. А. Моисееве. Помимо основного материала В. М. Корчак сообщил нам еще кое-какие дополнительные сведения, которые, возможно, Вам тоже будет интересно узнать. А сказал он следующее:

«Приезд советских музыкальных, театральных и балетных коллективов всегда вызывает большой интерес у американской публики. Выступления артистов из СССР, как правило, проходят при переполненных залах. Так было с Государственным симфоническим оркестром, Московским академическим театром имени Горького, с «Березкой», балетом Большого театра и др. Но, пожалуй, наибольший успех неизменно выпадает на долю Ансамбля народного танца СССР. Билеты на выступления моисеевцев нужно приобретать по крайней мере месяца за два вперед. Опоздаешь — пеняй на себя, о «лишнем билетике» не может быть и речи. Мне удалось трижды побывать на концертах ансамбля, а в 1970 году лично познакомиться с его замечательным руководителем Игорем Александровичем Моисеевым. В августе прошлого года я вновь встретился с прославленным хореографом. На сей раз Игорь Александрович познакомил меня со своими талантливыми солистами Нелли Бондаренко, Львом Головановым и Борисом Березиным. Он также разрешил мне прийти вместе с фотографом Ричардом Братоном за кулисы, что и было сделано в субботу днем. За кулисами нас поразил образцовый порядок и полное отсутствие нервозности. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвел на нас жизнерадостный и свежий вид танцоров, казалось, что чувство усталости им вообще неведомо. А, нужно сказать, на сцене моисеевцы «выдают все и еще чуть-чуть...»

«За кулисами мы встречали и тех, кого не видят зритель, но чьи опыт и умение в немалой степени способствуют успеху ансамбля. Во время антракта, в фойе, да и во время выступлений, в зале, можно было услышать много восторженных отзывов о костюмах. В этом большая заслуга Тамары Александровны Зейферт, которая вложила много труда в их создание. Причем костюмы, как мы убедились за кулисами, находятся в безупречном состоянии. Тут следует отдать должное старшей костюмерше Вере Михайловне Стальной. В любую минуту на помощь захромавшему или захворавшему танцору придет врач и массажист Алексей Тихонов. Должен сказать, что посещение ансамбля за кулисами произвело на меня большое впечатление».

Л. Голованов и В. Корчак.

Н. Бондаренко, Т. Зейферт и Е. Комико.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ

«Трудно найти другую страну, которая бы располагала такими возможностями для развития экспорта в СССР, как Соединенные Штаты, а они, в свою очередь, могли бы стать крупнейшим рынком для сбыта советской продукции». Так 42 года тому назад предсказывал бурный рост американо-советской торговли нарком внешней торговли СССР А. П. Розенгольц в своем выступлении по случаю установления дипломатических отношений между США и СССР.

Однако с 1930-х годов и до недавнего времени торговля между этими странами сводилась к следующему: СССР вывозил в США главным образом минералы и продукты животноводства, а импортировал из США машины и различное оборудование, приглашая к себе американских технических специалистов и консультантов. Так, например, в годы первой пятилетки существенную помощь в постройке крупных промышленных объектов оказали инженеры и техники следующих американских компаний: «Форд мотор компани» (Горьковский автозавод), инженерные фирмы «Фрайн» и «Макки» (Кузнецкий и Магнитогорский сталелитейные заводы), «Остин компани» (Сталинградский тракторный завод), «Дженерал электрик компани» (ДнепроГЭС).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ

И все же, несмотря на предоставленный в 1934 году только что основанным американским Экспортно-импортным банком (Эксимбанк) кредит в 11 миллионов долларов для финансирования торговли с СССР, широкого развития торговли в 1930-х годах не последовало. Причиной тому послужили начавшаяся в США депрессия, возникшие между СССР и США политические трения и советская политика самостоятельного развития народного хозяйства страны.

В годы Второй мировой войны по ленд-лизу США обеспечили Советскому Союзу помочь товарами и техническими услугами общей стоимостью в 11,3 миллиарда долларов, но после войны бывшие союзники вновь отмежевались друг от друга по политическим причинам. Затем, с наступившей после периода «холодной войны» в 1960-х годах «оттепелью», постепенно начали смягчаться и торговые ограничения. С помощью краткосрочного кредита Советский Союз в 1963–64 гг. закупил в Америке большое количество пшеницы. В 1966 году между Нью-Йорком и Москвой установилось регулярное пассажирское авиасообщение и несколько улучшились деловые связи.

Но действительное расширение советско-американских торговых связей началось по существу лишь три года тому назад. В 1972 году урожай зерновых в СССР оказался значительно ниже предвиденного по плану. Поэтому Советский Союз закупил в США 22 миллиона тонн зерна на общую сумму в 1,3 миллиарда долларов, включая четверть собранного в том году урожая пшеницы. В результате поставок зерна советский импорт из Америки в 1972 году увеличился по сравнению с 1971 годом на 236 процентов, достигнув 542 миллионов долларов. В 1973 году он уже выражался 1,19 миллиарда долларов.

Общая стоимость продукции, вывезенной СССР в США в 1973 году, составляла 220 миллионов долларов — на 129 процентов больше, чем в 1972 году (96 миллионов долларов). Экспорт нефти и нефтепродуктов увеличился за тот год более чем в десять раз — с 7,5 миллиона долларов до 76,5 миллиона. Экспорт химикалиев возрос с 1,2 миллиона долларов до 2,3 миллиона, палладия с 19,5 миллиона долларов до 47,4 миллиона, никеля и никелевых сплавов с 246 тысяч долларов до 10,5 миллиона, промышленных алмазов с 13,4 миллиона до 17,2 миллиона, титана с 748 тысяч долларов до 3,9 миллиона и цинка с совсем незначительной суммы до 2,7 миллиона.

Согласно прогнозу экономиста Министерства торговли США, американский импорт из СССР в 1975 году достигнет 500 миллионов долларов, тогда как экспорт по сравнению с 1973 годом несколько снизится и будет равняться приблизительно 800 миллионам долларов. Американский экспорт в СССР за 1974 год равнялся 607 миллионам долларов. Известное снижение при сравнении с цифрами за 1973 год объясняется меньшим объемом поставок зерна. Зато ввоз резко возрос и выражался суммой в 350 миллионов долларов. Увеличение стоимости американского импорта из СССР в 1974–76 годах в значительной степени обуславливается произошедшим за это время повышением цен.

В ЧЕМ НУЖДАЕТСЯ СССР

В 1974 году руководители правительства в Москве и Вашингтоне вновь подтвердили возможность расширения торговых связей для улучшения международных отношений. На открытии Международной конференции по развитию торговли и технического сотрудничества в Москве Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид И. Брежnev отметил, что переход от «холодной войны» к разрядке напряженности создает благоприятные условия для углубления и развития между обеими странами дружеских отношений.

В январе 1975 года Советский Союз объявил о своем решении не проводить в жизнь торговое соглашение 1972 года между СССР и США из-за известных ограничений в торговом законодательстве Соединенных Штатов, идущих, по мнению Советского Союза, вразрез с некоторыми положениями договора.

Соглашение, которое официально тогда еще не вступило в силу, предусматривало распространение принципа наибольшего благоприятствования на торговлю с СССР, взамен чего Советский Союз должен был согласиться выплатить известную часть задолженности за поставки со стороны США во время Второй мировой войны. По утверждениям советского руководства ослабление напряженности не пострадает от этого решения, и все же на дипломатическом уровне оно до известной степени осложнит положение. На коммерческом уровне переговоры продолжаются, и обе стороны не ожидают каких-либо серьезных изменений.

Подтверждением этого может служить заявление американской фирмы, которая в феврале 1975 года сообщила в Москве,

что подписала договор на поставки Советскому Союзу машин для производства искусственного меха на общую сумму 23 миллиона долларов. По словам Сола Розенбаума, президента «Интертекс интернэшнл инкорпорэйтед», фирмы, поставляющей оборудование для текстильных предприятий и имеющей свое главное управление в Нью-Йорке, эти машины будут поставлены Советскому Союзу в течение 1976 и 1977 годов. В марте 1975 года электронно-промышленная компания «Гулд, инкорпорэйтед» заключила в Москве договор со «Станкоимпортом» на поставку в СССР завода по производству подшипников для двигателей, общей стоимостью в 47 миллионов долларов.

Советский Союз выражает интерес к ознакомлению с американским опытом в тех областях науки и техники, в которых США занимают ведущее положение, и к закупке соответствующего оборудования. Сюда относятся:

- Крупномасштабная добыча нефти и природного газа, системы транспортировки и распределения, в частности эксплуатация месторождений в условиях вечной мерзлоты и системы регенерации масел.

- Административные системы управления с использованием компьютеров.

- Оборудование для массового производства легковых и грузовых автомобилей улучшенной конструкции, одежды и обуви, хозяйственных товаров и пищевых продуктов, как для отечественного потребления, так и для экспорта.

- Животноводство, включая получение высокобелковых кормов, выведение племенного скота, а также оборудование для выращивания молодняка и обработки продуктов животноводства.

- Туризм и транспортные системы.

На совещаниях Американо-советской комиссии по вопросам торговли в 1973 и 1974 годах, советская сторона предложила американским компаниям поставлять в кредит оборудование и материалы и разработать технологию производства для промышленных предприятий в различных районах Сибири. В число указанных объектов входят: два комбината ферросплавов, один — для производства ферромарганца, другой — феррохрома; два алюминиевых комбината, один — для производства окиси алюминия, другой — алюминиевого проката; завод графитных электродов для электроплавильных печей и завод кристаллического силикона.

Советская сторона также выразила желание принять участие в совместной разработке энергетических установок, в особенности магнитогидродинамических генераторов (см. «Америка» № 223) и устройств по газификации угля. Американо-советские программы по обмену опытом и сотрудничеству в области медицины и здравоохранения, защиты окружающей среды, космических исследований, использования атомной энергии в мирных целях и глобальных океанографических исследований также требуют широкого применения техники и оборудования США.

СОВЕТСКИЙ ЭКСПОРТ

С самого начала, еще с 1930-х годов, советский экспорт в торговле с США систематически отставал от импорта. Одна-

ТОРГОВЛЯ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

ко Советского Союза имеются теперь возможности улучшить свой торговый баланс путем расширения ассортимента вывозимых в Америку товаров. Советские торговые организации доказали свою способность экспорттировать продукцию современной и передовой техники и в частности продукцию индустриальных отраслей, возникших в результате развития военной и космической промышленности.

Советский Союз выразил готовность экспорттировать плавучие краны и доки, кузнечно-прессовое оборудование, станки, машины для непрерывного литья, подшипники, турбины и генераторы, искусственные алмазы и целый ряд полуфабрикатов, например, асбестовое волокно.

СССР также заинтересован в экспорте потребительских товаров, что уже до известной степени осуществляется. Например, на фермах штатов Нью-Йорк, Кентукки и Миссисипи уже трудятся 150 четырехцилиндровых с четырьмя ведущими колесами тракторов «Беларусь».

Со временем в США можно будет увидеть советские автомобили и крылоходы, часы и фотоаппараты, телевизоры и радиоприемники.

АМЕРИКАНСКИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРЫ В СССР

Хотя советским гражданам пока еще редко приходится покупать и пользоваться товарами с ярлыком «Сделано в США» (большая часть потребительских товаров в СССР изготавливается отечественной промышленностью или в странах СЭВ), они, однако, скоро, подобно американцам, получат возможность смотреть на самолетах кинофильмы и слушать стереофоническую музыку. Небольшая американская электронная фирма договорилась поставлять соответствующую звуковую и киноаппаратуру для готовящихся к выпуску гигантских 350-местных самолетов «Ил-86».

Некоторые советские потребительские товары будут почти идентичны американским, ибо они будут изготавливаться на американских и западноевропейских станках. Так, начиная с мая 1974 года современный, полностью автоматизированный завод в Новороссийске начал выпускать ежедневно 150 000 бутылок «Пепси-колы», с ее характерной красно-бело-синей этикеткой. А фирма «Пепси-ко» в свою очередь занялась продажей в Соединенных Штатах советского шампанского «На здоровье» и водки «Столичная».

Фабриканты «Кока-колы», самого распространенного в мире прохладительного напитка, предполагают тоже заняться в СССР разного рода коммерческой деятельностью, за исключением, однако, разлива и продажи «Кола-колы».

СОВЕТСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Обмен технологическим опытом не может быть односторонним. Многие американские компании, вроде фирмы «Кайзер индустриз», подписавшие договоры с Государственным комитетом по науке и технике, находят, что некоторые советские изобретения и открытия могут иметь для них большую ценность. Фирма «Кайзер» пользуется электромагнитными плавильными печами советского производства для отливки алюминия; это оборудование также находит себе применение и

в фирмах «Рейнолдс» и «Кабот», не подписавших еще соглашения с СССР о научном и техническом обмене. Среди другого использования достижений советской техники можно указать на следующее:

- Фирма «Нэшонал стил компани» переоборудовала свой завод магниевых сплавов в Снейдере (Техас), приспособив его для использования разработанного в СССР процесса электролиза магния.

- Более 80 американских сталелитейных заводов пользуются сегодня советским методом вакуумного охлаждения мартеновских печей.

- Компания «Аллайд стил энд трактор продактс» получила советскую лицензию на изготовление и продажу пневматического бура, позволяющего проводить работы под землей, не нарушая поверхности уличного покрытия.

- Разработанные в СССР методы наложения швов и анестезия посредством «электрбсна» уже применяются во многих американских больницах.

КРУПНЫЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ

Американская компания «Кемикал констракшн корпорэйшн» (КЕМИКО), построившая в 1932 году первый в СССР аммиачный завод в Березниках в системе расположенного в верховьях Камы комбината минеральных удобрений, заключила договор на постройку с помощью советской рабочей силы четырех крупных заводов. Каждый из них будет производить до 1360 тонн аммиака в сутки, что в общей сложности обеспечит годовую продукцию в 1,8 миллиона тонн.

«КЕМИКО» построит эти заводы на Волге между Тольятти и Куйбышевым. Цена на аммиак так подскочила за последние годы, что для обеспечения запланированного дохода понадобится не восемь заводов, как предполагалось, а всего четыре.

Это строительство стоимостью в 200 миллионов долларов на июнь 1974 года будет самой крупной операцией по оказанию американской технической помощи. И оно является первым в рамках заключенного на 20 лет договора между правительством СССР и возглавляемой Армандом Хаммером фирмой «Оксидентл петролеум». Договор этот предусматривает операции в общей сложности на 8 миллиардов долларов.

Советские хлеборобы смогут увеличить сельскохозяйственную продукцию с помощью выработанных в СССР на базе импортированных из Америки суперфосфатов, а Соединенные Штаты в обмен получат аммиак, карбамид и поташ.

Советский Союз нуждается в грузовиках и тракторах как для внутреннего употребления, так и для экспорта. Поэтому в СССР сейчас ведется строительство по крайней мере трех крупных заводов. Американские фирмы участвуют в этом следующим образом:

- 40 американских компаний заключили более ста договоров на общую сумму 500 миллионов долларов на проектирование, постройку и оборудование завода «Камаз», расположенного в 1000 км восточнее Москвы. Компания «Сундлер-Дресслер», филиал корпорации «Пульман», одной из первых получила заказ (10

миллионов долларов) на разработку проекта литейного цеха.

- Другой завод грузовых автомобилей запланирован к постройке в следующем десятилетии неподалеку от Красноярска. Согласно плану он будет ежегодно выпускать около 50 000 дизельных грузовиков грузоподъемностью в 14 тонн.

- Американские фабриканты также представляют заявки (на сумму 100 миллионов долларов) на участие в строительстве Чебоксарского тракторного завода на Волге.

АМЕРИКАНСКИЕ КОМПАНИИ В МОСКВЕ

Около 20 американских фирм получили разрешение открыть свои представительства в Москве. Среди них «Оксидентл», «Америкен экспресс компани», «Энгельхард минералс энд кемикал корпорэйшн», «Дженерал электрик компани», «Хьюлетт-Паккард компани», «Пульман инкорпорэйтед», «Пан-Американ эрэйс», «Катерпиллер трактор», «Артур Андерсон энд компани» «Интернациональ бизнес машинс» и три банка.

Банк «Чейз-Манхэттан», который предоставил СССР заем в 86 миллионов долларов для строительства «Камаза», открыл свое отделение в отеле «Метрополь». Это было первым отделением американского банка в Москве после пятидесятилетнего перерыва. К числу других банков, открывших представительства в Москве, в основном для консультаций и оказания услуг своим клиентам, ведущим дела с Советским правительством, относятся «Бэнк оф Америка» и «Ферст нэшионал сити бэнк». Контора первого находится в гостинице «Интурист», а второго — в отеле «Националь». В отличие от своих филиалов в США и других странах, представительства американских банков в Москве не занимаются обычными денежными операциями — они не делают выплат по чекам, не принимают вкладов и не выдают ссуд.

Однако фирма вовсе не обязательно должна быть крупной для того, чтобы вести дела с Советским Союзом. Московский представитель банка «Чейз-Манхэттан» Альфред Уэнуорт считает, что вести дела с СССР могут также небольшие и средней величины фирмы, в особенности если они изготавливают специальное сложное оборудование, в котором нуждается Советский Союз.

К таким фирмам принадлежат: завод «Херман корпорэйшн», выпускающий литейно-формовочное оборудование в Зеленоплье (Пенсильвания) и компания «Аллайанс тул энд дай корпорэйшн» в Рочестере (штат Нью-Йорк). Первая получила подряд на поставку Чебоксарскому комбинату трех автоматических систем для чугунного и стального литья общей стоимостью 34,5 миллиона долларов. Вторая — заказ в размере 30 миллионов долларов на постройку комплектного завода по изготовлению хромоникелевых столовых приборов и кухонной посуды. (По условиям подряда фирма должна самостоятельно спроектировать завод, построить его, оборудовать и, возможно, даже обеспечить проведение технической подготовки рабочих кадров.)

Продолжение на 6-й стр.

«Дженерал
электрик компани»,
«Лиценцинторг»,
«Машиноэкспорт»,
«Хьюлетт-
Паккард» (внизу).

Фото Хауарда Дж. Сошурека

В производстве автомобилей «Жигули» на ВАЗ'е в Тольятти большую роль играет американское оборудование. В 1974 году с автоматических линий завода сошло 660 000 «Жигулей», построенных под техническим руководством инженеров «Фиата» — крупнейшей итальянской автомобильной фирмы.

На ВАЗ из США было доставлено приблизительно на 50 миллионов долларов различного оборудования, в изготовлении которого участвовало пример-

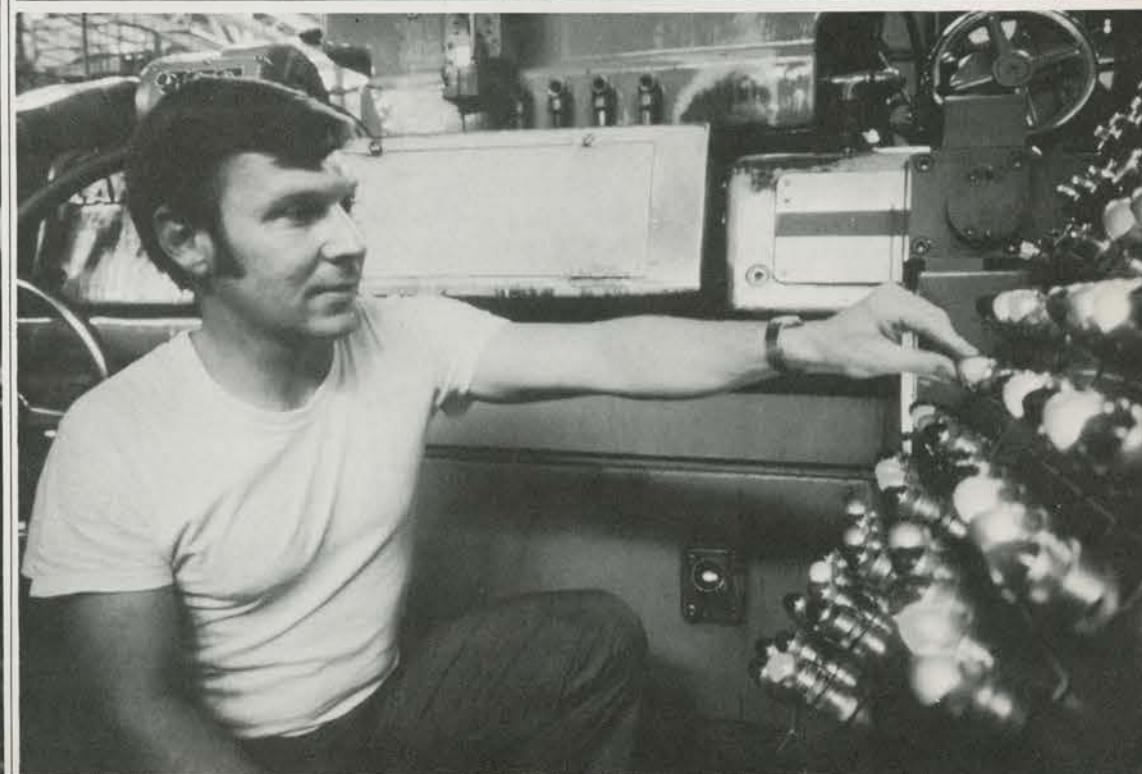
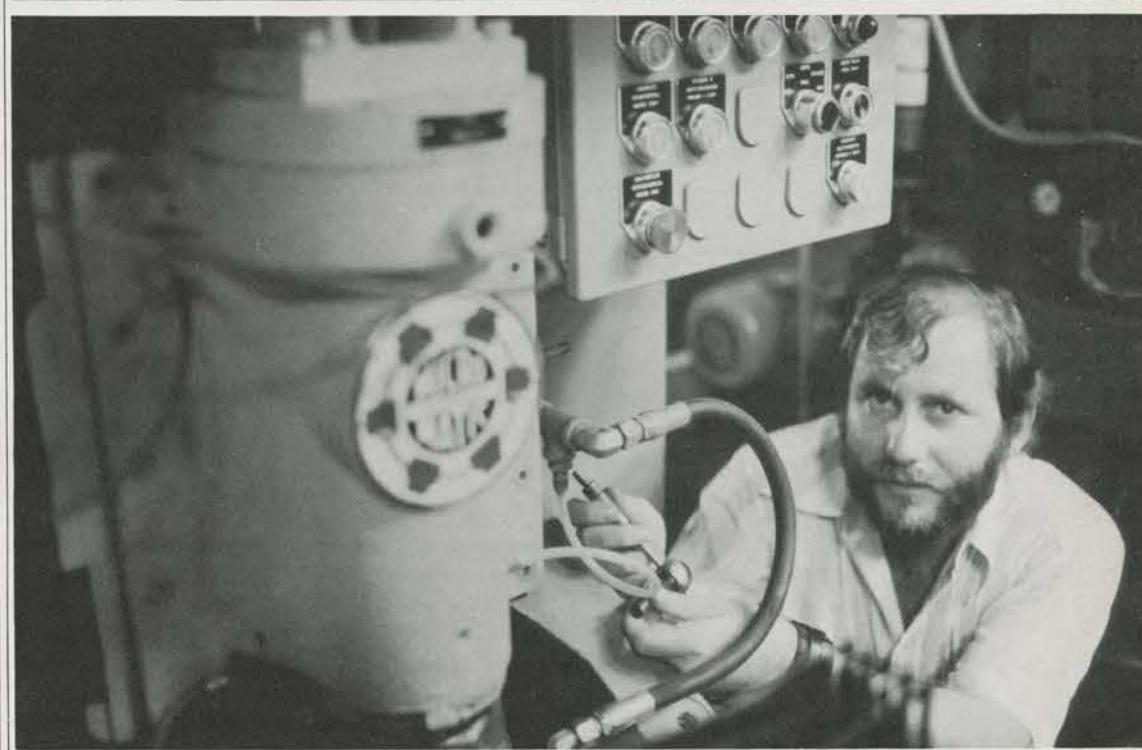
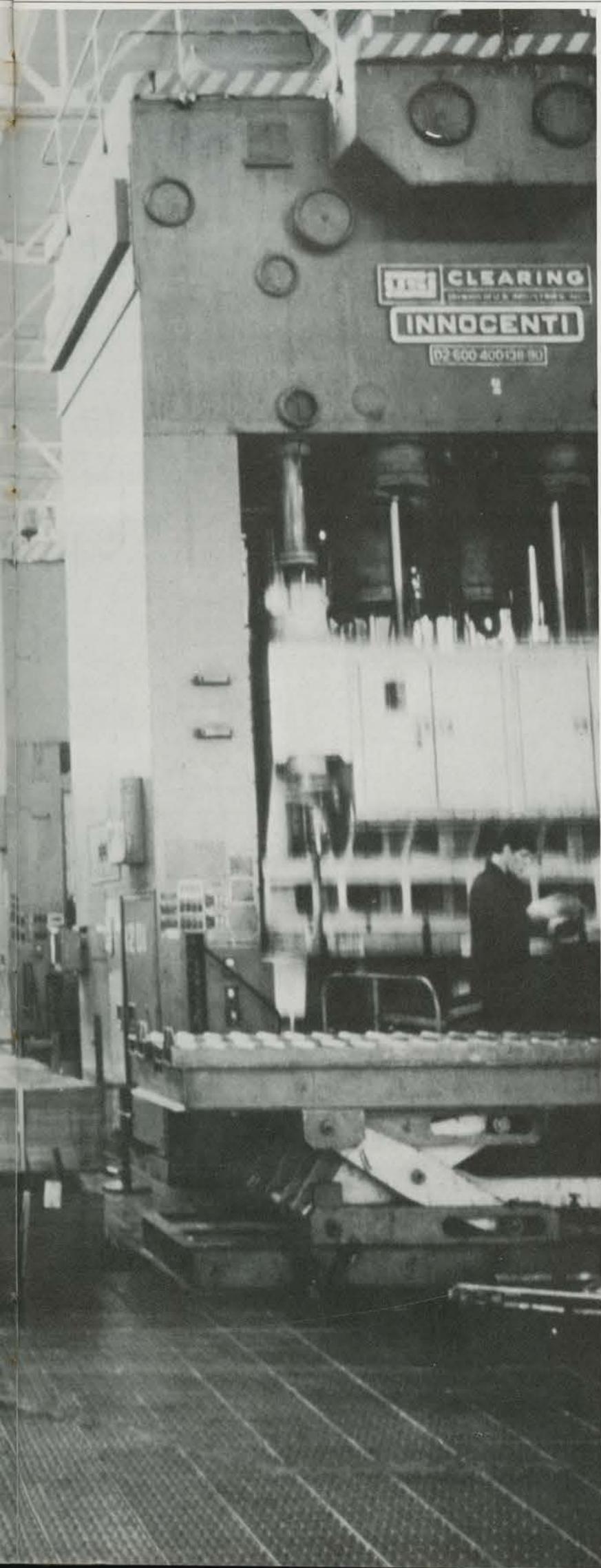
но 50 американских компаний. Кроме того, в поставке оборудования принимали участие также дочерние европейские предприятия американских фирм.

Станки (внизу), штампующие автомобильные капоты, двери и другие металлические детали кузовов, были изготовлены итальянской машиностроительной фирмой — филиалом американской компании «Ю. С. индастриес». Большинство ЭВМ компьютерного центра завода (справа сверху) сделано в США.

В некоторых случаях американские специалисты помогали монтировать оборудование. Джемс Дж. Томпсон (среднее фото справа), служащий компании «Микроматик», находящейся в Брайтоне (Мичиган), проверяет деталь рулевой колонки, изготовленной на станке-автомате. Лии Нидентал (внизу справа) у контрольного пульта шлифовального станка, изготовленного фирмой «Лэндис тул компани», находящейся в Уэнсборо (Пенсильвания).

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ДЕЛЕ: В 1974 ГОДУ «ВАЗ» ВЫПУСТИЛ ОКОЛО 660 000 «ЖИГУЛЕЙ»

КАК СОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕЙСТВУЮТ ТОРГОВЛЕ

К концу 1974 года около 400 американских фирм находились в различных стадиях переговоров (или уже подписали договоры) с советскими торговыми организациями. Некоторые крупные компании, прокладывая себе дорогу к советским рынкам, начинают этот процесс с подписания широких, многолетних соглашений о желании принять участие в программе обменов в рамках научно-технического сотрудничества. Часто такие переговоры приводят к контрактам о производстве американских товаров в СССР или к поставкам в СССР американских изделий.

Д-р Хаммер, который в свое время лично знал В. И. Ленина, поддерживает отношения с лидерами СССР. Большинство американских бизнесменов не имеют прямого доступа к членам Политбюро и не могут, предлагая свои услуги, стучаться в двери правительственные учреждений СССР так же просто, как у себя дома. Поэтому СССР создал процедуры, следуя которым американские фирмы могут наладить торговлю с Советским Союзом.

За интересующими их справками и для установления связи с компетентными лицами и организациями в СССР они могут обращаться в Вашингтоне к советскому торговому представителю Сергею Мкртумову или в Нью-Йорке к Виктору И. Бессмертному, президенту Амторга, представляющего с полсотни специализированных Всесоюзных внешторговых организаций (ВВО).

Кроме того, в Нью-Йорке они могут связаться с Георгием Щукиным, председателем Закупочной комиссии «Камаза» и комбината химических удобрений. В Москве же существует Всесоюзная торговая палата, объединяющая более полутора тысяч ВВО и промышленных предприятий. Она поддерживает и постоянно разрабатывает контакты с иностранными фирмами, организует поездки их представителей в СССР, устраивает в Советском Союзе и за границей выставки, содействует регистрации патентов и помогает при оформлении документов на товары и таможенных формальностей.

Стремление Советского правительства обеспечить представителям американских фирм привычные для них условия работы и удобства свидетельствует о том, какое значение оно придает коммерческим связям с США. Так, в некоторых городах СССР, приезжие бизнесмены могут теперь пользоваться заказанными через американские агентства по прокату автомобилей «Херц» или «Эйвис» советскими ма-

шинами «Москвич», «Волга» или «Жигули». Они также могут пользоваться во многих магазинах и ресторанах кредитными карточками компаний «Америкэн экспресс», «Дайнэрс клуб» или «Банк Америкард».

Конторы большинства американских и западноевропейских компаний пока еще находятся в номерах московских гостиниц. Однако фирма «Оксидентл» подписала с Советским Союзом договор (110 миллионов долларов) на постройку в Москве Международного торгового центра, где разместятся представительства 400 иностранных фирм. В этот комплекс из четырех зданий, который будет обслуживаться советским персоналом (1200 человек), также войдет гостиница на 625 номеров, большой квартирный дом (600 единиц), кабинетные помещения, залы для конференций и первая в СССР площадка для игры в гольф. «Интерконтинентал хотелс», в свою очередь, ведет переговоры о заключении договора на проектирование, внутреннюю отделку и меблировку трех первоклассных гостиниц и подготовку обслуживающего персонала. Новые гостиницы будут построены в Москве (750 номеров), в Ленинграде (1000 номеров) и в Киеве (400 номеров).

КАК АМЕРИКАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕЙСТВУЮТ ТОРГОВЛЕ

Важную роль в американских правительственные кругах в области укрепления торговых отношений с СССР играет учреждение при Министерстве торговли США — Бюро по вопросам торговли между Востоком и Западом, являющееся центральным ведомством, к которому обращаются американские фирмы, желающие вступить в деловые отношения с Советским Союзом. Бюро публикует сводки советских экономических планов, анализы советского рынка, информации о существующем спросе и основанные на текущем опыте прогнозы дальнейшего развития торговых обменов между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Министерство торговли рекомендует американским фирмам посыпать свои изделия на промышленные выставки, считая это самым удобным и эффективным путем для ознакомления ответственных за принятие экономических решений советских руководителей, представителей торговых организаций и потребителей с американскими товарами. Чаще всего такие выставки в СССР проводятся в московском парке «Сокольники», но устраиваются они также и в других крупных городах: Ленинграде, Киеве и Кишиневе. В зависимости от назначения данной выставки в ней принимают участие и советские и иностранные фирмы, или только иностранные фирмы или же фирмы только какой-либо одной страны. Хорошим примером может служить состоявшаяся в апреле 1974 года в Москве выставка американского станкостроения, на которой были представлены станки 80 американских фирм. Непосредственным результатом выставки была продажа станков на 12 миллионов долларов; предполагается, что эта сумма достигнет ста миллионов.

Американские компании могут теперь рекламировать свои товары и услуги в советской прессе. Нью-йоркское агентство «Мастеллер интернэшионал» заключило договор с Внешторгрекламой о помещении рекламных объявлений в 200 советских отраслевых журналах. Фирма «Блэк-Моррис-Рассел в Юнионе (Нью-Джерси) занимается помещением рекламы советских товаров в американских изданиях и выступает в качестве консультан-

та по рекламе, развитию коммерческих связей и сбыту.

СОВМЕСТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ТОРГОВЛИ

Крупнейшим представляющим оба государства учреждением, способствующим развитию торговли, является Совместная Американо-советская комиссия по вопросам торговли, созданная в результате состоявшейся в 1972 году встречи на высшем уровне. Эта организация ведет переговоры, заключает торговые договоры и следит за их выполнением.

По соглашению от 1973 года был также учрежден Американо-советский торгово-экономический совет. Этот Совет, являющийся частной организацией, в 1974 году открыл самую большую в Москве частную контору, занимающую около 560 кв. метров в помещении бывшего магазина спортивных товаров. Обслуживается центр смешанным американо-советским персоналом. Джон Т. Коннор, бывший заместитель директора Бюро по вопросам торговли между Востоком и Западом при Министерстве торговли США, занимает сейчас должность ответственного вице-президента и директора Московского центра. «Мы можем действовать локтями несколько более энергично, чем это может себе позволить правительенная организация», — объясняет он.

Годовой бюджет Совета равняется 1,5 миллиона долларов, причем средства эти поступают как от Советского правительства, так и от 163 американских фирм и многочисленных советских организаций, состоящих в Совете. Совет содействует развитию двусторонних торговых связей, обеспечивает консультацию советским учреждениям по организации сбыта товаров в США и способствует проведению программы «личных контактов», устраивая поездки советских торговых представителей по городам Америки, предоставляя им возможность частным образом познакомиться с ведущими американскими бизнесменами.

БУДУЩЕЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Согласно прогнозам американских экономистов, экспорт США в СССР к 1980 году достигнет 2 миллиардов долларов, а импорт из СССР — более одного миллиарда, причем примерно половину экспорта будут составлять машины и транспортные средства, а импортируется в США будут, по-видимому, в основном потребительские товары.

Джон П. Хардт, старший сотрудник Библиотеки Конгресса США и специалист по вопросам советской экономики, предсказывает, что «...рост торговли в том или ином направлении будет, очевидно, зависеть от соответствующего ее роста в обратном направлении». В числе факторов, предопределяющих этот рост, он указывает на:

- «Желание СССР поддерживать достаточно высокий уровень экспорта нефти и природного газа в США в целях обеспечения притока твердой валюты».
- «Размер доступных Советскому Союзу кредитов для финансирования совместной разработки месторождений минерального сырья, его переработки, транспортировки и сбыта».
- «Способность Советского Союза наладить широкое производство промышленных товаров, соответствующих стандартам Западного рынка. Необходимо также улучшить и организацию сбыта, чтобы, появление на западных рынках конкурирующих советских товаров не вызывало жалоб местных поставщиков на нарушение рыночных правил и норм».

«Союзспуншнин»,
«Всесоюзная
торговая палата»,
«Катерпиллер трактор
компания», «Внешторгреклама», «Пан-
Америкэн эрэйс»,
«Новоэкспорт».

50 ЛЕТ РАБОТЫ АМТОРГА

Акционерное общество «Амторг», представляющее 50 отраслевых торгово-промышленных организаций Советского Союза, было учреждено в 1924 году для продажи советских товаров и закупки американских товаров в Соединенных Штатах. Этую справку дал редакции нашего журнала А. Давыдовский, который в 1936—37 годах был сотрудником «Амторга». В Америку он прибыл в составе группы советских инженеров для закупки оборудования у фирмы, находящейся в Виндзоре (Вермонт). Сейчас он работает по импорту машин. Давыдовский считает, что, продолжая оставаться одной из наиболее передовых в техническом отношении стран, Америка, тем не менее, может с пользой и выгодой для себя познакомиться с опытом и достижениями советских инженеров. Он также отмечает, что некоторые из бывших сотрудников акционерного общества «Амторг» стали теперь крупными специалистами в области советского машиностроения.

Фото Бэрта Глинна

ПЕПСИ-КОЛА В СССР

Несколько лет тому назад, когда делались первые пробные шаги в сторону расширения торгово-экономических связей между США и Советским Союзом, все сделки сводились в основном к следующему: зерно, минералы, металлы и промышленная технология. В настоящее время торговля между США и СССР по-прежнему развивается в этих областях. Но к этому прибавилась торговля различными потребительскими товарами.

В Советском Союзе, например, производится и продается популярный

американский напиток пепси-кола. Пепси-кола поступает из Новороссийска, где налажено производство этого напитка. Пепси-кола так понравилась курортникам, проводящим отпуск на Черноморском побережье, что производство ее сейчас достигло 150 000 бутылок в день, и существуют надежды на дальнейшее распространение пепси-колы в других районах Советского Союза.

Успех напитка объясняется его своеобразным вкусом и бодрящим действием. Даже в Соединенных Штатах, где продается много прохладительных напитков, содержащих кофеин, пепси занимает второе место по сбыту после кока-колы. Как сказал один из жителей Сочи: «Уже сам факт, что пепси-кола — напиток американский, привлекает людей. Для нас это своеобразная экзотика».

Так как рецепт напитка держится в секрете, фактически ни одно из

Вверху слева: директора фирмы «Пепси-Кола» во время первого посещения завода в Советском Союзе. Вверху: Кендалл (слева) через переводчика Виктора Суходрева беседует с Леонидом И. Брежневым. Слева: Кендалл в кабинете министра пищевой промышленности СССР В. П. Леина.

Близу: ледяная пепси-кола, популярный американский напиток, прибыл в Сочи. Справа: работница Новороссийского завода. Внизу справа: Дональд Кендалл прощается с министром Леиным после завершения своего визита в мае 1974 года. Фото крайнее справа: в одном из сочинских кафе.

соглашения был президент фирмы «Пепси-Ко» Дональд М. Кендалл, который значительно расширил продажу напитка — сейчас пепси-кола продается в 125 странах. В декабре 1971 года, на встрече представителей торговых предприятий СССР и

щью американских специалистов из «Пепси-Ко» был переоборудован, и в мае 1974 года с поточной линии сошли первые бутылки. Среди свидетелей этого знаменательного события оказался вездесущий мистер Кендалл: он взял с собой несколько бутылок и лично доставил их в Москву Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу.

«Конечно, — признается Кендалл, — пепси-колу не назовешь товаром первостепенной важности, однако напиток начал торговый диалог между нашими странами, а это гораздо важнее, чем сам товар. И мы очень рады, что именно пепси-кола сыграла важную роль в расширении политических и экономических контактов Советским Союзом».

разливочных предприятий не «делает» пепси-колы: фирма «Пепси-Ко» снабжает их лишь сиропом пепси, который они меняют с газированной водой. На таких же условиях в настоящее время работает и советский завод в Новороссийске.

Фирма «Пепси-Ко», в свою очередь, получила право на продажу советских напитков, включая водку, вина, шампанское, коньяк и ликеры. Инициатором этого торгового

США в Москве, он обратился со своим предложением непосредственно к Председателю Совета Министров СССР Алексею Н. Косыгину. В тот же вечер А. Н. Косыгин в принципе одобрил намеченные пункты соглашения, которое спустя 11 месяцев было подписано представителями советского внешнеторгового объединения «Союзплодоимпорт» и фирмой «Пепси-Ко».

Разливочный завод в Новороссийске с помо-

Уэсли Пруден • С разрешения газеты «Нэшонал обсервер»

Сергей Ильинский ветерок колышет звездно-полосатые флаги. Под восторженные крики толпы из ворот завода в Саут-Бенде (Индиана) с шумом и треском выезжает автомобиль — первый Студебекер с бензиновым двигателем. Дальнейшие события разворачивались как в кино. Один из местных жителей (который, как выяснилось впоследствии, оказался шурином президента компании), справившись о цене, тут же вытащил деньги (машина стоила две тысячи долларов), под звуки бравурного марша сел за руль и укатил домой.

Происходило это в 1904 году. С тех пор в течение 60 лет автомобили марки Студебекер неизменно пользовались большой популярностью. Особенно они славились своим дизайном. Но в декабре 1963 года фирму «Студебекер» постигла участь многих других автомобильных компаний: она прекратила выпуск своих моделей в Соединенных Штатах. Неприятности у «Студебекера» начались в прибыльные для многих фирм послевоенные годы: руководство компании вовремя не вложило деньги в новое оборудование и технологию, не позаботилось о постройке нового завода и не улучшило систему сбыта продукции. Когда компания опомнилась, было уже поздно.

Теперь в непривлекательном кирпичном здании, где «Студебекер» когда-то делал фургоны, в которых переселенцы отправлялись на Запад, фирма Ната Альтмана «Аванти мотор корпорейшн» выпускает штучно, без конвейера, самую последнюю модель «Студебекера» — Аванти.

Детройт, с конвейеров которого сходят тысячи и тысячи машин, может не беспокоиться: фирма «Аванти» выпускает в среднем всего по две машины в неделю — одну темно-зеленую и другую золотистую. Ее годовая продукция не превышает 175 машин. Но модель Аванти приносит фир-

ме прибыль, чего она не делала в бытность свою детишком компании «Студебекер».

На новом предприятии трудятся несколько десятков бывших рабочих «Студебекера», опытных мастеров своего дела. Один из них Рэй Уолтерс. Ему 63 года. Он оснащает Аванти двигателями «Дженерал моторс» (объем 6,6 литра, мощность 245 л. с.). «У нас интересуются качеством, а не количеством, — говорит он. — И скучно нам здесь не бывает». У «Студебекера» Уолтерс занимался стендовыми испытаниями двигателей; здесь же ему на каждом шагу приходится сталкиваться с совершенно новыми проблемами.

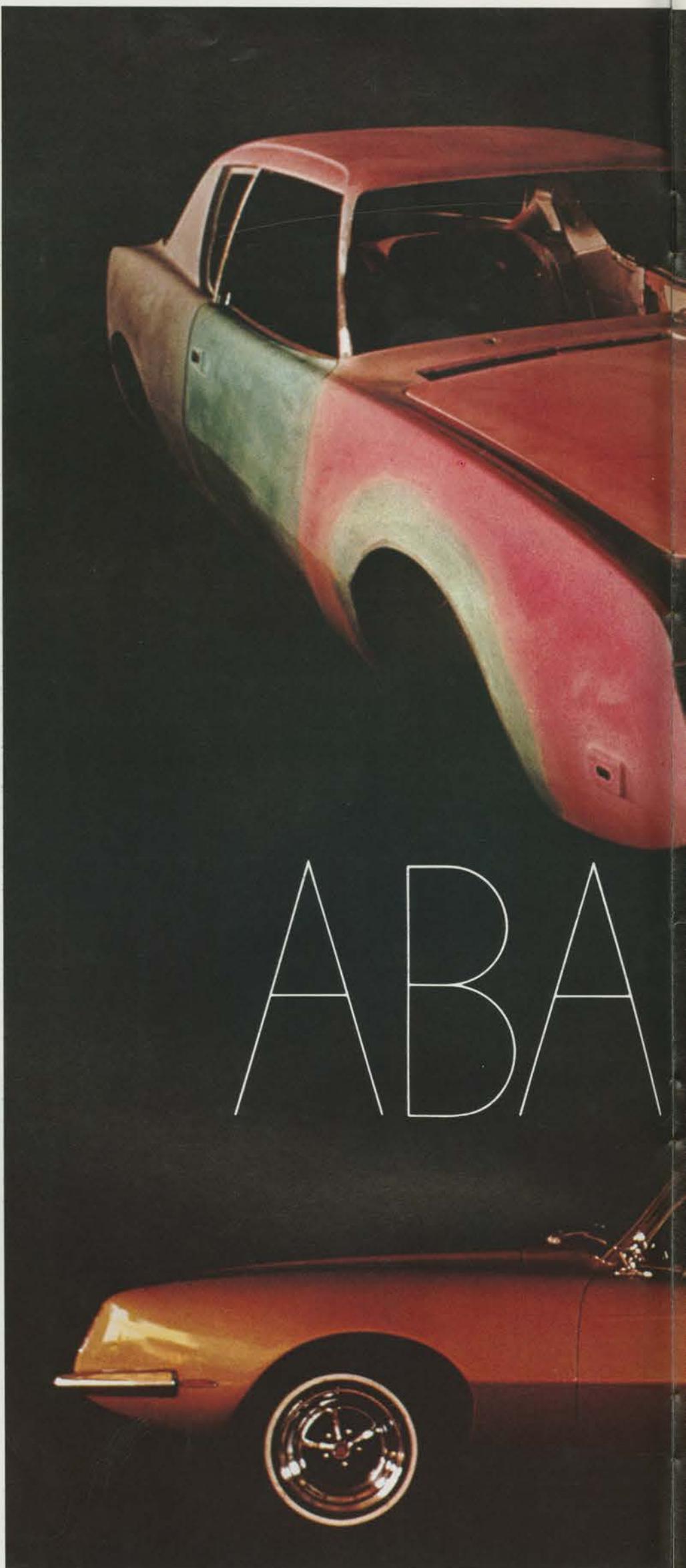
Двигатели, которые «Дженерал моторс» выпускает для своей модели Каприз, поступают сюда в собранном виде. Задача Уолтерса заключается в том, чтобы приспособить их для Аванти: заменить выхлопной коллектор, чтобы разместить двигатель на шасси, добавить различные воздухоочистительные устройства и т. п. Занимает это обычно два дня.

«Часто заказчики приходят к нам посмотреть, как я тружусь над их машинами, — с улыбкой говорит Уолтерс (ему это кажется абсурдом). — А то даже фотографируют меня за работой. Ну и пусть, я не возражаю. Правда, никогда не думал, что мне придется возиться с двигателями таким образом».

Не думал о том вначале и Нат Альтман, хотя и понимал, что если покупатель выкладывает вплоть до 13 845 долларов за машину со всевозможным дополнительным оборудованием, то ему захочется лично убедиться, что его автомобиль действительно изготавливается вручную и именно так, как ему надо.

Когда «Студебекер» решил закрыть свои заводы, Альтман — сейчас ему 62 года — работал агентом по продаже автомобилей в Саут-Бенде, известном своими Студебекерами и Нотрдамским университетом. Как и почти все жители Саут-Бенда, он не доверял слухам о закрытии «Студебекера». Он не сомневался, что Аванти спасет компанию, да и весь город, от надвигающейся катастрофы.

Авт. права: из-за «Доу Джонс энд компани», 1973 г.

А «Студебекер» уже находился в отчаянном положении, когда президентом фирмы стал Шервуд Эгберт, который решил, что пора покончить с консерватизмом. Потому он обратился к Реймонду Леви и попросил его спроектировать спортивную машину европейского типа, чтобы вновь привлечь покупателей в автосалоны фирмы. И вот, в довольно короткий срок — всего за год — была разработана модель «Аванти» (что по-итальянски значит «вперед»).

Что касается дизайна, то Аванти, как и в свое время предшествующие ей модели «Студебекера» Чемпион и Командер, намного опережала своих детройтских со-братьев. Разрабатывая модель Мустанг, появившуюся в 1965 году и сразу покорившую покупателей, «Форд» скопировал обтекаемый капот Аванти. Для своей модели Челленджер «Додж» позаимствовал у Аванти стабилизатор боковой устойчивости. Аванти первым среди американских автомобилей был оснащен дисковыми тормозами и мягкой обивкой приборной панели. И модель до сих пор остается любимым детищем Реймонда Леви.

Но ничто уже не могло спасти «Студебекер» от гибели. «Для массового производства Аванти не годилась, — говорит Нат Альтман, вспоминая события тех дней. — А «Студебекер» нуждался в широком производстве, чтобы обеспечить себе достаточно высокие прибыли. Для поточных линий модель Аванти просто не подходила». Ставяясь спасти модель, Альтман обратился к компаниям «Американ моторс» и «Чекер», но те не проявили никакого интереса. «Чекеру», выпускающему в основном кабинкообразные машины для такси, Аванти показалась просто уродливой. Короче говоря, «Студебекер» начал распродавать свои заводы, штампы и оборудование.

У макета кузова Аванти стоят: главный инженер фирмы Юджин Гардиг (вверху слева) и президент фирмы Нат Альтман (вверху справа). Внизу автомобиль Аванти II.

Не получив ни от кого поддержки, Альтман решил действовать самостоятельно. Хотя он и занимался продажей машин — паккардов, студебекеров и эдселей (которых постигла та же печальная участь), — понятие об автомобилестроении у него было весьма туманное. Представители компании «Студебекер» нарисовали ему самые мрачные перспективы, но они все же согласились продать ему одно из зданий и позже станки, различное оборудование, штампы для производства Аванти и запасные части. Доходы, полученные от продажи деталей грузовиков «Студебекера», позволили создать прототип Аванти II.

В конструкторский отдел Альтман пригласил Юджина Гардига, бывшего вице-президента компании «Студебекер». Поначалу, правда, не обошлось без словесной перепалки: Гардиг обозвал Альтмана «полоумным индианцем» и чуть не выставил его из своего кабинета. Но Альтман стерпел. «В течение всей вашей службы в компании, — сказал он Гардигу, — руководство заставляло вас жертвовать техническими новинками ради экономии на мелочах. Я же представляю вам возможность использовать все эти новинки в моем автомобиле, а что вы делаете? Посыпаете меня к черту». На следующий день Гардиг работал на новом месте.

После долгих уговоров фирма «Моллед файбергласс» в Аштабюле (Охайо) согласилась поставлять кузова для Аванти, как она делала раньше для «Студебекера». «Что же, — сказали там Альтману, — если вы сошли с ума, то и мы готовы последовать вашему примеру».

Чтобы добыть средства для новой фирмы, Альтман привлек своего старого компаньона Лио Ньюмана. Тот предложил участвовать в деле своей сестре и двум братьям (один из них — Арнольд — ныне вице-президент фирмы «Аванти»). Местный банк скрепя сердце предоставил им ссуду на 75 000 долларов, столь необходимых им на первых порах.

Обеспечив себе таким образом финансовую базу,

Альтман начал переговоры с поставщиками. Большинство согласилось сотрудничать: «Дженерал моторс» – обеспечивать двигателями и коробками передач, «Бендикс» – делать тормоза, «Американ моторс» – поставлять обогреватели ветровых стекол, рулевые колонки, контрольные приборы и фары. Рамы X-образного сечения фирмы «Бадл» уже были – десять лет тому назад Альтман закупил 20 грузовиков таких рам для «Студебекера», и теперь они ему пригодились.

«Обычно крупные поставщики более сковорчивы, чем мелкие фирмы», – рассказывает Альтман. – Конечно, они могут создать вам жестокую конкуренцию, так уж полагается в бизнесе. Но намеренно разорять другую компанию они тоже не станут».

Главным преимуществом Альтмана (и «Аванти») было наличие в Саут-Бенде бывших сотрудников «Студебекера», которые хотели остаться в городе и продолжать работать в автопромышленности. Юджин Гардиг нанял лучших инженеров «Студебекера», в цехах компании стали трудиться опытные мастера: делать обивку, красить кузова, монтировать приборные панели. Вначале средний возраст персонала был около

62 лет, сейчас он стал ниже. В компании занято человек девяносто. Конвейера нет; из цеха в цех машины доставляют на четырехколесных тележках. Весь рабочий процесс занимает обычно десять недель – от того момента, когда файберглассовые части кузова достают из контейнеров, и до испытания уже готовой продукции на водонепроницаемость.

Альтман говорит, что может выпускать до трехсот машин в год. Если выпускать больше – пострадает качество. А брак на заводе считается недопустимым явлением. «Конечно, совершенства достичь невозможно», – признается Альтман, – но мы, тем не менее, к этому стремимся».

Гарантийный срок Аванти – 12 месяцев или 20 000 километров пробега. Однако фирма часто посыпает механика бесплатно починить машину, купленную три-четыре года тому назад, если она считает, что неполадки произошли по ее вине. Обычно владельцы Аванти для технического обслуживания пользуются гаражами компании «Дженерал моторс» или же небольшими местными мастерскими.

В стране есть всего лишь шесть представителей фирмы; как правило, Аванти

приобретают на заводе – сам Альтман непосредственно занимается продажей каждого автомобиля. Будущий владелец Аванти звонит или пишет фирме; после этого на него заводится специальная карточка, которая хранится у Альтмана. Все последующие письма подшиваются к делу. «Мы хотим знать, куда попадает каждая машина», – рассказывает Альтман, – мы интересуемся тем, как она себя ведет, доволен ли ею владелец».

Цена Аванти – 8645 долларов, кроме этого завод предлагает дополнительное оборудование, которое в общей сложности стоит свыше пяти тысяч долларов. Большинство машин продаются тысяч за десять. Покупатели сами выбирают интерьер и окраску. Недавно к Альтману приехал хирург из Канзас-Сити с женой и человеком, который обставил им квартиру. Цель поездки была выбрать материал для обивки салона.

Новая модель Альтмана Аванти II – почти точная копия Аванти I. Приспособливая новую модель к двигателю «Дженерал моторс», Альтман выровнял линию капота, углубил гнезда колес и слегка «вытянул» заднюю часть кузова. «Хром мы убрали», – говорит он. Теперь машина в

точности соответствует первоначальному дизайну Леви, которому, кстати, Альтман подарил специальную модель Аванти.

Предельная скорость Аванти 250 километров в час, и именно эту скорость машина развивает на испытательном полигоне фирмы «Дженерал моторс». Однако Альтман предпочитает умалчивать о скорости и говорить, скажем, о сидениях из бельгийской замши.

«Из-за проклятых скоростей я и выбрался из Детройта, – жалуется Рэй Уолтерс. – Все там куда-то мчатся. Кончит парень работу, садится за руль и гонит, как сумасшедший, домой. А чего ради? Дома сидит без дела или спит. Нет, тут у нас гонки нету. Я дня два вожусь с одним двигателем, никто меня не торопит, никто не понуждает».

Гери Шиманскому 27 лет, работает он на сборке корпусов. Он вполне согласен с Уолтерсом. «Надоест работать, я пойду за чашкой кофе, выпью ее не спеша. Никто ничего не скажет. В этом отношении у нас порядок. Не то что в мастерской, где я шил пеленки. Там все было скользким, скользким. И, между прочим, здесь работать приятнее, чем продавать машины, чем раньше занимался Нат Альтман. ■

РЕЙМОНД ЛЕВИ: мастер дизайна

□ Реймонд Леви готов проектировать, переделывать и оформлять все что угодно. Холодильники, зубные щетки, тепловозы, шариковые ручки, самолеты, автомобили – всего не перечтешь.

Родился он во Франции, в 1919 году приехал в США, где начал работать иллюстратором журнала мод. В 1927 году открыл собственное бюро и начал применять функциональный дизайн к промышленной продукции. «Хорошее оформление радует потребителя, приносит фирме прибыль и не оскорбляет вкус эстета», – вот его художественное кредо тех дней.

Идея его оказалась столь

новой, что поначалу Леви было трудно заинтересовать своим подходом заказчиков. Каждому предмету, убеждал он, самому простому или самому сложному, можно придать идеальную форму, которая красиво и экономично соответствует его функциям. И вот в 1934 году Леви наконец пробился: спроектировал холодильник с алюминиевыми полками, которые не ржавели – что было новинкой.

Успех был молниеносным. Позже Леви стал художественным консультантом сотен американских и зарубежных фирм. Вскоре он превратил свое дело в одно из лучших в мире. Трудно

перечислить все награды, которые он получил за годы работы дизайнером. По его эскизам были выполнены автомобили Аванти, эмблема почтового ведомства США, интерьер космической станции «Скайлаб».

Среди всех иностранных специалистов по промышленной эстетике Леви первым заключил договор с Советским Союзом 25 ноября 1973 года. Перед его фирмой, говорит Леви, были поставлены три задачи: оформлять потребительские товары для внутреннего рынка; показать советским дизайнерам, как американцы решают проблемы промышленной эстетики, вклю-

чая то, как они ведут анализ рынка; улучшить дизайн советских экспортных товаров, что увеличит их сбыт.

Самый крупный заказ, предусмотренный договором, – дизайн нового советского автомобиля, который сойдет с поточных линий, сейчас выпускающих Москвичи. Опыт, который Леви приобрел, создавая Аванти, несомненно приведет к осуществлению новых замыслов. «В автомобилестроении пора вернуться к здравому смыслу», – говорит Леви. – Я категорически возражаю против больших и неэкономичных моделей, созданных за последнее время». Кроме того, Леви займется дизайном советских тракторов, крылоходов, спортивных мотоциклов, электронных часов, фотоаппаратов и холодильников. Работа будет проводиться в Нью-Йорке, в бюро Леви, и частично в его парижском филиале. ■

ДИАГНОЗ С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРА

С разрешения бюллетеня «ДЖОНС ГОПКИНС ДЖОРНАЛ», весенний выпуск, 1974 год.

Визуальная коммуникация, то есть передача информации посредством рисунка, а не посредством условных символов (как цифры и буквы) уже несколько лет привлекает внимание ученых университета Джонса Гопкинса в Балтиморе, в особенности сотрудников психологического и электротехнического факультетов. Новое успешное применение компьютерной техники для получения рисованных изображений усилило интерес к этой области.

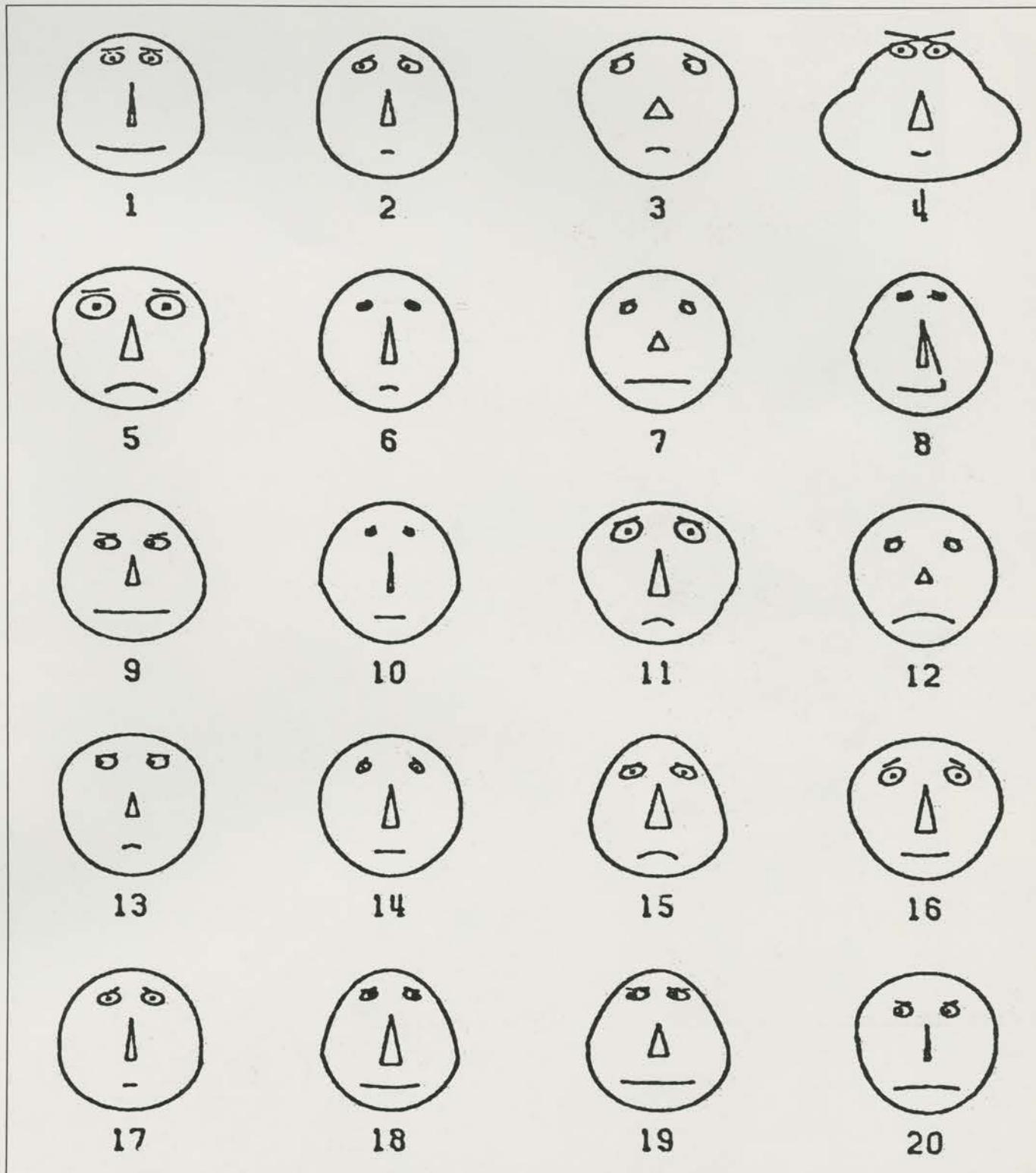
Сейчас там проводятся две научно-исследовательские работы, связанные с изучением возможности передачи информации с помощью особой формы компьютерной графики — контурных карикатурных физиономий. Идея, впервые выдвинутая в 1971 году статистиком из Стенфордского университета Германом Черновым, заключается в том, чтобы вычислительная машина по заданной программе рисовала человеческие лица, форма и выражение которых наглядно передавали бы одновременно большое количество разнобранной информации. Посмотрев на такой рисунок, специалист мог бы с первого же взгляда оценить положение в интересующем его вопросе.

Новшество этой концепции состоит в том, чтобы заставить компьютер рисовать лица: сама мысль о том, что выражение лица на карикатурах и шаржах передает определенные эмоции, далеко не нова, и изучением этого явления занимаются ученые разных стран, включая и Советский Союз.

На электротехническом факультете Университета Джонса Гопкинса группа под руководством д-ра Уильяма Хагинса занимается исследованием возможности передачи психиатрической характеристики человека с помощью контурных физиономий. Член группы — студент Тимоти Коул — в сотрудничестве с врачами больницы Службы здравоохранения в Балтиморе (Мэриленд) занимается разработкой стандартного набора таких контурных физиономий, которые помогли бы классифицировать пациента во время сложных процедур проверки его состояния. Еще до приема у психиатра пациенту задают ряд вопросов, и на основании его ответов вырабатывается так называемый «профиль» (или характеристика) обследуемого, отражающий различные черты его характера и оттенки эмоционального состояния, в чем-либо отклоняющиеся от нормы.

Д-р Хагинс говорит: «Мы считали реальной возможностью передать в линиях физиономии многое из того, что обычно интересует врача. Идея тут заключается в том, чтобы дать возможность врачу так сказать единым взглядом охватить медицинский профиль пациента, что совершенно невозможно сделать по таблице с обычной сводкой. В настоящее время Тимоти Коул рисует контурные физиономии, в которых пытается передать различные эмоции с тем, чтобы психиатры могли распределить их по различным категориям и по возможности составить из них своего рода «семейство».

Работа д-ра Хагинса натолкнула на

По нарисованным компьютером контурным физиономиям врач с одного взгляда сможет определить психическое или физическое состояние пациента.

мысль профессора психологии того же университета Хауарда Эгета предпринять аналогичное исследование, но в другой отрасли медицины. В частности ему принадлежит идея испытать физиономии для передачи состояния пациентов в палатах интенсивного ухода. Линии физиономий можно было бы изменить для передачи состояния жизненно важных функций организма, таких как пульс, кровяное давление, температура, дыхание.

«За пациентом будут непрерывно наблюдать электронные приборы, — говорит д-р Эгет. — Может быть прошло бы, чтобы в случае серьезного ухудшения состояния пациента подавался сигнал тревоги, например, звенел звонок или вспыхивала лампочка. Но такую сигнализацию легко устроить только для тех кризисов в состоянии

больного, которые я назвал бы одномерными, — когда критически отклоняется от нормы какой-нибудь один фактор. Но как быть, если пульс больного упал не настолько, чтобы это угрожало жизни, температура несколько поднялась, скорость дыхания изменилась тоже в пределах, которые сами по себе тревоги не вызывают, — но все взятое вместе предвещает катастрофу? Нарисованная физиономия может передать целый синдром, набор характерных симптомов. Во всех более сложных случаях, чем «одномерный» кризис, это дало бы возможность оценить положение больного сразу вместо того, чтобы читать диаграммы и показания приборов и приходить к выводу лишь после долгих размышлений».

«Не обязательно, конечно, изображать состояние именно рожицей, — го-

ворит он, — но эта идея нам понравилась потому, что у каждого есть многолетний опыт наблюдения за человеческими лицами. Хотя эти рожицы и шаржированы, но их можно наделить ярко выраженной индивидуальностью и характерностью».

С идеей использовать для этой цели нарисованные рожицы соглашается и д-р Хагинс, обративший внимание на то, что, как показали проведенные исследования, младенец уже в первые недели жизни реагирует на объекты, похожие на человеческие лица, а в полгода уже выделяет материнское лицо среди всех остальных. «С информационной точки зрения человеческое лицо — объект сложный, — говорит он, — так что мысль использовать черты лица для передачи сложной информации представляется вполне естественной».

УТРОМ В БОЛЬНИЦЕ, ВЕЧЕРОМ ДОМА

Атмосфера больницы с ее специфическими запахами и звуками немножко обескуражила
Мору, однако присутствие матери успокоило девочку.

ФОТО СУЗАН АНДЕРСОН

Четырехлетнюю Мору Мошер доставили в Вашингтонскую детскую больницу в 9 часов утра. В одной руке она держала свою любимую куклу Сузи, другой рукой крепко обнимала за шею мать. В этот день девочке предстояло сделать операцию по исправлению косоглазия.

Хотя Мора и немного капризничала, все время требуя от матери заверений, что та останется с ней, однако во время всей предоперационной процедуры девочка проявляла меньше беспокойства, чем ее родители. Всех обнадеживало одно обстоятельство: если операция пройдет успешно,

Мора должна была вернуться к себе домой, в Арлингтон, в тот же день вечером. Так называемое однодневное лечение, когда больной спустя несколько часов после операции возвращается домой, стало практиковаться в США сравнительно недавно. Вашингтонская детская больница — одна из 7000 американских больниц, которые стали применять при несложных операциях

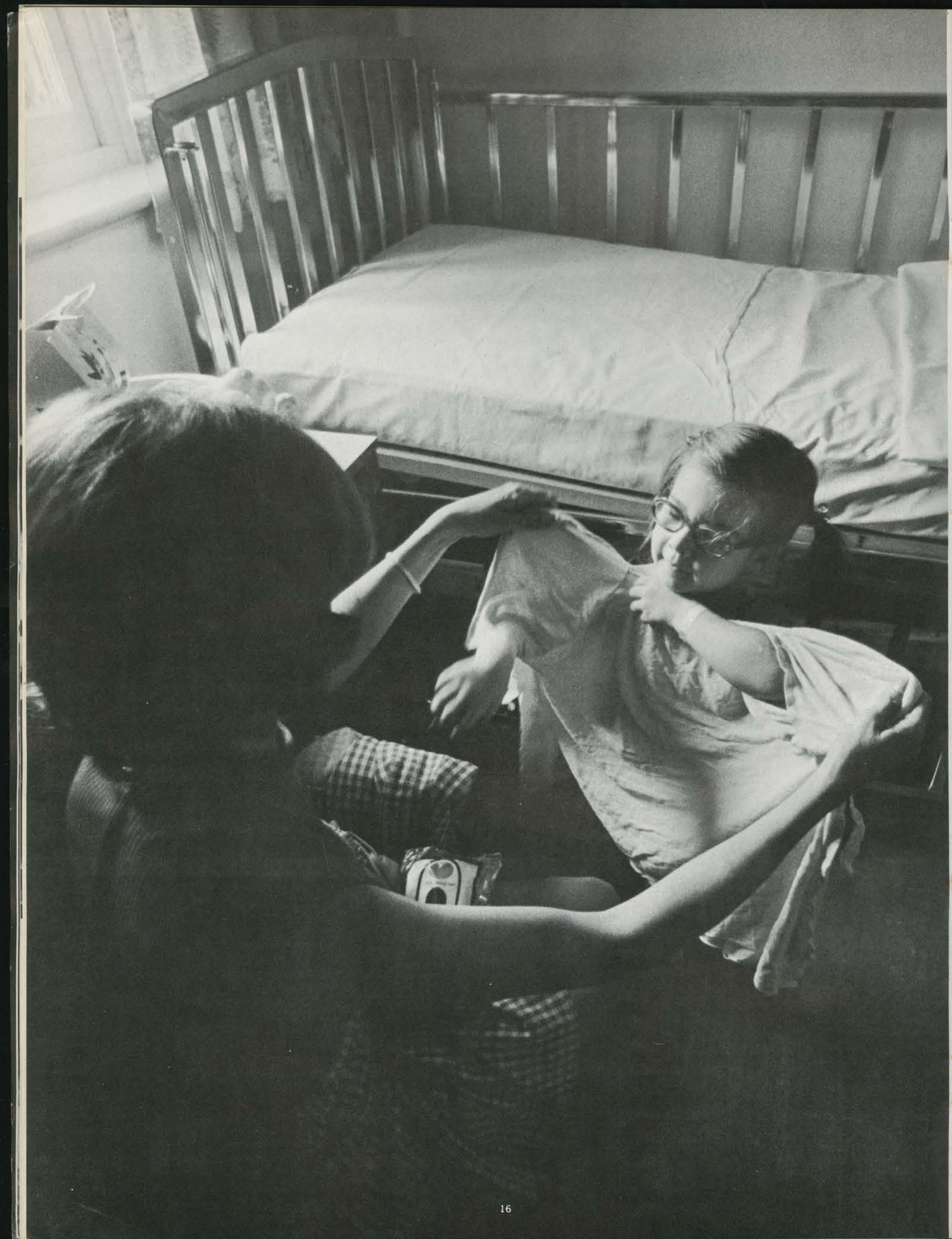
этот новый метод. Однодневное лечение сокращает медицинские расходы и освобождает больничную койку для более серьезных случаев, уже не говоря об облегчении, которое испытывают больные, покончив со всем в один день. Малышам, вроде Моры, стараются создать все условия, чтобы день, проведенный в больнице, как можно меньше отличался от обычных ребячих будней.

Нужно сказать, что больничные запахи и звуки мало способствуют тому, чтобы четырехлетний пациент чувствовал себя нормально. И когда ребенка колют в палец, чтобы взять на анализ кровь, вряд ли он сочтет это обычным, повседневным событием. А вот маленький пластиковый браслет с ее именем, который надели Море на руку, девочке понравился. Вдобавок к этому «тетя» дала Море длинную рубашку, халат и шлепанцы, а также — маленький чемоданчик.

Девочка отметила, что люди вокруг были добрыми и было не так уж плохо. Конечно, папа и мама добрее, и дома будет гораздо лучше... Но и тут ничего.

Мора Мошер вместе с мамой и любимой куклой проходят процедуру приема (внизу). Каждому новому пациенту надевают на руку пластиковый браслет, на котором записаны все данные о больном. Против браслета Мора не возражала (нижнее фото).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ПРЕКРАСНЫЙ УХОД—ВОТ ЧЕМ ОТЛИЧАЛОСЬ ОДНОДНЕВНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ МОРЫ В БОЛЬНИЦЕ

После взвешивания и проверки температуры Мора надевает больничный халатик (слева), мать все еще с ней. После этого, в ожидании операции, Мора решила ознакомиться с больницей (фото внизу).

Мать не покинула дочь до тех пор, пока та не уснула под действием наркоза (слева). Операция длилась два часа (внизу). Мору оперировали по исправлению косоглазия — дефект, при котором наблюдается неправильное положение органа зрения и в глазах все двоится. После операции девочка некоторое время находилась под наблюдением медицинского персонала (нижнее фото).

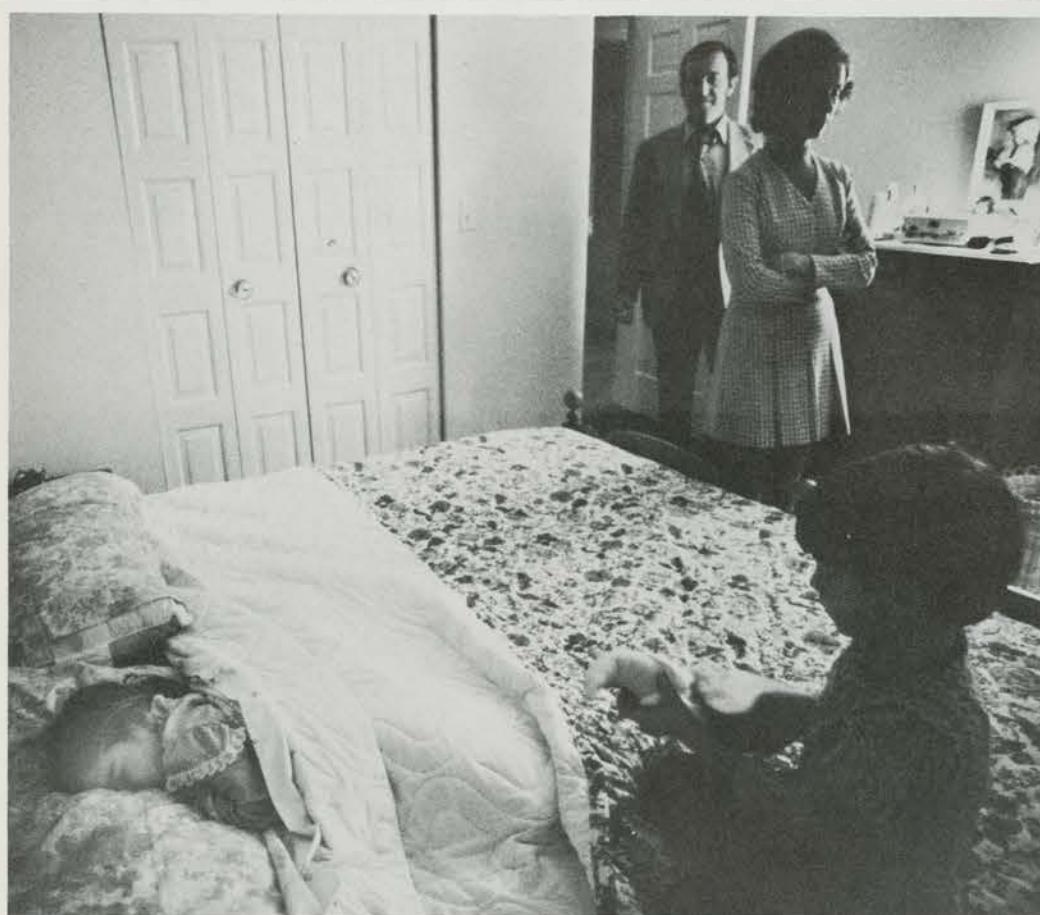

Наконец все закончено, и Мора вместе с родителями после многочасового отсутствия возвращается домой.

Операцию, которую сделали Море, называют вертикальной, или амбулаторной. При нынешнем росте стоимости медицинской помощи, новый метод пользуется большой популярностью. Отбор кандидатов для подобных операций происходит очень строго. Оперируемых должен обладать крепким здоровьем. Диабетики, например, или пожилые люди, сюда не подходят, ибо у них могут возникнуть осложнения. Операция должна быть быстрой, на небольшом участке тела и с минимальной потерей крови. После операции за больным ведется наблюдение, при наличии головокружений или тошноты домой его не выписывают.

Малолетних пациентов после операции стараются как можно скорее вернуть родителям. Море выпали из больницы в пять часов вечера, в операционной она провела два часа. Оперировал ее доктор Дэвид Френдли, возглавляющий в больнице программу детской офтальмологии. Операция заключается в расслаблении глазодвигающей мышцы; это напоминает расслабление натянутой резинки. После такой операции глаза постепенно занимают свое нормальное положение. Все это врач объяснил родителям Моры, у которой оба зрачка занимали ненормальное положение, таким образом д-р Френдли оперировал оба глаза.

Операция прошла успешно. Мора в тот же день возвратилась домой и уснула в своей собственной кроватке. Она проспала всю ночь и большую часть дня, даже не заметив своего старшего брата Эдди, который пришел ее навестить и ободрить. С собой он привнес игрушечного утенка.

Как и было обещано, Мора в тот же день возвратилась домой в свою собственную постель (вверху).

Правда, прошло довольно много времени, пока она

полностью не пришла в себя после операции.

Через несколько недель (фото справа) глаза девочки приняли нормальное положение.

ДЖЕМС АЙДЕМА • «А все-таки наш город чем-то напоминает морской порт, — задумчиво говорит хозяйка дома и, заметив мое недоумение, с улыбкой добавляет: — Да, именно порт: приветливый, располагающий к себе, космополитический».

Миссис Мейер, жена вышедшего на покой владельца ранчо и общественная деятельница, рассказывает о родном городе с любовью и пониманием человека, прожившего здесь всю жизнь. Она старается объяснить мне истинный характер города Санта-Фе (столица штата Нью-Мексико) и показать мне его как бы «изнутри». Конечно, никакого порта здесь нет и в помине, но тем не менее этот очаровательный город ежегодно привлекает свыше двух миллионов туристов. Наш разговор происходит летним утром 1974 года. Мы сидели в саду, окружающем дом, в котором миссис Мейер живет уже 60 лет. Это — один из самых старых домов старейшей американской штатной столицы. Над нами шелестела листва ивы, и легкий ветерок покачивал яркие розы. У высокой стены, отделявшей сад от оживленной Де-Варгас-стрит, приятно журчал небольшой фонтан.

«В прошлом сюда приезжали заканчивать свой земной путь, и это считалось в порядке вещей, — продолжает миссис Мейер. — Кое-что от тех времен сохранилось до сих пор. Кто только не находил здесь свой конец: трапперы и охотники, писатели и художники, авантюристы и просто любители поживиться. Были среди них люди хорошие и плохие. Впрочем, даже и сейчас Санта-Фе остается превосходным местом для людей, мечтающих о спокойной старости».

По мнению миссис Мейер, давно утвердившееся за городом название «Конец пути» как нельзя больше подходит ей. Многие побывавшие в Санта-Фе, выйдя на пенсию, возвращаются

сюда на постоянное жительство, поэтому здесь так много домов для престарелых. Город и его центральная площадь Плаза славятся тем, что когда-то здесь кончалась легендарная «Тропа Санта-Фе» — это был конечный пункт для караванов фургонов, груженных товарами Северо-Востока США. Этой тропой караваны шли из Индепенденса (Миссури), покрывая расстояние около 1500 км и находясь в дороге несколько месяцев. Испанские конкистадоры еще в середине XVI века из мексиканской провинции Чиуауа проложили сюда дорогу Камино-Реаль, но купцы с Востока стали приходить в Санта-Фе только после 1821 года. Утомленных долгим переходом фургонщиков старожилы встречали здесь дружеской пер斯特релкой, без описания которой не обходится ни один рассказ о своеобразном гостеприимстве Старого Запада. Спустя некоторое время груженные золотом и мехами фургоны пускались в обратный путь на Восток.

«Конечно, теперь к нам приезжают не за золотом, — говорит миссис Мейер. — Наше теперешнее богатство, — и она широко разводит руки, как бы приглашая меня полюбоваться, — это климат, краски, обилие света, просторы, живописная природа. Все это очаровывает людей с Востока и заставляет их возвращаться сюда. Потребовалось два столетия для того, чтобы Америка «открыла» Нью-Мексико».

* * *

Перевалив через хребет Сангре-де-Кристо по Глориетта-пасс и спускаясь вниз по шоссе № 25, которое проходит как раз по следу старой тропы, я старался представить себе, как выглядел Санта-Фе в те времена, когда здесь проходили караваны фургонов. Сейчас меня поразило, как естественно сливаются город со своим окружением. Его мягкие плавные очертания кажутся ча-

стью ландшафта. Если прогресс и принес изменения в эти места, то отсюда этого почти незаметно.

Сверху открывается прекрасный вид на город. Приезжего, не привыкшего к высоким плато американского Юго-Запада, поражает сияющая прозрачность воздуха. Ему кажется все неправдоподобным, особенно если он, как и большинство туристов, приехал из большого города, где высокие здания и дымный воздух заслоняют горизонт и ограничивают вид ближайшим светофором. Здесь по ослепительной голубизне неба плывут белые облака и — как поется в популярной песне — «видно бесконечно далеко». Внизу, до самого горизонта, волнисто колеблющегося в солнечном сиянии, расстилается, словно ковер невиданной расцветки и узора, горная равнина, на которой тут и там выделяются вечно-зеленые кустарники и каменные глыбы. Плывущие по равнине тени облаков создают впечатление постоянного движения, смены красок и очертаний: песчано-коричневое на глазах сменяется розовато-лиловым или красным. На горизонте освещенная солнцем гряда постепенно принимает очертания города. Ночью отдаленные огни Лос-Аламоса легко призывают за мерцание звезд.

Может быть высота, с которой открывается эта панорама, обостряет восприятие путника? Многие приехавшие из городов, расположенных не высоко над уровнем моря, не сразу привыкают к разреженному воздуху горных возвышенностей — дышать становится труднее, наступает необычное возбуждение. Спускающемуся с трехкилометрового горного перевала действительно может показаться, что его первое впечатление о Санта-Фе, как о чем-то сказочном, волшебном, — просто результат «опьянения», вызванного недостатком кислорода. Однако это впечатление не только не рассеивается, но, напротив, увеличивается и не проходит во время всего пребывания в Санта-Фе до того дня, когда наступает час прощаться с городом и с его достопримечательностями, со старинными зданиями, построеными свыше трех с половиной веков тому назад — еще тогда, когда испанцы воздвигали свои аванпосты в Новом Свете.

Санта-Фе, или «Королевский город», как он назывался раньше, лежит на высоте 2135 метров на горном плато на севере центральной части штата Нью-Мексико. На вершинах Сангре-де-Кристо, возвышающихся с востока, и на горах Сандия и Хемес, обрамляющих город с юга и с запада, до конца июня лежит снег. Он снова появляется ранней осенью, примерно в то время, когда на горных склонах ниже начинает золотиться и краснеть листва.

Климат в Санта-Фе в общем мягкий и сухой: в среднем три четверти года здесь сияет солнце и средняя максимальная температура самого жаркого месяца (июля) 27°C. Самый холодный месяц — январь со средней температурой 4,5°C выше нуля. Это идеальная температура для зимнего спорта, центром которого является лыжный курорт северо-восточнее Санта-Фе. Я был в Санта-Фе в середине августа и наслаждался прекрасной летней погодой, а ее апофеозом была величественная гроза, прогремевшая над городом в мой последний вечер.

Санта-Фе занимает площадь 75 кв. км и лежит в долине реки Рио-де-Сан-

та-Фе, в том месте, где она вытекает из ущелий у подножья хребта Сангре-де-Кристо. Летом извилистая речка высыхает. Официально в городе живет приблизительно 50 000 человек, но, по некоторому замечанию одного сотрудника местной торговой палаты, цифра эта занижена якобы потому, что извилистые улицы города затрудняют подсчет. «Возможно, что при каждой переписи мы пропускаем по несколько тысяч», — говорит он. Так или иначе, годовой прирост составляет 2–3 процента. Предполагается, что к 1980 году население достигнет 70 000 человек (что, впрочем, никого особенно не волнует). Первоклассная сеть учебных заведений включает общественные и частные (католические) школы и два четырехгодичных колледжа. В Санта-Фе есть оперный театр, три драматические труппы, полдюжины музеев, свыше 50 художественных галерей, несколько великолепных ресторанов, больница на 214 коек и — поскольку город является столицей штата Нью-Мексико — импозантный наподобие круглого индейского ритуального здания — «кива».

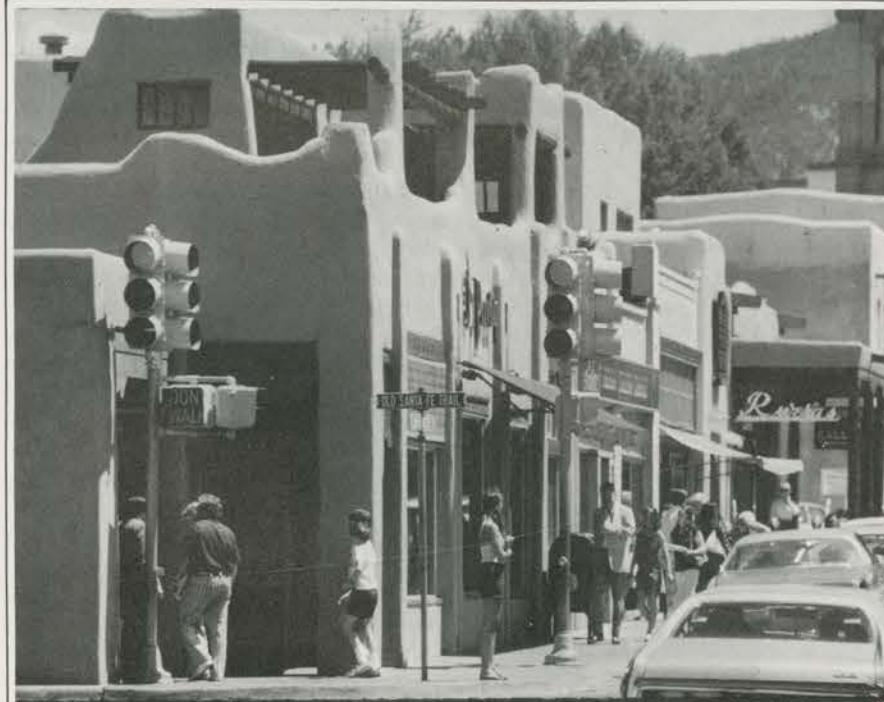
Вся промышленность города представлена двумя небольшими предприятиями — это завод приборов радиоактивного детектирования и швейная фа-

брика, выпускающая джинсы; всего на них занято 700 человек. Крупнейшими работодателями являются штатные, областные и городские учреждения, в которых в общей сложности занято около одной трети работающих. В городе есть несколько небольших фирм — строительных, финансовых, страховых, по продаже недвижимого имущества и т. п., но большинство работающих связано прямо или косвенно с главной отраслью местного хозяйства — с обслуживанием туристов. Сюда относятся отели (около 50) и магазины подарков и сувениров.

Однако, в отличие от других городов, экономический «кровообмен» которых зависит от регулярного притока долларов со стороны в Санта-Фе (он в 1974 году составил 30 миллионов), в столице Нью-Мексико, по-видимому, не очень заботятся о привлечении туристов. Большинство тех, с кем мне приходилось говорить на эту тему, относилось к проблеме привлечения туристов либо совершенно равнодушно, либо даже враждебно. Тот факт, что Санта-Фе — единственная штатная столица США, которая до сих пор не имеет ни железнодорожного вокзала, ни аэропорта, является для многих жителей своеобразным источником гражданской гордости. В сущности говоря, что-то похожее на аэропорт в городе есть, но в своем нынешнем виде он пригоден лишь для небольших частных самолетов. Показательно, что проведенное недавно голосование по вопросу о выпуске займа на финансирование работ по удлинению и ремонту взлетно-посадочных полос с тем, чтобы приспособить их для современных воздушных лайнеров, дало отрицательный результат. Тем не менее все говорит за то, что аэр-

Санта-Фе

КОНЕЦ ПУТИ

порт будет модернизирован и средства на это отпустит Федеральное правительство. Член городского управления Филип Бака, трезво оценивающий события, предсказывает, что в конце концов Санта-Фе появится в расписаниях крупных авиалиний. Но пока что человек, направляющийся в Санта-Фе, если он едет не на машине и не на автобусе, должен лететь сначала до Альбукерке (95 км на юго-запад) или же ехать по железной дороге до Лами (30 км на юг), где поезд останавливается только в том случае, если нужно высадить или подобрать пассажиров. И тем не менее — кто знает, может быть, для избалованного современным удобным сообщением туриста, как и для пионеров прошлого столетия, трудности пути, делают цель еще желаннее, еще привлекательнее. И несмотря на особое географическое положение Санта-Фе, вопрос, над которым боятся многие американские города, — прогресс или консервация, — неизбежно всплывает в беседах местных жителей.

«Вы, вероятно, догадываетесь, кто голосовал против займа на аэропорт? — спрашивает миссис Мейер. — Это зажиточные люди, переселившиеся сюда на постоянное жительство. После того, как сами они осели здесь, они не хотят, чтобы город продолжал расти. Туристы их раздражают. Это они-то и укрупняются за разговорами о «консервации». У нас тут теперь немало набралось таких людей!»

* * *

На Плазе нужно побывать, как это сделал я, ранним утром, когда в неподвижном прохладном воздухе висит аромат кедрового дыма (Санта-Фе город каминов). В этот час можно по-настоящему оценить это ущелевшее сокровище древнейшего уголка Америки. Если вы замешкаетесь, ретивая толпа туристов из Нью-Йорка, Лос-Анжелеса, Далласа, Миннеаполиса и из многих других городов не даст вам помечтать. Но в этот обворожительный час раннего утра вряд ли кто нарушит ваше одиночество в этом прелестном уголке канувшего в вечность мира. Плаза — это центр Санта-Фе, очаровательной столицы, основанной на каких-то 10 лет раньше Плимутской колонии в Массачусетсе. Когда-то Плаза была в три раза больше, чем сейчас, и в разные времена имела военное и религиозное назначение, служила загоном для скота, ареной для боя быков и базаром. Одно время она была местом публичных телесных наказаний, и в здешней тюрьме сидели знаменитые бандиты, вроде Билли Кода. В юго-восточном углу площади находится Ла-Фонда, где когда-то разгружались караваны фургонов. Превосходный старинный отель, обставленный наподобие испанского особняка, до сих пор самая популярная гостиница города. Плаза и сейчас еще центр города — место свиданий, отъезда и деловых встреч. За несколько дней, проведенных мной в городе, я побывал на Плазе на концерте народной музыки и импровизированных танцев, на шахматном турнире, на индейской ярмарке, которая продолжалась два дня, и повидал множество праздношатающихся и просто сидящих и с деловым видом греющихся на солнце, лучи которого просачиваются сквозь листву стройных тополей.

Преобладающий цвет в Санта-Фе — цвет почвы: большинство общественных зданий глинистые, сделанные из

высущенной на солнце глины, по здешнему — «адоби». Испанские первооткрыватели встретились здесь с индейцами, жившими в деревнях, выстроенных из адоби — так называемых «пузбло» — и выработали свою собственную модификацию таких построек — испанское пузбло. Эти пузбло представляют собой одну из особенностей местного архитектурного стиля. Позднее, когда была проложена Тропа Санта-Фе, американцы с Востока привезли сюда новые материалы и новую технику и стали, например, применять для укрепления открытых саманных построек кирпич-железняк. Так возник другой — территориальный — стиль, получивший название от того, что он развивался в те годы, когда Нью-Мексико было территорией Соединенных Штатов.

Как необъятные просторы штата Нью-Мексико меняют цвет с переменой освещения, так изменяется в разное время дня и расцветка самого города. Когда лучи раннего солнца внезапно заливают дворец губернатора, возвышающийся в северной части Плазы, его фасад из ярко-оранжевого становится почти белым, но окна и двери внизу, под порталом, простирающимся почти на целый квартал, остаются погруженными в глубокую тень. Немного погодя здесь, в этой прохладной тени, начинают рассаживаться индейцы из ближайших пузбл, продающие туристам бусы из кукурузных зерен, браслеты из серебра и бирюзы, корзины, гончарные изделия и поджаренные лепешки. И эти неторопящиеся индейцы у стен самого старого здания в стране вызывают у посетителя совершенно особые своеобразные чувства.

Эль-Паласио-Реаль — прекрасный образец стиля испанского пузбло с характерными выступающими с фронтов балками, поддерживающими плоскую крышу. Здание было построено в 1610—1612 годах испанцами, прибывшими в эти края из Сан-Хуан-де-лос-Кабальерос — первого испанского поселения в Северной Америке. Оно находится в 45 км к северу от Санта-Фе. Третий испанский губернатор провинции Нуэво Мехико Дон Педро де Паралта выстроил здесь свой дворец, походивший больше на крепость. По приказу испанского короля Филиппа II, он заложил Плазу, а вокруг нее построил город, обнесенный стеной. Остатки стены можно видеть и теперь. С 1913 года во дворце губернатора помещается штатный музей Нью-Мексико, до этого на протяжении свыше трех с половиной веков здесь была резиденция глав шести различных правительств. Датируя эти перемены, местные специалисты слегка округляют даты, что, впрочем, ничуть не умаляет их исторического значения:

1. 1610 г. — 1680 г. — испанская оккупация;
2. 1680 г. — 1693 г. — оккупация индейцами пузбло, закончившаяся восстанием, за которым вновь последовало испанское владычество, продолжавшееся до 1821 года;
3. 1821 г. — 1824 г. — провинция Мексиканской империи, независимой от Испании;
4. 1824 г. — 1846 г. — территория республики Мексика;
5. 1846 г. — 1912 г. — территория Соединенных Штатов;
6. 1862 г. — двухмесячная оккупация армией Конфедерации во время Гражданской войны в США.

Местные историки могли бы удлинить этот список, добавив седьмую дату: в 1912 году Нью-Мексико стало 47 штатом США. Санта-Фе унаследовал характерные черты трех цивилизаций: индейской, испанской и «англо» (как здесь называют всех белых неиспанского происхождения). Три эти культуры играли преобладающую роль в истории Санта-Фе.

Плаза выступает на историческую сцену еще в ранний период, но в своем нынешнем виде и размерах получает известность гораздо позже, — главным образом, благодаря усилиям Общества охраны старины, основанного в Санта-Фе в 1926 году.

С 1962 года, когда Плаза была объявлена национальным историческим памятником, все коммерческие здания, построенные в течение последних ста лет по трем сторонам площади, были как бы объединены в один ансамбль пристройкой порталов и крытых веранд в стиле испанского пузбло. Вот почему турист, уже очарованный своеобразным местным колоритом города, не удивится, увидев в северо-восточном углу площади банк в стиле пузбло или глинистую заправочную станцию, с выступающими балками — всего в нескольких кварталах от Плазы. Покойный писатель Оливер Лафарж в свое время составил проект первоначальной «исторической зоны» в центре города. Проект был принят в 1957 году. Представляя собою поначалу небольшой пояс, окружающий Плазу, «зоны» со временем разрослась и теперь охватывает весь юго-восточный сектор города площадью почти в 13 кв. км. Каждое новое здание в границах «зоны», как и любая перестройка стоимостью свыше 50 долларов, должно быть предварительно утверждено Комитетом по охране исторического стиля. Некоторые особенно рьяные поборники «консервации» предлагают объявить историческим памятником весь город, но их предложение наталкивается на сопротивление людей с низким доходом, не желающих обзаводиться выдержанными в определенном стиле саманными жилищами, особенно в настоящее время, когда стоимость строительства так поднялась.

Большинству американских столичных городов знакома эта «болезнь роста» — период коренных перемен в жизни города и особенно в его архитектурном облике. Санта-Фе, конечно, тоже подвержен давлению обычных социальных, экономических и политических факторов нынешнего времени. Парки для жилых трейлеров, таверны, закусочные и прочие малопривлекательные порождения современной городской культуры концентрируются в Санта-Фе, как и в других городах, по окраинам, вдоль шоссе. Некоторые новые строения грубо маскируются «под старину». Правда, «трушоб», в том смысле, в каком это слово применяется к некоторым кварталам больших городов, в Санта-Фе не существует, и малосостойтельные семьи живут бок-о-бок с зажиточными старожилами. Новоприезжие, по словам миссис Мейер, тяготеют к менее населенному району, например, к восточной части города, откуда с холмов открывается великолепный вид на долину Рио-Гранде и на горы, возвышающиеся на западе. Под вечер, сидя у себя на патио и потягивая коктейли, обитатели особняков могут любоваться замечательной красотой за-

катами и в прямом и в переносном смысле не видеть города, который так причудливо раскинулся там где-то внизу.

«В сущности, наш город не богат, — говорит уже упомянутый нами Филип Бака. — Значительный процент земель принадлежит правительству, церквам и школам и, следовательно, не облагается налогом. И хотя обилие правительственные учреждений помогает поддерживать занятость рабочей силы на достаточно высоком уровне, наши доходы от налогов невысоки, потому что основная масса населения принадлежит к той категории, которая платит небольшие налоги. Поэтому бюджет для города таких размеров слишком мал. Единственно, чем мы можем помочь делу — это привлечением мелкой промышленности, не загрязняющей окружающую среду».

Все эти проблемы — общие для больших городов, и устраниить их не легко. Недостаток воды, например, отпугивает мелкие предприятия. Проблемы, конечно, есть, но из всех американских городов, в которых мне приходилось бывать, Санта-Фе — самый мирный и уютный. Здесь архитектура, климат и культура сочетаются самым наилучшим образом, и характерной чертой всего уклада жизни является естественная вежливость и бескорыстная гостеприимность обитателей города.

* * *

«Предание гласит, что Де Варгас (генерал Дон Диего де Варгас, совершивший в 1693 году бескровный переворот, вернувший Санта-Фе Испании), был пьян, когда закладывал новый город, — продолжает свой рассказ миссис Мейер. — Освещая себе дорогу фонарем, он пробрался со своим ослом целую ночь, а потом сел и набросал план города. Согласно преданию, так и появились наши узкие, кривые улочки. Конечно, причиной было то, что генерал шел по индейской тропе, проложенной Бог знает за сколько лет до него. А сама тропа следовала кривизм извилистой реки».

* * *

Город особенно хорош утром. Прервите на время свои занятия и побродите по окрестным улицам (не все они кривые). Город давно уже проснулся, и начинающее припекать солнце загнало туристов в лавочки и в музеи, выстроившиеся по всем сторонам Плазы, или в прилегающие к ней старинные здания.

Бродя по улицам Санта-Фе, нельзя не посетить три храма, которым в истории города принадлежит особое место. Церковь Сан-Мигеля — старейшая миссия в Соединенных Штатах, построенная в 1626 году для обслуживания индейцев. Она была разрушена во время восстания индейцев пузбло и восстановлена в 1710 году. Внешний вид миссии Сан-Мигеля менялся много раз, но древность ее мощных стен не вызывает сомнений. Два других каменных храма — Систерс-офф-Лоретто и собор Св. Франциска — находятся на расстоянии квартала друг от друга. Оба были построены по указанию архиепископа Жана Батиста Лами, послужившего для Виллы Кэттер прототипом величественной фигуры Жана Латура в ее романе «Смерть приходит к архиепископу». Монахини Систерс-офф-Лоретто были представительницами первого женского религиозного ордена в Нью-Мексико. Одна из достопримечатель-

тельностей их храма — «чудесная лестница», построенная без единого гвоздя и без каких-либо других видимых креплений. Согласно преданию, ее строителем был не кто иной, как сам Святой Иосиф. Храм Св. Франциска с 1610 года был приходской церковью, а с 1869 года стал собором; массивное здание храма выстроено в романском стиле, напоминает он церковь в Клермоне в юго-восточной Франции — родине архиепископа Лами.

Читатель, вероятно, уже заметил, что, говоря о Санта-Фе, невозможно обойтись без прилагательного «старый». Например, рядом со старой миссией Сан-Мигеля, на одной из старейших улиц страны — Де-Варгас-стрит, — стоит самый старый дом в Америке, построенный индейцами выше 800 лет тому назад. Он замечателен тем, что его нижняя часть строилась из жидкой глины — из так называемого «глиняного теста». Говорят, что это — редкий образец местной древней архитектуры: такие строения составляли селение Пуэбло-де-Аналко, которое было на месте нынешнего Санта-Фе, когда сюда пришли испанцы и в том числе францисканские монахи. Стены этого приземистого, непривлекательного здания как бы вросли в землю, из которой они были сделаны. Туристы, заглянувшие сюда, опасливо спешат пройти по угловым сырьим помещениям с низкими сводами, чтобы поскорее выбраться на свежий воздух, на солнце. Или, подобно автору этих строк, — побыстрее нырнуть в ресторан.

Чтобы отведать лучшие блюда юго-западной кухни, истинный гурман должен побывать в одном из пригородных ресторанов, вроде Ранчо-де-Чимайо — обширного поместья («гасиенда»), расположенного в горах в 40 км от Санта-Фе. К поместью примыкает крохотная деревушка, для которой гасиенда служит, по-видимому, единственным источником существования. Ужин при свечах на патио ресторана под открытым небом так же романтичен, как и интересен в гастрономическом отношении. После коктейля «маргарита» (мексиканская водка из кактуса, сок лайма, апельсинный ликер) рекомендуется «뉴-멕시칸ское блюдо», состоящее из типичных местных деликатесов. К нему подают: гренки, пироги из кукурузной муки с мясом и специями, рисовую кашу, фасоль, фаршированный чилийский перец с сыром и многое другое.

Наиболее элегантный ресторан в самом городе — «Компаунд» — находится на расстоянии пешеходной прогулки от оживленной художественной колонии города — Кэньон-род. Здесь можно поесть в прелестном глиняном здании, отделанном внутри по проекту местного художника Александра Жирарда, или в испанском садике под пышными тополями. Я был удивлен, обнаружив, что в меню «Компаунда» (как и других хороших ресторанов города) преобладают европейские и американские блюда. Рыбное филе, например, которое подают в «Компаунде» на ленч, не уступает тому, что мне приходилось есть в лучших французских ресторанах. Цены во всех ресторанах города и его окрестностях умеренные, особенно в сравнении с нью-йоркскими, виноградными или, скажем, чикагскими.

Кэньон-род до прихода испанцев была извилистой индейской тропой, кото-

рая шла вдоль речки Рио-де-Санта-Фе. Она вела от перевала через Сангре-де-Кристо в индейское пузебло Пекос. До недавнего времени ею главным образом пользовались дровосеки, возвившие на ослах дрова на продажу в город. Теперь дорога на протяжении первых шести километров от города тесно обстроилась студиями, галереями, подарочными магазинами. В летние дни после полудня здесь всегда толпится много любителей искусства. Бойко продаются картины, художественные и кустарные изделия. Ассортимент товаров здесь варьирует от грошевой мишуры до дорогих полотен хорошо известных художников.

В Санта-Фе процветает художественная колония, возникшая на базе того движения, что на рубеже нашего века зародилось в городке Таос (примерно в 100 км к северу от Санта-Фе), когда такие видные художники, как Эрнест Блуменшайн «открыли» просторы Юго-Запада с их необычайным освещением и пышностью красок. Тогда же они столкнулись с таосскими индейцами «облаченными» (по описанию Блуменшайна), подобно греческим богам, в белые одеяния и живущими в многоэтажных глиняных домах-общинах. Сначала в здешней художественной колонии преобладали академические веяния XIX века, романтично сочетавшиеся с гуманистической, или «благородно-варварской» школой, но по мере того, как в Таос и в Санта-Фе стекались новые художники, среди них появилось и несколько самобытных мастеров. К числу наиболее известных художников, работавших здесь, принадлежали: Роберт Генри, Джон Слоан, Джон Марин и Стюарт Дэйвис. У Питера Хэрда и у Джорджа О'Киффа сейчас здесь свои дома и ателье. Во время моего пребывания в Санта-Фе много говорили о новом художнике Фрице Шолдерре. Цены на его крупные полотна в местных галереях доходили до 8000 долларов. Шолдер, в числе предков которого были и индейцы, возглавляет группу художников, пишущих гневные пародийные портреты в полуреалистическом, полукарикатурном стиле, на которых современный индеец изображается как гордая жертва истории. Даже самые названия его картин — «Безумный индеец», «Кричащий индеец», «Индейцы, идущие в никуда» — указывают на революционную сущность нового жанра, бесконечно далекого от идеи «благородного варварства». Многие картины Шолдера вызывают у зрителя смех, за которым углубляется чувство внутренней неловкости.

Отдавая должное шолдеровскому саркастическому восприятию мира, мы вместе с тем не можем не заметить и того, что именно на Юго-Западе Америки индейцы — их религиозные верования, их обычаи, национальные костюмы — поразительно хорошо уживаются с религиозными верованиями, обычаями и нарядами доминирующего белого населения. Жители Санта-Фе нередко говорят, что они «наследовали три культуры», хотя в сущности индейская «треть» существует отдельно, главным образом, на государственные субсидии и сохранилась в восьми далеко друг от друга лежащих пузебло. И все же тот факт, что индейская культура не только избежала неминуемого, казалось бы, влияния современного прогресса, но и продолжает процветать, кажется каким-то чудом. И ни в чем другом

жизнеспособность индейской культуры не проявляется так ярко, как в искусстве. Это искусство традиционно — традиционно в том смысле, что оно восходит в основном к материалам, формам, технике и тематике древних образцов. И оно столь же чуждо и суете Кэньон-рода, и радикальной манерности Фрица Шолдера. Тем, кого интересует индейское искусство, следует побывать в Санта-Фе во время ежегодной двухдневной ярмарки, проводимой под шефством Юго-Западной ассоциации по индейским делам. Так называется некоммерческая организация, занимающаяся с 1922 года обслуживанием индейцев, которую поддерживают и индейцы, и неиндейцы. Ярмарка, устраиваемая в третью субботу и воскресенье августа, привлекает на Плазу сотни художников, мастеров-умельцев и тысячи посетителей. В прошлом году в ярмарке (крупнейшей за все годы) участвовало 325 человек, съехавшихся не только из юго-западных штатов, но также из Вашингтона, Южной Дакоты, Колорадо и Невады. В субботу утром, вскоре после восхода солнца, перед открытием происходила выдача призов по 77 категориям. За два дня около 25 000 посетителей побывало на ярмарке. До позднего вечера покупатели и зеваки толкались, рассматривали и приобретали картины, безделушки, гончарные, плетеные и ювелирные изделия, выставленные на продажу.

Любителям индейского искусства, помимо ярмарки, хорошо было бы отправиться в один из пузебло, чтобы увидеть на месте работу гончаров, особенно таких, как знаменитая Блу Корн из Сан-Ильдефонсо (см. «Америка», № 220) или Элен Кордеро, которая у себя на кухне вылепливает из глины причудливые группы сидящих фигурок — она их называет «куклами-рассказчиками». Самая большая из них изображает патриархального, невозмутимого вида старика-рассказчика, на руках, на коленях и на спине которого разместилось больше 20 ребятишек. Прототипом этого старика, по словам самой миссис Кордеро, послужил ее собственный дедушка. «Куклы остались единственными сказочниками, — со вздохом замечает она. — Все, что теперь слушают детишки, — это телепередачи». На нынешней ярмарке, как и в прошлые годы, одна из кукол миссис Кордеро была премирована и продана за 800 долларов.

Меценатство также укоренилось в Санта-Фе, как саманные постройки. Однако в городе с его большой колонией художников и скульпторов, с его театральными труппами, музеями, с неизменно теплым доброжелательным отношением к искусству индейцев до недавнего времени не было отдельного музыкального центра. Однако, благодаря энергии и инициативе некоего Джона Кросби, который вырос и ходил в школу в этих краях, а потом уехал на Восток учиться, Санта-Фе обогатился замечательным оперным театром. Кросби изучал композицию в Йельском университете и дирижирование у Пьера Монте, он мечтал о карьере оперного дирижера и вернулся в Нью-Мексико с твердым намерением создать здесь оперную труппу. Зная, что у многих талантливых американских певцов летом нет ангажементов, он не без основания предполагал, что их можно будет убедить летом выступать в Санта-Фе за сравнительно скромное

вознаграждение. Мечтам Джона Кросби суждено было воплотиться в жизнь. Оперный театр Санта-Фе в 1975 году открыл свой девятнадцатый сезон. Качество здешних постановок высоко оценивается музыкальными критиками всего мира. Уинтроп Сарджент недавно писал о них в журнале «Нью-Йоркер»: «Я могу только сказать, что получил небывалое удовольствие, слушая и смотря именно такую оперу, какой она, по моему мнению, должна быть».

* * * * *

«Опера придала городу еще одно измерение, в котором он давно нуждался, — говорит миссис Мейер, президент Оперной ассоциации Нью-Мексико. — Теперь вы можете прибавить оперный театр к тому, о чем мы говорили раньше — к нашим просторам и вообще ко всему, что побуждает таких людей, как вы, однажды побывавших здесь, снова стремиться сюда. Опера — новый вклад в нашу сокровищницу».

Примерно четверть репертуара — произведения современных композиторов. Основной состав труппы — молодежь, однако в главных ролях выступают известные певцы из оперы «Метрополитэн» и из Нью-Йоркской городской оперы. В Санта-Фе состоялись мировые или американские премьеры некоторых произведений таких композиторов как Альбан Берг, Ханс Вернер, Хенце, Лучиано Беррио, Эйтор Вила Лобос, Карлайл Флойд, Пауль Хиндемит, Игорь Стравинский, Дмитрий Шостакович, Арнольд Шенберг, Джан Карло Менотти, Кшиштоф Пендерецкий и Бенджамин Бриттен. Я видел в Санта-Фе «Богему», в постановке которой удачно сочетаются патетическая традиция с оригинальной интерпретацией. В программу сезона 1974 года были включены «Волшебная флейта», «Герцогиня Герольштейнская» Оффенбаха, «Лулу» Альбана Берга, а также опера итальянского композитора XVII века Франческо Кавалли «Эгист», впервые поставленная на американской сцене.

Здание оперного театра заслуживает того, чтобы о нем было сказано несколько слов. Построено оно на холме в восьми километрах к северу от города и выглядит так, словно готово взлететь. Особенно эффектно это оригинальное здание выглядит в вечерний час, когда стены его залиты розовыми отблесками нью-мексиканских сумерек. Как раз в это время, примерно к девяти часам вечера в театр и начинают съезжаться зрители.

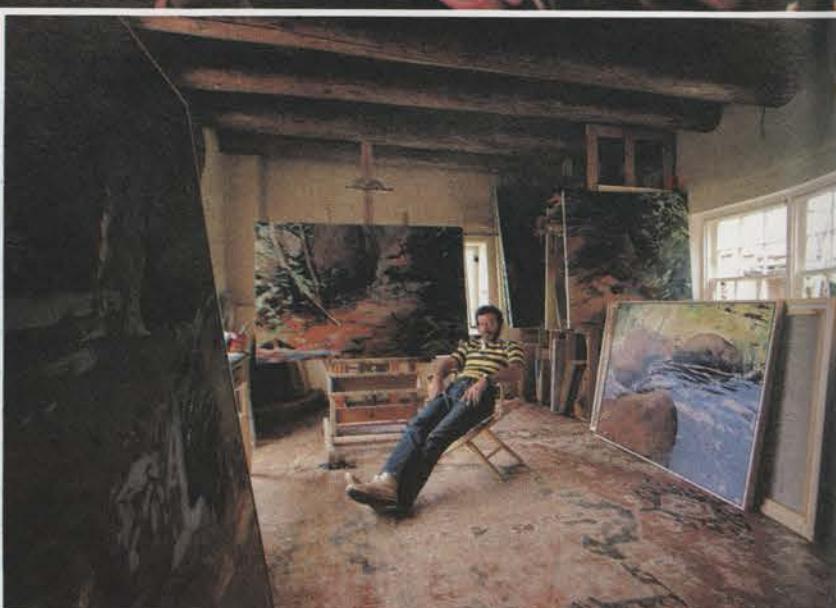
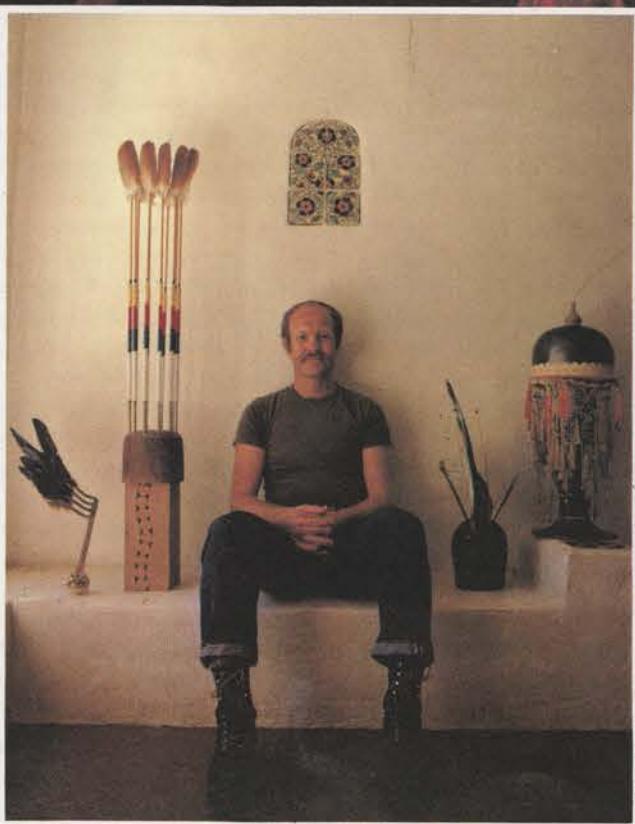
Позже, уже во время представления, через отверстия в заднике сцены видны появившиеся на небе звезды и огни далекого Лос-Аламоса. И если в этот вечер идет «Мадам Баттерфляй», то зрителю они могут показаться огнями далекого порта Нагасаки.

Покровитель Санта-Фе Св. Франциск Ассисий, резьба Бена Ортега.

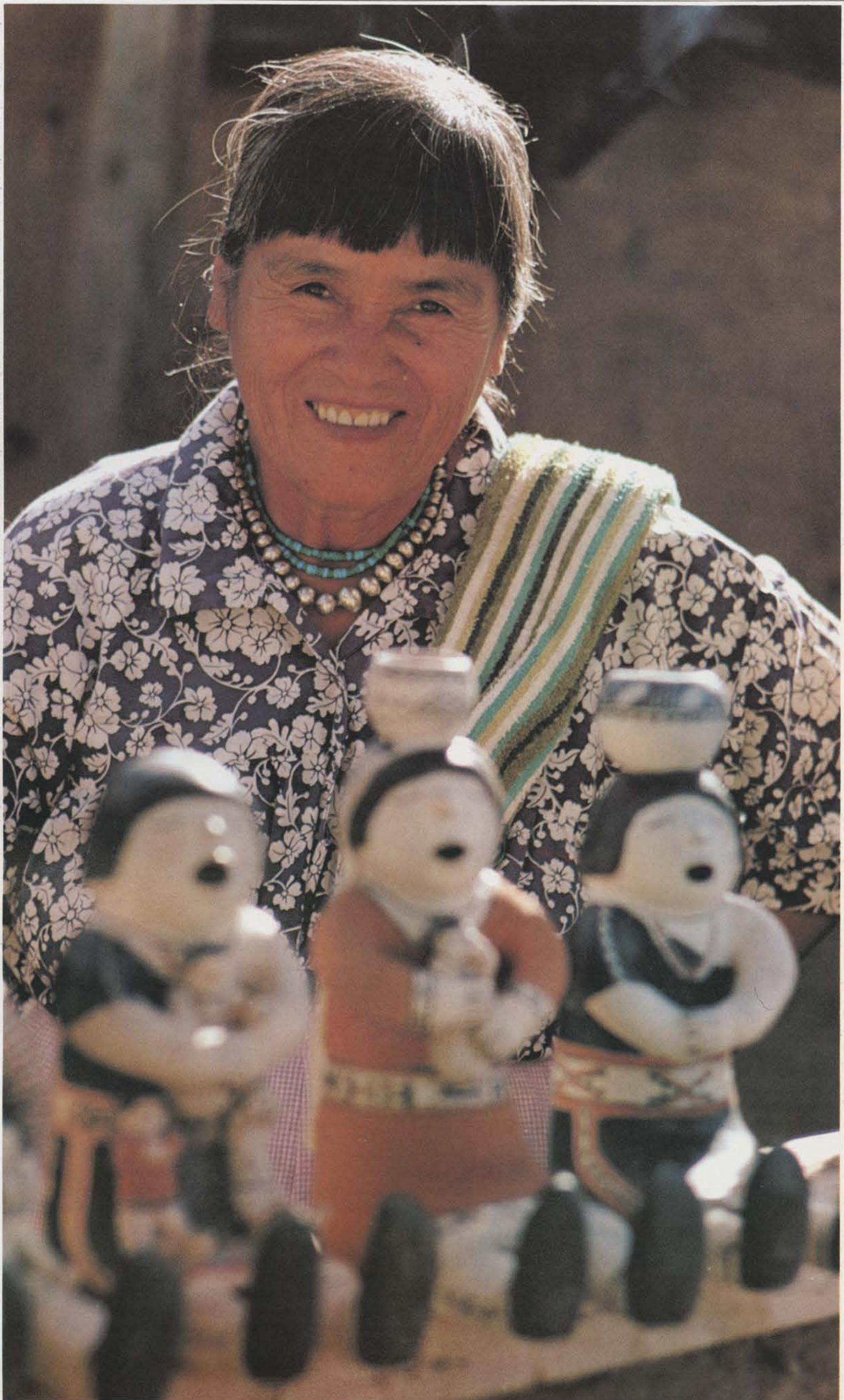

На солнечном юго-западном плато в Нью-Мексико уживаются серьезное искусство и многолюдные индейские ярмарки

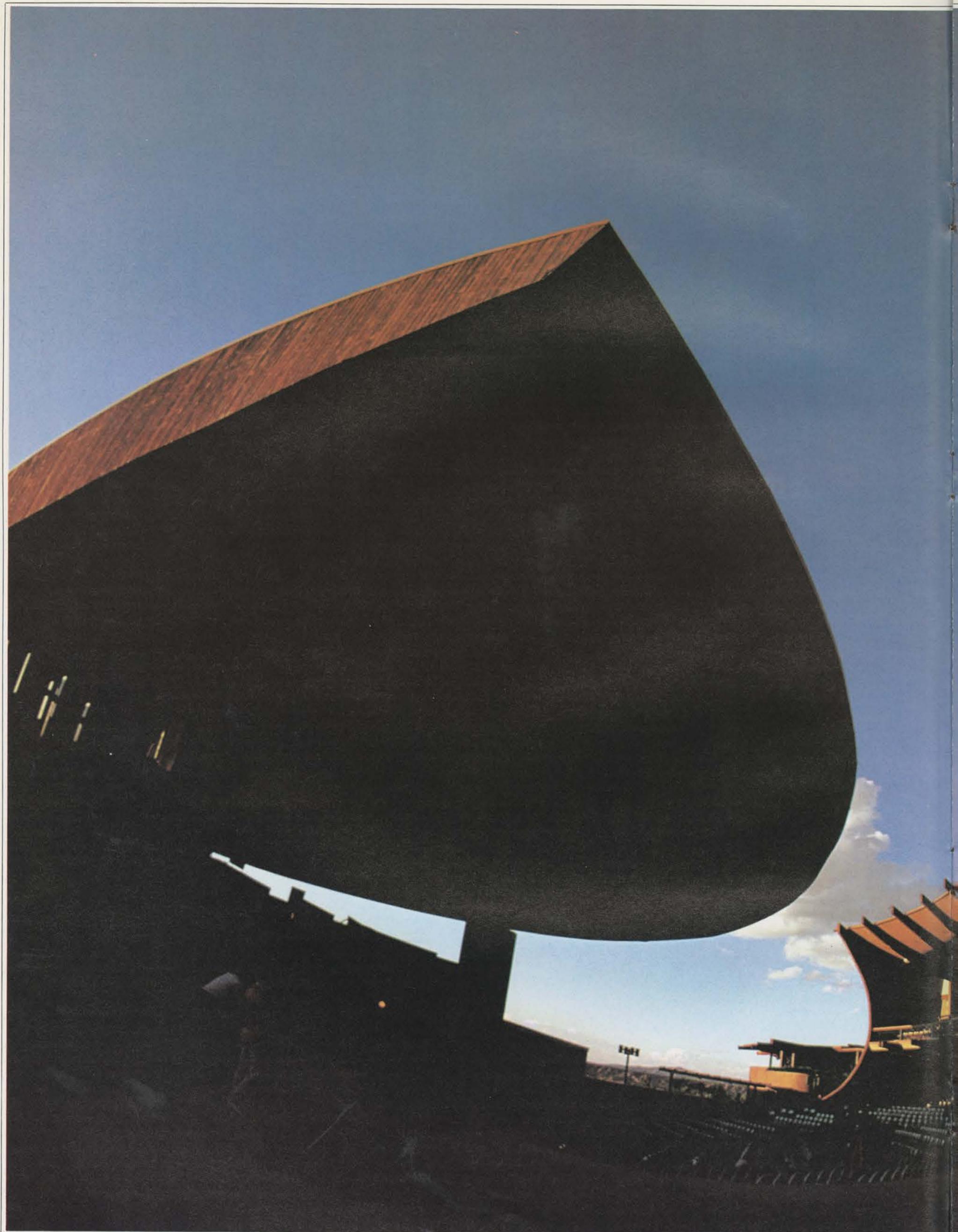

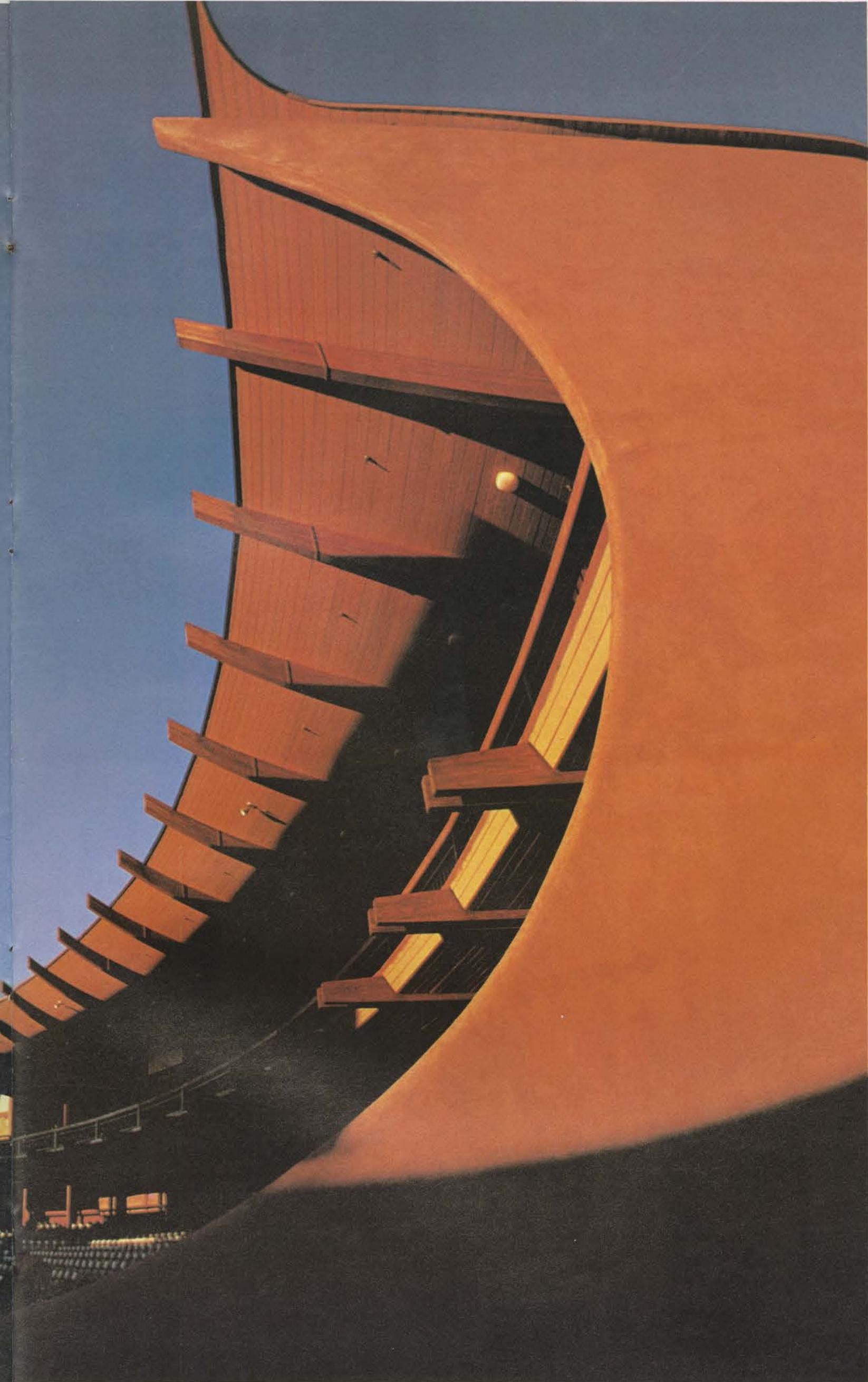
Местные мастера и их искусство: Джо Аттебери (слева) изготавливает копии принадлежностей индейских ритуалов прошлого; вверху: художник Форрест Мозес и его ландшафты маслом; справа: глиняные фигурки Элен Кордеро, получившие приз на индейской ярмарке. Вверху: общий вид индейской ярмарки.

ФОТО КРИСТОФЕРА СПРИНГМАННА

Художественные колонии Таоса и Санта-Фе были основаны художниками из восточных штатов, которых на Западе привлекала прозрачность воздуха и яркость красок. Здесь они «открыли» самобытное местное искусство — многообразное и жизнестойкое — и черпали из его богатого наследия вдохновение, технику, тематику и сюжеты. Сегодня произведения местных мастеров и умельцев прекрасно уживаются с работами «пришельцев» — художниками и скульпторами с Востока. «Куклы-рассказчики» Элен Кордеро пользуются большой популярностью на индейской ярмарке в Санта-Фе, которая устраивается во второй половине августа. Изделия индейских мастеров всегда можно найти в художественных галереях в городе, особенно ими славится Кэньон-род, где наряду с серьезными ценными произведениями в витринах магазинов выставлено также много всякой дребедени.

Сегодня «Богема», но это позже, когда зажгутся звезды, а сейчас на стенах из самана и красного дерева «играют» последние лучи летнего заката, и само здание оперного театра как бы парит в воздухе

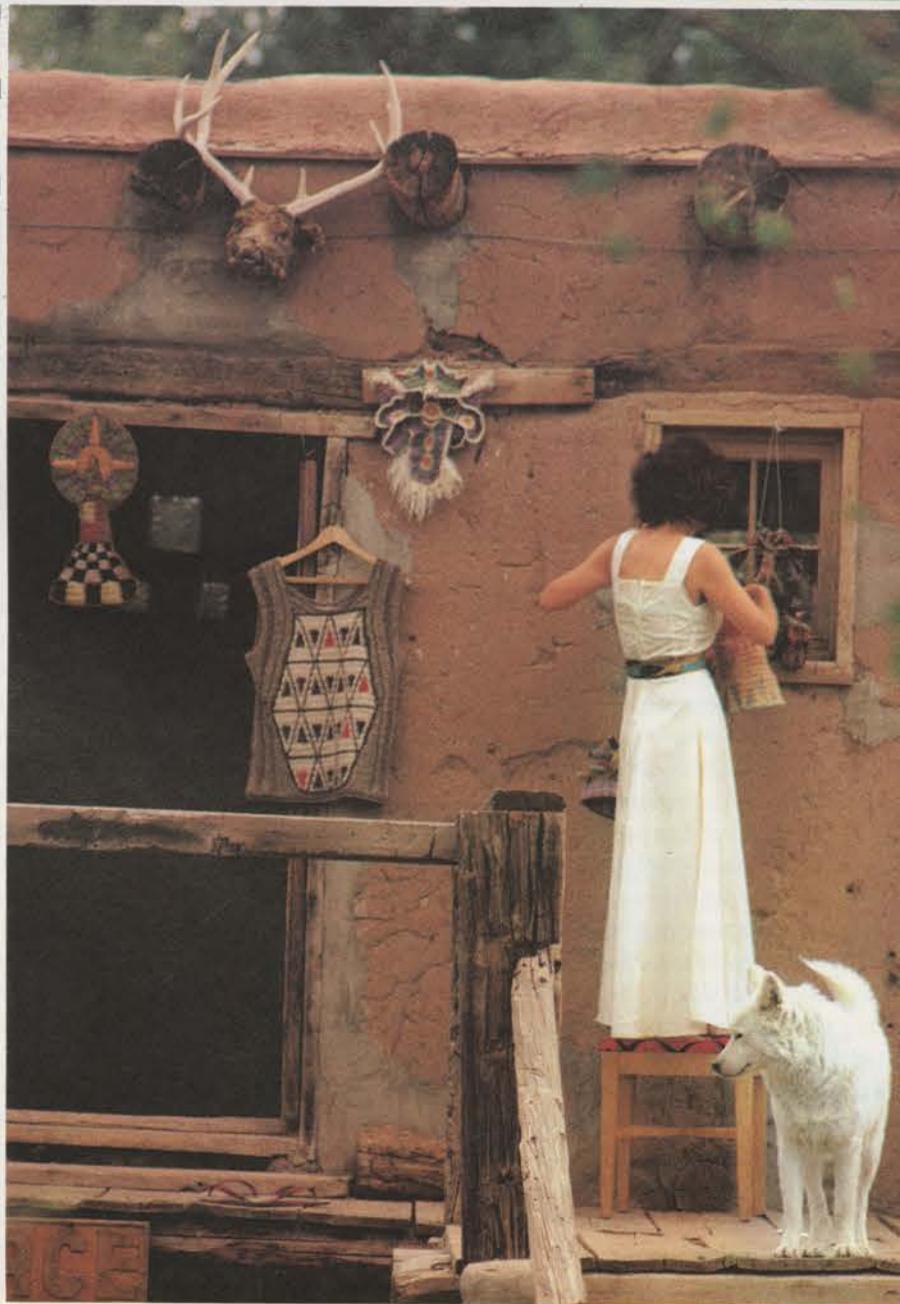
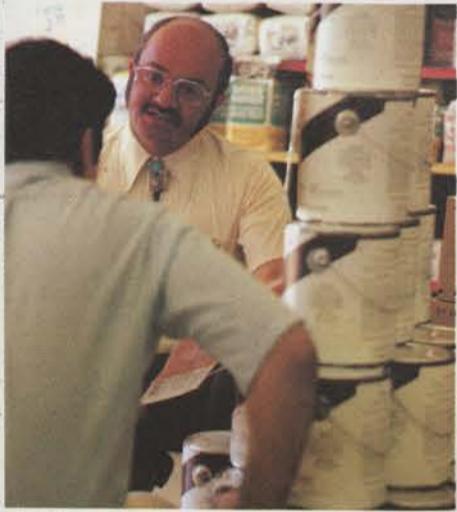

Фото крайнее слева: аукцион на патио музея. Вверху: минутка отдыха для участницы выставки на индейской ярмарке. Посередине: мэр Вальдес в собственной лавке. Слева: на Кэньон-роуд открывается еще один магазин. Вверху: в Санта-Фе любят повеселиться.

Интерес к искусству в Санта-Фе не ограничивается посещением индейской ярмарки или Кэньон-роуд. В городе есть много ценителей и покровителей искусства, не пропускающих концертов, выставок и т. п. Владельцы богатых особняков, стоящих на склоне пологого холма в восточной части города, откуда открывается замечательный вид на Санта-Фе и лежащую за ним долину Рио-Гранде, часто устраивают благотворительные вечера, концерты, спектакли, аукционы, выручка от которых идет на поддержку различных культурно-просветительных начинаний. Жить в Санта-Фе приятно, но жители отдают себе отчет, что в городе есть много неотложных проблем. Мэр Джо Вальдес прекрасно сознает, что Санта-Фе – по сути город довольно бедный и что для поддержания его благополучия помимо туристов и культурных мероприятий нужна и экономическая база.

Санта-Фе
хороший
город,
но в нем,
как и
в других
городах,
есть много
проблем

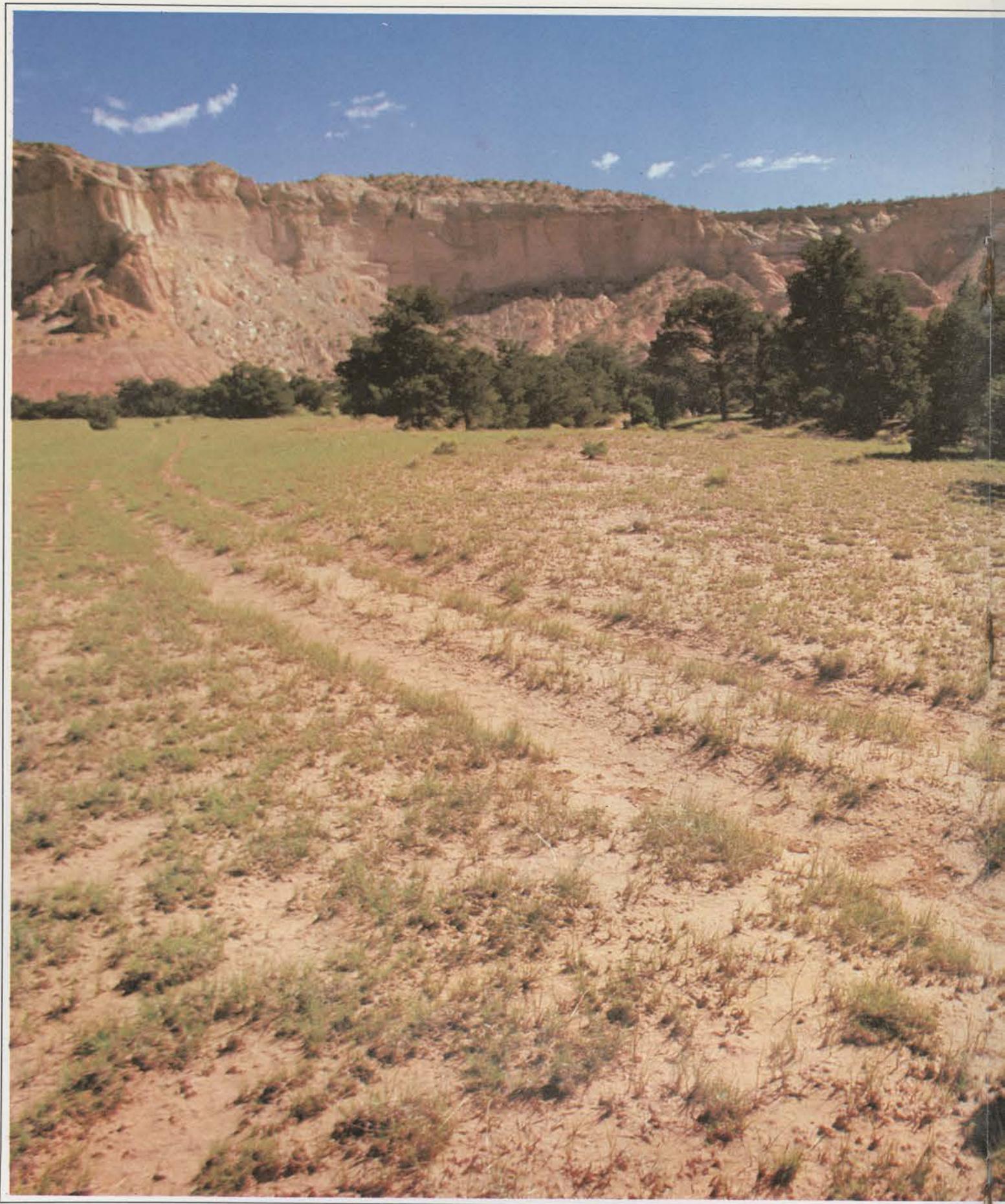
«Это мир
удивительного
разнообразия.
Порой ее картины
кажутся
исповедью, задушев-
ным разговором на
языке символов,
как едва слышное,
монотонное
чтение псаломщика.
Затем этот
мир становится
более реальным,
и художница рисует
горы Нью-Мексико
так, словно она
беседует с ними».

ДЖЕМС ТРОЛЛ СОУБИ
(Из рецензии о выставке Джорджа
О'Кифф в нью-йоркском Музее
современного искусства в 1946 году.)

ПУСТЫННЫЙ КРАЙ ДЖОРДЖИЙ О'КИФФ

Главное впечатление – это искренность и уверенность. И это, конечно, не удивительно для мастера такого калибра. Джорджа О'Кифф уже почти полстолетия считается ведущим американским художником, а после выставки ее картин в нью-йоркском Музее американского искусства имени Уитни в 1970 году она, вероятно, достигла вершины славы. Природа Нью-Мексико, где она живет и работает, только усугубляет это главное впечатление о ней. Посетителя поражает грандиозность и широта края, который эта хрупкая 87-летняя женщина называет своим домом.

«Нигде я не чувствую себя так спокойно, – говорит Джорджа О'Кифф. – Здесь я могу пройти многие километры, не встретив ни души. Иногда я выхожу среди ночи и гуляю в ночной рубашке. Если бы вы видели эти скалы при лунном свете и их тени на земле!»

Мы беседовали утром в конце лета 1974 года, и залитые ярким солнечным светом скалы казались удивительно близкими. Как они выглядят при луне – я мог только себе мысленно представить. Мы прогуливались по высокому плато на ранчо Привидений недалеко от ее маленького скромно обставленного дома, который она купила в 1940 году и где проводит большую часть своего времени, особенно летом. Посетителей у нее бывает мало. Ранчо находится неподалеку от Санта-Фе, и она иногда ездит по делам в город. Художники считают ее отшельницей. Владельцы художественных галерей в Санта-Фе дали бы многое, чтобы выставить ее работы или хотя бы заручиться ее согласием присутствовать на открытии выставки, но она выше этого – в буквальном и в переносном смысле. Она согласилась встретиться со мной толь-

ко потому, что заинтересовалась «Америкой» и возможностью быть представлена советским читателям.

Мы с женой и фотографом Кристофером Спрингмэном приехали к ней из Санта-Фе в Абикью, ее постоянное местожительство с 1949 года. Абикью, скромная деревушка, насчитывающая 200 жителей, в основном индейцев и мексиканцев, находится в 25 километрах к югу от ранчо Привидений. Правда, ранчо расположено на 300 метров выше Абикью. Прежде, рассказала нам Джорджа О'Кифф, из Санта-Фе высыпали нежелательных лиц в Абикью. Она относится к своим соседям с теплотой и уважением. Ее дом в Абикью больше и намного лучше обставлен, чем дом на ранчо Привидений.

«О, это вы», – сказала она, приветствуя нас у двери, и улыбка осветила ее настороженное красивое лицо. Она

одерживала двух собак породы чаучу, которых позднее представила нам как Инку и Джинго. Сейчас же они изо всех сил защищали свою хозяйку. «Вообще-то меня здесь защищать не надо, – сказала она. – Они очень хорошие собаки». Хуан Гамильтон, молодой помощник художницы, предупредил нас, однако, не гладить собак. «Они потом поймут, что вас здесь принимают за своих, но не пытайтесь подружиться с ними», – сказал он. Мы и не пытались, нам было достаточно, что нас принимают за своих.

После краткого тура по дому, включая сияющую ослепительной белизной кухню, хозяйка пригласила нас в гостиную. Сидя у камина на скамеечке из глиняного кирпича, она беседовала с нами. На стене висел мобиль Александра Колдера, висел настолько низко, что до него можно было дотро-

нуться. В другом конце комнаты ее картина из серии «Облака» занимала почти всю стену. Разговор шел легко, без всякого напряжения. Она держалась естественно, приветливо улыбалась. Ее седые волосы были гладко зачесаны назад и собраны на затылке в аккуратный узел. На ней было длинное черное платье («У меня таких много. Зимой я иногда надеваю по два сразу, чтобы было теплее») и брошка работы Колдера («Он сделал ее для меня давным-давно, еще до того, как я с ним познакомилась»).

Мы говорили на разные темы, затем затронули вопрос о женщинах. Несмотря на свой независимый образ жизни (а, может быть, именно вследствие его), ее, кажется, мало трогает крикливый восторг женского движения в Америке. Но она с сочувствием относится к положению художниц, которым при-

ходится среди массы прочих дел выкраивать время для творческой работы.

«Время – вот что нужно художнику прежде всего, – говорит она. – Писатели могут работать везде, в любое время. Художнику же нужны большие отрезки времени – сначала задумать композицию, затем подготовить необходимые материалы и краски. Наконец сесть за мольберт и работать без помех. А потом, конечно, нужно все привести в порядок. Женщины, как правило, не располагают таким количеством свободных часов подряд. Это одна из причин того, что среди знаменитых художников женщин намного меньше, чем мужчин».

Деревушка Абикью – лавка, школа, кладбище и около дюжины небольших домишек – приютилась на склоне в долине Рио-Чама, очень живописной, окруженней изрезанными красными хол-

мами. Но Джорджия О'Кифф с такой любовью говорила о «другом доме», что мы с нетерпением ожидали поездки туда. В автомобиле, взятом напрокат, мы следовали за ее белой машиной, которой управлял Гамильтон: Инка и Джинго устроились на заднем сидении. Мы поднимались по извилистой горной дороге к ранчо. По сравнению с открывшимся перед нами величественным видом, пейзаж Абикью казался заурядным. Скалы становились ярче, все изрезанные глубокими морщинами, очертания казались изогнутыми, с острыми краями, похожими на расшипленные кирпичи, небо делалось все более синим. Если закрыть глаза, то можно представить себе калейдоскоп живописи О'Кифф: гора, скала, небо, цветок, выбеленные солнцем кости, плато, облако.

В каталоге одной из первых ее выставок в Музее имени Уитни она так выразила свои чувства к этому краю:

«Цветок волнует душу почти каждого человека. Красный же бугор не у каждого вызывает столько эмоций, как у меня, и в этом нет ничего удивительного. Красный бугор – это кусок заброшенной земли, где не растет даже трава. Бесплодные земли подходят прямо к двери моего дома, а затем холм за холмом красной земли откатываются насколько хватает глаз. Почва, подобная этой, смешанная с маслом, идет на изготовление красок. Все краски земли в палитре художника можно найти здесь среди бескрайних просторов бесплодной земли... Вы ничего не знаете об этих холмах. Мне думается – это самая красивая часть страны».

Позднее мы брали по пыльной тропинке вдоль небольшого ручейка, журчащего среди невысоких сосен и пучков густой травы. Собаки, тяжело дыша от жары, плелись за нами. Было слишком жарко, чтобы идти к скалам, и мы повернули назад к дому.

«Я впервые увидела пустыню в 1917 году, – рассказывала Джорджия О'Кифф, – когда проезжала Санта-Фе по пути из Колорадо. Но я вернулась сюда только в начале 30-х годов. Тогда это была еще действующая ферма. Я влюбилась в эти места, меня тянуло сюда, и я знала, что когда-нибудь приеду и послююсь здесь». Художнице принадлежит дом и около трех гектаров земли на краю ранчо Привидений. Само ранчо принадлежит Пресвитерианской церкви. К пресвитерианам художница относится с холодком, как, впрочем, и к большинству пришельцев, которым может прийти в голову навестить свою знаменитую соседку. «Я их не замечаю», – говорит она. Эти ее слова напомнили мне вопрос, который я хотел задать ей раньше, наблюдая за ней издалека, когда она беседовала с моей женой. В такой необычайной обстановке Джорджия О'Кифф походила на миниатюрную жрицу.

«Нет, я не принадлежу ни к какой церкви, – сказала она, – хотя считаю себя религиозным человеком. Я была бы хорошим католиком, если бы в молодости кто-нибудь подсказал мне верный путь. Я люблю церковь, чувствую близость к ней; мне нравятся ее запахи, краски, музыка».

Несмотря на влияние других худож-

ников в раннем периоде ее творчества, искусство Джорджии О'Кифф осталось глубоко индивидуальным. Оно не поддается формальному определению, оно охватывает все стили – от абстрактного до реалистического, – и взаимосвязь между этими стилями можно проследить во многих ее картинах с пейзажами Нью-Мексико. Она часто пишет картины сериями: кости, цветы. Искусствоведы находят во многих ее произведениях некоторое подобие лепных форм. Чем еще она занимается кроме живописи?

«У меня была приятельница, которая иногда приезжала сюда. Она скульптор, и я лепила вместе с ней. Потом я пыталась лепить горшки – пока безуспешно».

Когда мы вошли в маленькую гостиную, она устремилась вперед, мгновенно сняла со стола три или четыре горшка – наглядные примеры ее последнего увлечения – и спрятала в шкаф.

«Я люблю лепить такие штуки, – сказала она, – но мы с глиной еще не понимаем друг друга». Ее ободряет Гамильтон, который достиг совершенства в этом деле. В его работах часто можно найти много общего с тем, что изображает в своих картинах Джорджия О'Кифф.

В этой комнате висят две картины: на каждой массивная глыба, занимающая почти все полотно, и небольшие просветы неба. На полках и на столиках ее маленького дома огромная коллекция камней различной формы, размеров и цвета. Она собрала и разложила их сама – вперемежку с подобранными в пустыне костями. К земле у нее не только визуальная, но какая-то органическая привязанность. «Красивые, правда? – говорит она, перебирая отполированные дождями и ветрами черные камни. – Но это второй сорт. Настоящие сокровища я держу у себя в спальне и никому не показываю». Я спросил, как она работает. Всегда в студии или на открытом воздухе, на солнце? Она отвечает неясно, словно отмахивая вопросы рукой. «О, я работаю везде – где придется». Затем, словно почувствовав, что она уклоняется от ответа, добавляет:

«Иногда, в зависимости от того, где бываю, я делаю наброски на клочках бумаги. Нет, я не ношу с собой блокнота. Меня устраивает небольшой обрывок бумаги. Такие наброски мыслей я делала для картин с облаками. Однажды я смотрела в иллюминатор самолета... Конечно, я очень часто бумаги теряю. Но они ни для кого не представляют интереса».

Перед нашим уходом Спрингманн сфотографировал ее под громадным черепом буйвола, который висит у нее на патио. Огромные пустые глазницы глядели на нее с выражением печального недоумения. Я тщетно старался представить ее себе волшебницей, но живое добродушное лицо не увязывалось с такой романтической чепухой. Нет, сказала она, черепа на ее картинах имеют не большее отношение к смерти, чем цветы на картинах другой серии – к жизни. Это то, что дала нам земля – всего лишь еще одно звено, связывающее художницу с землей.

ДЖЕМС АЙДЕМА

ЧЕЛОВЕК

На нижнем
фото:
супруги
Камкины
большие
хлебосолы
и любят,
чтобы
на столе
было всего
вдоволь.
На фото
справа:
дорогой
гость
и радушный
хозяин.

Четыре года спустя

ЧЕРЕНЧЕНЫ

Владимир М. Корчак

Первый раз с И. А. Моисеевым я встретился 25 сентября 1970 года в книжном магазине В. П. Камкина на улице Колумбия-роуд в Вашингтоне. В Соединенных Штатах тогда с большим успехом проходили гастроли его ансамбля. Об этой встрече мы рассказали в 173-м номере «Америки».

И вот, спустя четыре года, в американской столице опять начались гастроли Ансамбля народного танца СССР. Как и в предыдущие разы, все билеты на выступления моисеевцев были распроданы задолго до их приезда, и в газете «Вашингтон пост» появилось лаконичное объявление: «Продажа билетов на стоячие места с 10 утра в день выступления».

Мы в редакции с большим нетерпением ожидали приезда ансамбля и, особенно, встречи с его руководителем И. А. Моисеевым. Ведь за четыре года и у него, и у нас накопилась масса впечатлений, которыми так хотелось поделиться. Во вторник шестого августа, рано утром, как и в прошлый раз, нам позвонили Камкины: «Завтра у нас в гостях будет Моисеев, приезжайте к часу дня».

На следующий день, ровно в час, я был у дома Камкиных на 16-й улице. В это время рядом с домом остановились две машины, из одной вышел И. А. Моисеев. Поздоровались как старые знакомые, и Игорь Александрович тут же на улице представил меня приехавшим с ним гостям. После этого мы все шумной гурьбой вошли в дом, где нас тепло приветствовали гостеприимные хозяева — Елена Андреевна и Виктор Петрович Камкины.

Народу собралось порядочно, одни толпились у бара, другие с коктейлями в руках стояли или сидели в гостиной. Игорь Александрович и я каким-то образом очутились между баром и кухней.

— Жаль, что вас вчера не было, — говорит Моисеев так, словно мы расстались не четыре года тому назад, а четыре дня, — к нам за кулисы пришел д-р Киссинджер.

Я отвечаю, что мы с женой достали билеты на 8 августа, то есть на завтра.

— А вы знаете, — продолжает Игорь Александрович, — мне почему-то вспомнился наш первый приезд в Соединенные Штаты, это было в 1958 году. Тогда к нам за кулисы пришел Джон Фостер Даллес, чье имя, как вам известно, связано с «холодной войной». Однако он сказал нам очень теплые слова: «Я завидую вам, вы приносите людям радость...»

Здесь разговор приходится прервать: Моисеева обступают любители автографов. Но этим дело не ограничивается, среди присутствующих оказывается немало таких, которые желают сфотографироваться со знаменитым гостем, и Моисеев терпеливо позирует перед камерой, я же отступаю в сторонку. Наконец все удовлетворены, и мы вновь возвращаемся к нашему разговору.

— Я неспроста упомянул о на-

шей первой гастроли в 1958 году, — говорит Моисеев. — Ведь сколько перемен произошло с тех пор и во взаимоотношениях между нашими странами, и во многом другом. В первый наш приезд в Вашингтон мы выступали в невзрачном театрике, а сейчас — на прекрасной сцене оперного театра в Центре имени Кеннеди.

— А как вы смотрите на развитие американского балета? В прошлый ваш приезд сюда мы говорили с вами о Баланчине, и вы сказали, что он заложил фундамент американского классического балета, но затем обвинили его в консерватизме.

— Я и сейчас повторю то же самое. Балетное искусство не терпит консерватизма, тут необходимо движение вперед. В американском балете существует много течений, и мне это нравится. Множество самостоятельных путей в развитии хореографии я считаю явлением положительным. Нужно экспериментировать, и американцы много экспериментируют. Возьмите таких замечательных хореографов, как Джером Роббинс и Роберт Джоффри, какой ценный вклад они внесли в развитие американского балета. В Нью-Йорке я видел несколько балетных спектаклей. Очень хорошее впечатление на меня произвело «Интермеццо» в исполнении группы Фелда.

Тут нас снова перебивают: хозяин просит гостей к столу. Все проходят в столовую и усаживаются за стол. Виктор Петрович указывает мне на место рядом с Моисеевым, чему я очень рад.

Стол уставлен всевозможными закусками и блюдами — холодными и горячими. Супруги Камкины — большие хлебосолы и любят, чтобы на столе всегда было вдоволь. Первый тост выпивают за дорогого гостя, Игоря Александровича. Второй тост Моисеев предлагает выпить за Елену Андреевну и Виктора Петровича Камкиных и за их дальнейшие успехи в деле распространения русской литературы в Соединенных Штатах. Следует еще несколько тостов, после чего гости за столом разделяются на группы, и разговор перестает быть общим. Мы с Игорем Александровичем сидим рядом, он потягивает белое калифорнийское вино, я — красное грузинское.

— Как вы считаете, — обращаюсь я к Моисееву. — Каковы дальнейшие перспективы культурного обмена?

— Культурный обмен между нашими странами наложен отлично, — отвечает Игорь Александрович, — и я полагаю, что уже настало время сотрудничать. Наши балетные коллективы побывали в вашей стране, а ваши — в СССР. И многое друг другу показали. В результате этого обмена сейчас в некоторых американских постановках чувствуется влияние советской хореографии, а в некоторых советских — американской. И вот теперь, по-моему, следует переходить к другой фазе — к сотрудничеству. Почему бы, например, ка-

кому-нибудь талантливому американскому балетмейстеру не приехать к нам и не поработать с советским коллективом, а нашему советскому поработать в США с одним из американских ансамблей. Это очень способствовало дальнейшему развитию балетного искусства. Ведь сумели же наши страны наладить сотрудничество в космосе и во многих областях науки и техники. То же самое можно сделать и в балете.

— Что ж, — отвечаю я, — идея замечательная и осуществить ее проще, чем совместный полет «Союза» и «Аполлона», благо отработки технических деталей здесь не требуется.

Игорь Александрович улыбается. Тут я перевожу разговор на другую тему. Дело в том, что Моисеев приехал сюда прямо с пресс-конференции, где ему было зада-

И. Моисеев и Г. Киссинджер с супругой.

но немало подобных вопросов, и поэтому утомлять его не следует.

— А скажите, — спрашиваю я, — вы часто бываете в Киеве? Вы ведь киевлянин?

— Да, — отвечает Моисеев, — я родился в Киеве, но детство мое прошло в Полтаве. Это прекрасный город, и я очень люблю его. И, представьте себе, я обездил весь мир, а вот попасть в Полтаву мне до сих пор не удавалось.

На этом разговор наш кончается — Игорю Александровичу пора уходить, его запас свободного времени исчерпан. Гости встают и начинают прощаться. Тут мне приходит в голову дерзновенная мысль.

— Игорь Александрович, — обращаюсь я к Моисееву почти уже в дверях. — Завтра я увижу ваших танцов на сцене, но мне было очень хотелось познакомиться с ними в другой обстановке — за кулисами. Позвольте мне с фотографом прийти за кулисы.

— Пожалуйста, — отвечает Моисеев, — приходите. В таком случае — до скорой встречи.

За кулисы я попал во время дневного представления в субботу 10 августа. На сцене исполняли «Городскую кадриль», и в зале раздавались то смех, то аплодисменты. Я осведомился у проходящих мимо меня трех «половцев», где Игорь Александрович. Они указали мне на небольшую комнатку с левой стороны сцены. Там я нашел Моисеева, он играл в шахматы. Мы поздоровались.

— Вот «Америка» пришла, — объяснил Моисеев партнеру. А потом сказал мне: — Ну что ж, идите снимайте.

Мы с фотографом отправились вниз, где расположены артистические уборные. А об остальном вам расскажут наши фото на следующей странице.

1.

Н

николай

Косогоров –
и Наталия Боброва –
пара, без которой
так полюбившаяся
американцам
«Городская кадриль»
просто немыслима.

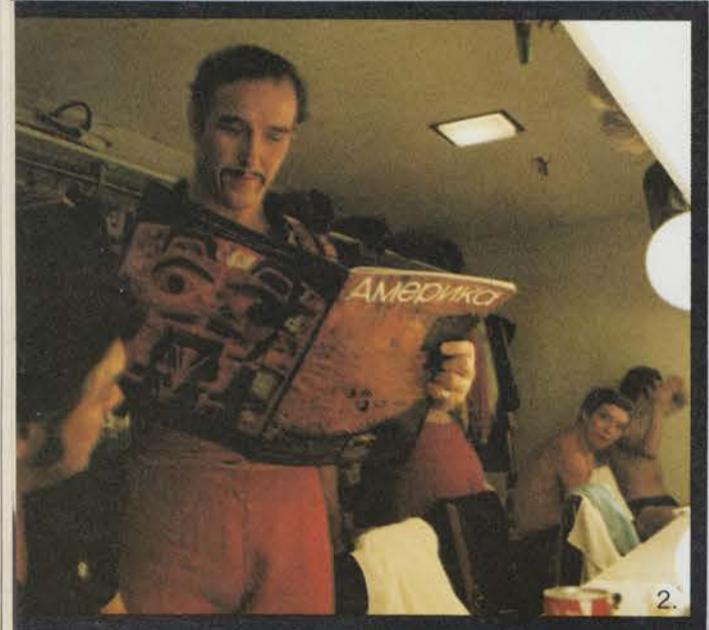
2.

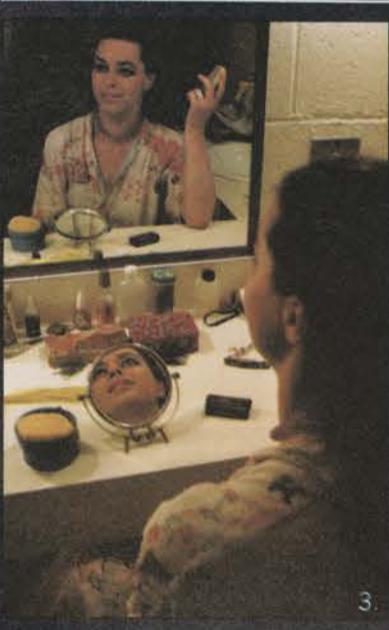
4.

5.

2.

3.

6.

Немало труда в
создание костюмов
вложила Тамара
Алексеевна Зейферт,
в отличном состоянии
их содержит Вера
Михайловна
Стальная (слева).

5.

В моисеевском
ансамбле воспиты-
вается талантливая
молодежь. Самая
юная танцовщица
Аллочка Березина
готовится к выходу.

6.

Склонившись над
шахматной доской,
И. А. Моисеев
обдумывает очеред-
ной ход... а, может
быть, между ходами –
деталь нового танца.

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ БОЛЕЗНИ И БОРЬБА С НИМИ

ДЖИН БЫЛИНСКИЙ

С разрешения журнала «Форчун»

Из всех болезней, поражающих человека, самое страшное, даже зловещее впечатление производят наследственные болезни – врожденные, по существу неизлечимые недуги, которыми очень часто страдают главным образом маленькие дети. Однако в последние годы благодаря успехам медицины несчастливые билеты в генетической лотерее стали попадаться все реже. Пользуясь новейшими методами исследования, генетики обнаружили причины многих наследственных болезней. Эти открытия сделали возможными диагностику и лечение все увеличивающегося числа наследственных болезней, которые раньше считались недоступными для медицины.

Оказалось, что наследственных болезней больше, чем до недавнего времени предполагалось. Исследователи установили, что происхождение почти 2000 болезней полностью или отчасти обусловлено унаследованием дефектных генов или хромосом. В США наследственными болезнями страдают 12 миллионов – то есть каждый восемнадцатый американец. Эти же болезни вызывают 40 процентов детской смертности, ими страдает треть всех детей, поступающих в педиатрические больницы.

Некоторые наследственные болезни настолько редки, что количество написанных о них научных работ превышает число больных. Названия некоторых болезней, как, например, «оргиносукциническая ацидурея», проявляющаяся в задержке умственного развития, известны только узкому кругу специалистов. Другие – ранняя седина, раннее облысение, близорукость и дальтонизм – хорошо известны, однако, кроме, самих больных, никто не относится к ним серьезно. Есть и другие общеизвестные наследственные болезни, вроде подагры или гемофилии, которые весьма серьезны, а иногда даже приводят к смертельному исходу.

Некоторые тяжелые наследственные болезни распространены только среди определенных расовых или этнических групп. Серповидноклеточная анемия – болезнь крови – часто встречается у негров. Болезнь Тей-Сакса (амавротическая семейная идиотия), обусловленная ферментной недостаточностью и беспощадно губящая свои юные жертвы, широко распространена среди евреев-выходцев из Восточной и Центральной Европы. Кистозный фиброз – болезнь желез, которая обычно приводит к смертельному исходу и которой страдают от 20 000 до 25 000 американцев, детей и подростков, встречается только среди белых.

Врожденное предрасположение играет большую роль при таких обычных заболеваниях, как болезни сердца, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, язва и диабет. Совсем недавно исследователи обнаружили, что у некоторых людей есть врожденное предрасположение к вызываемому курением раку легких и, возможно, к другим видам рака, вызываемым промышленными химикалиями.

В семьях с детьми, страдающими от дефективных генов, эмоциональное напряжение часто приводит к осложнениям в супружеской жизни. Кроме того, этим семьям приходится нести тяжелую финансовую нагрузку. Так, например, 50 000 больных монголизмом, или болезнью Дауна, живущих в США, обходятся своим семьям и обществу в 250 миллионов долларов в год.

Благодаря последним достижениям медицинской генетики и страданья и расходы, связанные с этими болезнями, начали уменьшаться. Сейчас врачи в состоянии диагностировать около 70 генетических аномальностей во время беременности. Родители, желающие иметь только нормальных и здоровых детей, могут прибегнуть к аборту в случае серьезного генетического недостатка плода.

Разработанные в последнее время анализы позволяют установить наличие некоторых неполнценных генов, что дает возможность предупре-

дить носителей этих генов о том, что у них могут быть ненормальные дети. Еще десять лет тому назад лечение наследственных болезней было редкостью. Сейчас врачи в состоянии облегчить – в основном при помощи диеты и лекарств – около 40 заболеваний, причем число поддающихся лечению болезней быстро увеличивается.

Медицинская генетика развивается настолько быстро, что многие врачи не знают о некоторых уже обнаруженных наследственных болезнях или о возможности их лечения. Многие врачи не изучали генетику. Это настолько новый предмет, что лишь десять лет назад его включили в США в учебную программу медицинских факультетов.

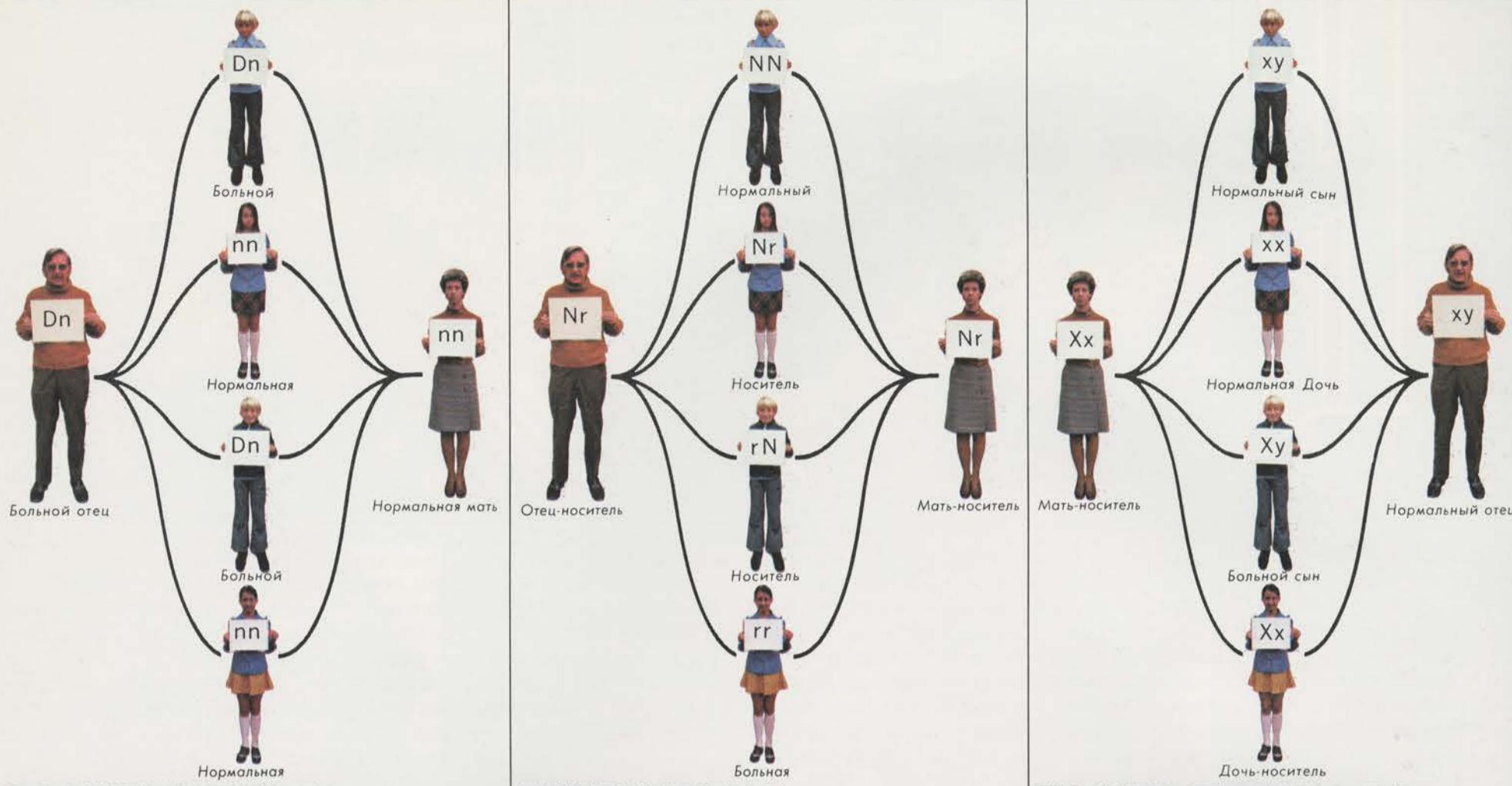
Тем не менее, сейчас у родителей впервые появилась возможность сознательно, на основании фактов, делать выбор относительно своего потомства, вместо того, чтобы просто покоряться судьбе. Однако бурное развитие медицинской генетики создало ряд сложных социальных, юридических и моральных проблем. Например, должны ли только будущие родители решать (как это делается сейчас), какие болезни достаточно серьезны для оправдания абортов? Имеет ли общество право – и в какой степени – вмешиваться в вопросы деторождения в тех случаях, когда вероятно, что родители произведут дефективное потомство, которое станет обузой для налогоплательщиков? Имеют ли родители моральное право решать вопрос о том, должен ли ребенок с серьезными дефектами быть произведен на свет? Имеют ли аномальные дети право на компенсацию со стороны родителей, которые, зная об их недостатках, все же произвели их на свет? Поскольку достижения современной медицины позволяют все большему числу людей с генетическими недостатками доживать до взрослого возраста и производить потомство, не окажется ли человеческий «генетический фонд» настолько серьезно зараженным, что здоровье будущих поколений будет подвергнуто опасности?

Многие из этих проблем переплетаются в случаях монголизма, или болезни Дауна, названной по имени английского врача Лангдона Дауна, первым описавшего ее симптомы в 1866 году. Болезнь выражается в умственной отсталости – идиотии, обычно настолько серьезной, что больной нуждается в пожизненном уходе. Причина этого заболевания оставалась загадкой до 1959 года, когда французский ученый Жером Лежен определил, что жертвы монголизма имеют лишнюю хромосому в каждой из миллиардов клеток, составляющих их организм. В оплодотворенном яйце, в группе, известной под номером 21, оказывается три хромосомы, вместо обычных двух. Эта особенность сохраняется во всех клетках зародыша. Лишняя частица генетического вещества нарушает работу тонко сбалансированного биохимического механизма тела.

В течение последнего десятилетия американские ученые разработали метод, обеспечивающий внутриутробный диагноз болезни Дауна. При процедуре, известной под названием «амниоцентез», в матку беременной женщины через живот вводится игла и извлекается небольшое количество амниотической жидкости, которая окружает и защищает плод. Околоплодная жидкость содержит клетки, сбрасываемые растущим плодом, и эти клетки дают представление о генетической структуре еще не рожденного ребенка. Пользуясь недавно открытыми методами, высококвалифицированные лаборанты проверяют, нет ли в клетках хромосомных дефектов или биохимических аномалий, которые лежат в основе многих генетических заболеваний. Теперь врач может заранее сказать родителям, будет ли ребенок нормальным.

Большинство страдающих монголизмом детей рождается от нормальных и здоровых родителей. Неправильное расхождение пары хромосом при гаметогенезе, дающее три хромосомы номер 21, может случиться у любой женщины. Есть, впрочем, и другой вид болезни Дауна, который

НАСЛЕДОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДЕФЕКТОВ

ДОМИНАНТНОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ

Доминантно наследуется более 900 разных болезней, включая разные формы нанизма и глухоты, врожденные пороки сердца, целый ряд болезней крови и около десяти разных видов катаракты. Причиной этих недугов является один доминантный и при этом дефектный ген, наследуемый от одного из родителей, ответственный за структурные или регуляторные аномалии в клетках ребенка. На диаграмме вверху больной отец является носителем дефектного гена (D), доминирующего над своим парным аллелем — нормальным геном (n). У матери оба гена нормальны. У каждого ребенка 50% шансов унаследовать дефектный ген и обусловленную им болезнь.

РЕЦЕССИВНОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ

Рецессивно наследуется более 780 болезней. При этом болезнь передается ребенку только в том случае, если оба родителя являются носителями дефектного гена. Нормально в клетках содержится по два гена на каждую метаболическую функцию. Если рецессивный дефектный ген дополнен парным ему нормальным геном, то явных симптомов болезни нет. В таких случаях употребляется термин «носитель» для обозначения лица, имеющего дефектный ген. В приведенном вверху примере у обоих родителей есть по одному нормальному гену (N) и в паре с ним по одному рецессивному дефектному гену (r). В среднем один из четырех детей унаследует два дефектных гена и болезнь, а двое из четырех будут носителями.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ, СВЯЗАННАЯ С ПОЛОМ

При связанной с полом наследственности дефектный ген передается с женской X-хромосомой. Такие заболевания обнаруживаются, главным образом, у мужчин: у них в каждой клетке есть только одна X-хромосома, в то время, как у женщин их две. У женщин-носителей дефектного гена, есть другой, нормальный ген во второй X-хромосоме, который восполняет недостаток первого. У мужчин этого преимущества нет, и болезнь проявляется. В приведенном вверху характерном случае у матери-носителя есть один дефектный ген (X) и один нормальный (x). У отца — нормальный. У каждого сына 50% возможностей унаследовать болезнь, у каждой дочери такой же шанс стать носителем болезни.

передается из поколения в поколение, но эти случаи составляют всего лишь один процент всех монголоидов.

По причинам все еще не ясным, риск родить ребенка с болезнью Дауна увеличивается с возрастом матери. В 25 лет шанс женщины родить больного ребенка — 1 на 2000, в 35 лет — 1 на 290, а в 45 он подскакивает до 1 на 40. Из 5000 монголоидов, рождающихся ежегодно в США, около половины приходятся на матерей старше 35 лет. Согласно одной из теорий, с возрастом женщины яйцеклетки, содержащиеся в ее организме с момента рождения, становятся более подверженными неправильному делению, причем радиация и другие случайные факторы окружающей среды делают их еще более хрупкими.

Многие генетики считают, что общество должно поощрять родителей воздерживаться от произведения на свет детей, пораженных такими наследственными недугами, как болезнь Дауна.

Чтобы способствовать снижению рождаемости дефективных детей, многие ученые требуют сделать бесплатные амниоцентез и аборты доступными для всех женщин старше 35 лет. Пока что, однако, амниоцентез не получил достаточного распространения. По оценке администрации Национальных институтов здравоохранения за последние два или три года в США было произведено всего около 3000 таких анализов, главным образом с целью диагностирования болезни Дауна.

Большинство специалистов считает, что при нынешних условиях было бы фактически невозможно подвергнуть анализу всех беременных женщин. Даже обслужить в год 300 000 матерей старше 35 лет было бы затруднительно. Амниоцентез — весьма деликатная процедура, производить которую могут только опытные врачи. Кроме того, для проведения анализов, сложность которых возрастает с переходом от обследования

хромосом к биохимическим исследованиям, нужны хорошо оборудованные лаборатории. Амниоцентез производят обычно приблизительно на пятнадцатой неделе беременности. Так как на выращивание в тканевой культуре достаточного для точного диагноза количества зародышевых клеток требуется несколько недель, все исследование превращается в гонку со временем, поскольку плод продолжает расти. Большинство врачей предпочитает ранние аборты во избежание осложнений.

Есть, конечно, и другие причины, в силу которых внутриутробный диагноз болезни Дауна не пользуется большим успехом. Не все беременные женщины старше 35 лет хотят подвергнуться амниоцентезу, несмотря на то, что он считается безопасным на 99 процентов. Может быть, это — первая, долгожданная беременность. Тогда ни сама женщина, ни ее врач не хотят идти даже на малейший риск, опасаясь, что амниоцентез может вызвать самопроизвольный аборта или как-нибудь иначе повредить плод. К тому же некоторые женщины, особенно католички, по разным причинам принципиально против аборта.

Во многих семьях родившийся с болезнью Дауна ребенок пользуется такой же любовью и заботой, как если бы он был вполне нормальным. Однако многие центры, проводящие генетические анализы и консультации, свидетельствуют, что большинство родителей предпочитает аборт в случае болезни Дауна. Рождение ребенка с болезнью Дауна приносит страдание многим семьям. Вдобавок, такие дети очень подвержены заболеваниям, включая лейкемию, хотя антибиотики и сердечная хирургия позволяют теперь многим из них дожить до взрослого возраста.

Кроме того, многие ученые считают, что такие аборты помогают природе. «Природа — сторонница аборта», — говорит один генетик. — Она «выпалаивает» многие хромосомные дефекты путем спонтанных абор-

тов». Дети с болезнью Дауна – досадное исключение, проскальзывающее через «генетический фильтр» в пропорции 1 на 600 новорожденных.

В то же время большинство исследователей согласны с Жеромом Леженом, первооткрывателем причины болезни Дауна, в том, что идеальным решением было бы исправление и предотвращение основного дефекта. Амниоцентез и консультации доступны во многих исследовательских центрах и в десятках генетических клиник, принадлежащих Национальным институтам здравоохранения, Национальному генетическому фонду и Национальному фонду «Марч офф лаймс». Причем обслуживание в этих центрах и клиниках часто предлагается бесплатно. Однако многие исследователи находят, что для более широкого распространения внутриутробной диагностики необходимы лучшая осведомленность родителей и врачей и разработка процедуры более простой, чем амниоцентез. Одна из исследуемых возможностей заключается в обнаружении зародышевых клеток в материнской крови: это позволило бы поставить предродовой диагноз при помощи простого анализа крови будущей матери.

Забота о снижении количества случаев болезни Дауна связана отчасти и с экономическими соображениями. Терранс И. Суонсон, юрист из Де-Мойна, хорошо изучил эту проблему, когда занимался анализом системы здравоохранения в Главном медицинском управлении. «Если мы не примем спешно мер для улучшения ситуации и таким образом позволим нашим генетическим проблемам выйти за пределы известных рамок, – заявляет он, – то мы, как общество, рискуем взять на себя чрезмерные обязательства по заботе и содержанию многочисленных умственно отсталых пациентов в ущерб другим важным социальным проблемам».

В связи с этим Суонсон и другие специалисты высказываются за срочное внедрение национальной программы по обследованию, консультациям и добровольным абортом с целью снижения числа случаев болезни Дауна. За 20 лет, по его оценке, эти меры обойдутся в 5,35 миллиарда долларов. Если программа сократит число случаев вдвое, то, согласно вычислениям Суонсона, общество сэкономит за эти 20 лет 18 миллиардов. А путем снижения заболеваемости другими наследственными болезнями, такие программы, считает Суонсон, приведут к экономии в 75–100 миллиардов за 20 лет.

При нынешнем состоянии медицинских знаний такая экономия могла бы быть достигнута только обязательным абортом в случае болезни Дауна или других дефектов плода. Однако никто не стремится к таким крайним мерам.

За последние несколько десятилетий многие штаты в США отказались от имевших ранее место попыток воспрепятствовать распространению дефективных генов путем законов, требующих обязательной стерилизации эпилептиков, ненормальных, сексуальных правонарушителей и закоренелых преступников. Такие законоположения не имели достаточно генетического обоснования, и некоторые из них были отклонены судами как не соответствующие духу Конституции.

Конечно, современное общество не готово проводить законы, принуждающие всех беременных женщин проходить амниоцентез на болезнь Дауна. Но свободному обществу вполне доступно распространение информации о существующих методах предварительной диагностики и об открываемых ими возможностях. Некоторые оппоненты высказывают опасение, что, начав осуществление таких программ, мы окажемся на скользкой наклонной плоскости. Если использовать амниоцентез и аборты против болезни Дауна, говорят они, то следующим шагом будет применение их против значительно менее серьезных недугов. В конце концов, теми же методами начнут пользоваться для выбора пола или даже цвета глаз ребенка.

Сторонники добровольного генетического вмешательства возражают, что из одного не обязательно должно следовать другое. «Мы располагаем способами и средствами удержаться на полпути, – говорит Амитаи Эциони, социолог из Колумбийского университета. – Ясно, что женщина имеет право родить дефективного ребенка, если хочет, – добавляет он, – однако возникает вопрос, имеет ли она право родить ребенка и затем заставить государство его содержать?» Сам Эциони сторонник аборта в случае таких неизлечимых болезней, при которых ребенок не сможет обходиться без посторонней помощи.

Так же решает и большинство родителей, если им предоставляется выбор. Однако, иногда сделать выбор очень трудно. Так, например, матери-носительницы гемофилического гена вынуждены принимать особенно мучительное решение. Стоимость лечения гемофилии доходит до 40 000 долларов в год. И пока еще нет способа определить, будет ли зародыш мужского пола болен гемофилией – можно только определить его пол. Имея в своем распоряжении только две возможности – да или нет, – такие женщины часто предпочитают делать аборт в случае, если плод мужского пола.

Использование же амниоцентеза и аборта для выбора пола ребенка почти не применяется. Многие врачи просто отказываются делать амниоцентез для определения пола ребенка.

Прекрасным примером раннего диагноза в сочетании с административными мерами может служить генетическое обследование и лечение фенилкетонурии, сравнительно редкого заболевания, которое приводит

к глубокому слабоумию. В организме больных фенилкетонурией не хватает фермента фенилаланиновой гидроксилазы, которая окисляет аминокислоту фенилаланин – существенный компонент пищевого белка. У ребенка появляются ненормальные концентрации фенилаланина в крови и в спинномозговой жидкости, а это, в свою очередь, приводит к поражению центральной нервной системы. В 1953 году немецкий педиатр Хорст Бикель разработал безбелковую диету, которая не дает развиваться болезни или резко снижает ее последствия и позволяет большинству больных фенилкетонурией, достигнув зрелого возраста, быть нормальными, полезными для общества гражданами.

Обследование новорожденных на фенилкетонурию теперь обязательно во многих штатах, а диета, которая ежемесячно обходится в 60 долларов, часто поставляется бесплатно тем родителям, которые не в состоянии ее оплачивать. Происходящая от этого экономия весьма внушительна. В Нью-Йорке, например, годовой бюджет обследования на фенилкетонурию составляет 125 000 долларов, то есть меньше одного доллара на ребенка. С 1966 года было обнаружено около 50 больных детей, и им была назначена соответствующая диета. Без этого дети провели бы всю свою жизнь в специальных учреждениях, и содержание их обошлось бы в 13 миллионов долларов.

Вдохновленные опытом с фенилкетонурией, некоторые штаты начали обязательные проверки на другую ферментную недостаточность, которая приводит к галактоземии, или неспособности переносить молоко. Этот недостаток тоже можно лечить диетой. В штате Нью-Йорк проводятся теперь проверки новорожденных еще на полдюжины генетических заболеваний, и подобные меры планируются и в других штатах.

Сравнительно легко, конечно, обследовать детей, которые не могут спорить с доктором. Когда же генетики обследуют подростков или взрослых, возникают этические проблемы. У некоторых из обследованных могут быть обнаружены генетические задатки, могущие вредно отразиться на потомстве. Между супругами такое известие может вызвать упреки и раздоры. Одинокие люди брачного возраста могут решить вступить в брак, несмотря на генетические дефекты.

Наиболее удачным оказалось генетическое обследование взрослых определяющее, являются ли они носителями болезни Тяя-Сакса. Хотя этот смертельный недуг известен клинически уже более 90 лет, вызывающая его биохимическая аномалия была обнаружена только в 1969 году. Отсутствие фермента гексосаминидазы А (сокращенно Гекс А) приводит к накоплению липидов в мозгу, что все в большей степени нарушает его нормальное функционирование. Дети с болезнью Тяя-Сакса часто красивы и внешне не дают никаких оснований для беспокойства до шести месяцев. В этом возрасте они вдруг начинают хиреть и физически и умственно. Они слепнут, становятся беспомощными и вскоре умирают. Лечение, стоящее около 45 000 долларов в год, может привести к продлению их растительного существования примерно до пяти лет.

В некоторых отношениях дело с болезнью Тяя-Сакса обстояло исклучительно благоприятно для обследования, консультаций и предупреждения ее появления. Прежде всего, еврейские общины обычно хорошо организованы, и члены их проявляют много внимания к вопросам здравоохранения. Болезнь следует менделевскому закону рецессивного наследования, так что, если оба родителя являются носителями рецессивного гена, вероятность того, что у них родится больной ребенок, равна одной четвертой. Один из каждого 30 евреев, предки которых происходят из Восточной и Центральной Европы (а такие предки есть у 90 процентов американских евреев) несет в себе ген Тяя-Сакса. Таким образом, риск, что и муж, и жена окажутся носителями этого гена равен одному на девятьсот пар.

Исследуя причину болезни Тяя-Сакса, ученые обнаружили, что, хотя носитель с одним дефектным и одним нормальным геном кажется вполне нормальным, анализ его крови показывает лишь половину того количества Гекс А, которое должно быть у не-носителя. Сделав это открытие, ученые поспешили использовать его для борьбы с болезнью Тяя-Сакса. В 1971 году, спустя всего два года после установления причины болезни, в районе Балтимора-Вашингтона началось широкое обследование.

Руководил этим мероприятием Майкл Кабак, врач, занимавшийся в то время научно-исследовательской работой при медицинском факультете Университета имени Джона Гопкинса.

Прежде чем приступить к анализам, группа Кабака целый год старательно разъясняла цели программы. В течение последующих двух лет группа обследовала 10 000 человек на добровольных началах и обнаружила 11 пар, где оба супруга были носителями дефектного гена. Этим парам Кабак и его сотрудники изложили возможные для них альтернативы: вообще не иметь детей, взять приемных детей, прибегнуть к искусственно осеменению или подвергнуться амниоцентезу и делать аборт в случае больных зародышей. Среди этих пар было пять случаев беременности. Все воспользовались амниоцентезом. Был обнаружен и абортирован один плод с болезнью Тяя-Сакса. Остальные четыре ребенка родились нормальными, как и было предсказано при обследовании. «Все, кроме самых фанатичных противников аборта, согласятся с тем, что самое лучшее – не допускать рождения такого ребенка», – говорит биохи-

мик Деут Стеттен, заместитель директора научного отдела Национальных институтов здравоохранения.

Однако само обследование может вызвать проблемы эмоционального характера, разрешить которые нелегко. Например, стоит ли проверять подростков и обременять их сознанием того, что они являются носителями дефектного гена? Группа Кабака решила не вызывать подобных опасений у людей, не состоящих в браке.

Работа Кабака, которую многие считают примером правильного подхода к генетическим обследованиям, стала образцом для 50 программ борьбы с болезнью Тя-Сакса, осуществляемых теперь в США и Канаде. Сам Кабак, работающий сейчас в больнице «Харбор-дженерал» в Торрансе (Калифорния), занят подготовкой гораздо более обширной программы проверки на болезнь Тя-Сакса в районе Лос-Анжелеса, где проживает вторая по величине после Нью-Йорка еврейская община. По оценке Кабака, среди примерно 200 000 евреев детородного возраста, проживающих в этом районе, 500–600 пар рискуют произвести детей, страдающих болезнью Тя-Сакса, и большинство из них этого не знает.

В отличие от успеха программы Кабака, обследование на серповидноклеточную анемию и ее рецессивный ген, обнаруживаемый у носителей, которые сами не больны, по-видимому, причинило больше вреда, чем пользы. Широкое обследование выявило тысячи негров в США, которые являются носителями болезни, и возбудило то самое беспокойство, которого Кабак так стремился избежать. Но программа была преждевременной. Хотя серповидноклеточная анемия изучена лучше всех других наследственных болезней крови, пока что ни эффективное ее лечение, ни внутриутробный диагноз недоступны медицине.

Болезнь происходит от того, что мутантный ген заставляет организм производить патологический гемоглобин, молекулу клеток красной крови, которая переносит кислород из легких в ткани организма. Дефектная структура молекулы искажает округленную форму эритроцитов и придает им форму полумесяца, или серпа. Такие деформированные эритроциты живут от 10 до 25 дней вместо положенных четырех месяцев. В результате наступает анемия. Серповидные эритроциты имеют также тенденцию образовывать миниатюрные пробки в мелких кровеносных сосудах, которые причиняют боль и повреждают ткани.

По сравнению с другими генетически обусловленными заболеваниями эта болезнь встречается довольно часто: она поражает одного из каждого 600 новорожденных негров. Около 8 процентов американских негров, около двух миллионов человек, гетерозиготы по гену серповидноклеточности, то есть имеют один дефектный ген. По иронии судьбы, то, что сейчас в США считается дефектным геном, помогало в свое время африканским предкам теперешних носителей болезни, так как наличие этого гена обеспечивает устойчивость против заболевания малярией. Возбудитель малярии проникает в клетки красной крови и, по-видимому, потребляет их кислород. Однако, в процессе уничтожения аномальных клеток организм вместе с ними уничтожает и возбудителя. Благодаря этому, негры процветали в зараженных малярией районах, которые стали известны как «кладбище белого человека». Когда предки американских негров прибывали из Экваториальной Африки, они привезли с собой и этот рецессивный ген. Серповидноклеточная анемия и ее варианты встречаются также у лиц итальянского, греческого, турецкого и индийского происхождения, но значительно реже. Исследователи считают, что у них, как и у африканских негров, эта мутация служила для защиты организма от малярии.

Степени серповидноклеточной анемии бывают очень различны. Некоторые больные не переживают особых неудобств, и в силу этого серповидноклеточная анемия относится к совершенно иной категории, чем болезнь Тя-Сакса или болезнь Дауна. Нет необходимости делать аборт, если зародыш страдает серповидноклеточной анемией. Носители же болезни, при нормальных обстоятельствах, бывают совершенно здоровы.

В конце шестидесятых годов, отчасти в силу роста негритянского самосознания, а отчасти благодаря развитию новых методов исследования, странная коалиция, состоявшая из политиков, негров активистов, некоторых негров врачей и в нескольких городах даже «черных пантер», сделала из серповидноклеточной анемии политическое дело.

Чтобы не пропустить политический момент, законодатели десятка штатов и округа Колумбия поторопились провести законы об обязательном обследовании негритянских школьников. Однако обследование весьма впечатлительных детей шести-семи лет – само по себе дело сомнительной ценности, поскольку в большинстве случаев болезнь проявляется раньше, – привело лишь к тому, что носители болезни получили душевную травму. Только в Мэриленде закон требовал, чтобы индивидуальные результаты обследований сохранялись в тайне.

Хотя программа продолжается, появилась реакция против массовых проверок на серповидноклеточную анемию, и большинство законов об обязательных обследованиях было отменено.

Фиаско с серповидноклеточной анемией подчеркивает ту научно-социальную дилемму, которая возникает и при многих других наследственных болезнях. Так, многие ученые осторегаются начинать массовое обследование на кистозно-фиброзные гены или на самую болезнь, пока не

будут разработаны анализы и для ее носителей, и для зародышей. Они опасаются, что обследование, имеющее целью обнаружить только носителей, может выявить около восьми миллионов человек и таким образом многие тысячи «опасных» пар, которым медицина бессильна помочь.

Ученые все еще труются над разработкой внутриутробной диагностики многих других болезней, в частности гемофилии, мышечной дистрофии и эмфиземы. Такой диагноз стал бы возможным после анализа крови плода. Многие исследователи считают наиболее подходящим для этого методом фетоскопию, при которой оптическое волокно, диаметром один миллиметр, вводится в матку. Подобные инструменты уже использовались экспериментально для того, чтобы увидеть лицо ребенка в матке или сфотографировать его руки и ноги. Хотя фетоскопия предназначена для того, чтобы помочь хирургам исправить структурные дефекты плода, этой же методикой следует обеспечить безопасное взятие небольших проб крови. До сих пор ученые не решались делать этого просто из опасения повредить плод.

Возможности терапии для большинства наследственных болезней все еще ограничены: ни одну из них – в полном смысле этого слова – вылечить нельзя, ибо полное излечение потребовало бы замены дефектных генов.

Ученые достигли несравненно больших успехов в лабораторных опытах, при которых определенные здоровые гены вводились в культуры клеток, не имевших этих генов. В 1971 году одна исследовательская группа Национальных институтов здравоохранения намеренно заразила культуру клеток кожи юной жертвы галактоземии бактериальным вирусом, содержащим ген, способствующий усвоению молочного сахара. ДНК вирусной частицы, по-видимому, внедрилась в хромосому кожных клеток, и новый ген принял участие перерабатывать молочный сахар. При делении клеток новый ген передавался дочерним клеткам. Ферментный дефект клеток был, таким образом, исправлен – *in vitro*.

Несожалению, применение этих методов к людям связано с невероятными трудностями, особенно, с риском того, что вместе с нужными генами в клетки пациента может быть введен нежелательный генетический материал. Радикальная терапия – перестройка дефектных генов в спермах и яйцеклетках таким образом, чтобы болезнь не передавалась потомству, – остается еще более отдаленной перспективой.

В непосредственном будущем наиболее перспективные возможности связаны с такими процедурами, как постоянные микропересадки частич печени или поджелудочной железы для производства ферментов, недостаток которых приводит к таким болезням, как фенилкетонурия или диабет. Генетические недостатки некоторых подопытных животных были уже, таким образом, устранены. Ученые надеются, что в скором времени будет возможно лечить диабет путем пересаживания под кожу клеток, производящих инсулин. Такие клетки выпускают свой секрет непосредственно в кровь, так что нет необходимости имплантировать их глубоко внутрь организма. Можно будет даже вживлять пациенту его собственные клетки после того, как их биохимический дефект будет исправлен вне тела путем сложной микрохирургии. Таким образом, возможность отторжения этих клеток организмом будет устранена. Другую возможность представляет собой ферментная терапия, при которой очищенные ферменты вводятся на место недостающих или вместо дефектных. Этот способ был испробован на нескольких больных с редкими генетическими расстройствами и дал обнадеживающие результаты.

Несмотря на недавние достижения, медицинская генетика еще очень молодая наука, в этой области существует множество нерешенных проблем, не говоря уже о вопросах морального характера. До сих пор исследователям удалось локализовать только 115 генов, в то время, как всего их в человеческих хромосомах около ста тысяч. Удалось также выявить точную причину только одной трети всех случаев умственной отсталости, вызываемой генетическими расстройствами.

Все еще очень мало известно о роли наследственности в таких обычных заболеваниях как гипертония, диабет и болезни сердца. К сожалению, генетические компоненты этих и других «многофакторных» заболеваний трудно установить, поскольку окружение также играет большую роль среди вызывающих эти болезни причин. Таким образом, одной из самых трудных задач, стоящих перед медицинской генетикой, является выявление наследственных факторов, которые предрасполагают некоторых людей к определенному заболеванию или делают их особо чувствительными к химическим веществам и лекарствам. На медицинском факультете Техасского университета в Хьюстоне разрабатываются такие анализы крови, которые сделают возможным широкое обследование с целью выявления лиц, предрасположенных к заболеванию раком от курения или от воздействия определенных промышленных химикалиев. Такие анализы позволят фирмам избежать назначения генетически предрасположенных рабочих на должности, опасные для их здоровья.

Все эти достижения и возможности указывают на наступление новой эры в медицине, в которой правилом становится предотвращение болезни, а не запоздалое и часто беспорядочное ее лечение. Многие поколения больных и врачей мечтали о такой медицине. Конечно, не каждый выигрывает в генетической лотерее, но теперь мы начинаем понимать, как можно сократить проигрыши.

КРАСИВО И ЭКОНОМНО

1

Вы можете сами подстричь себе волосы, и ваша прическа будет выглядеть так же красиво и естественно, как у нашей модели на снимке внизу. Для этого нужно только следовать указаниям Роджера Томпсона, мастера-модельера нью-йоркского салона, который рассказывает, как он стрижет своих клиенток.

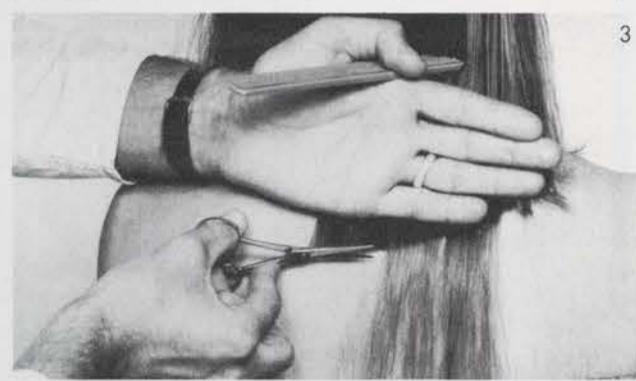

2

1. Прежде всего Роджер обсуждает с клиенткой, какой длины волосы больше всего подходят к овалу ее лица. 2. Сначала он разделяет волосы лицевой части на прямой пробор, затем на горизонтальный — от уха до уха — и закалывает височно-боковые пряди наперед. Затылочную часть он разделяет также горизонтальным пробором и закалывает среднюю затылочную часть на верх к темени, открыв таким образом волосы нижней затылочной части, которые он смачивает, разделяет на небольшие пряди и подрезает. 3. Месье Роджер тщательно следит, чтобы подрезать ровно, для этого он время от времени тыловой частью свободной руки прижимает волосы к шее, слегка натягивая их и исправляя неровности. Затем освобождает отдельные пряди средней затылочной части, смачивает каждую и подрезает все до одинаковой длины. Закончив с затылком, он переходит к височно-боковой

4

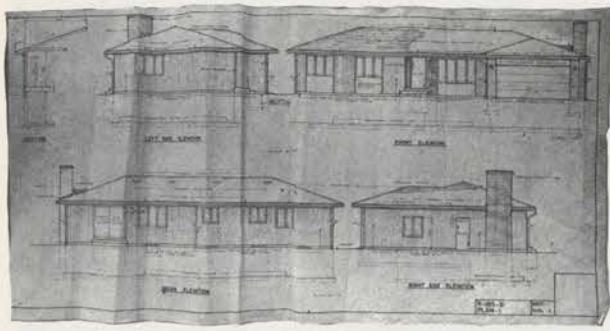
3

5

части и подрезает ее точно так же длины, как затылочная часть. Здесь очень важно следить, чтобы волосы сзади и с боков были точно одинаковой длины. Для проверки он время от времени начесывает неподрезанную прядь на уже подрезанную и подрезает по ней. 4. Приступая к челке, он расчесывает волосы лицевой части наперед и закалывает с боков. 5. Сначала он придает челке правильную линию, потом подрезает до нужной длины и подравнивает. Челка должна только-только прикрывать брови (она будет выглядеть короче, когда волосы высокнут). Закончив стрижку Роджер приступает к подрезыванию концов: для этого вокруг всей головы он последовательно отделяет небольшие вертикальные пряди и чуть-чуть срезает концы. Это делается для того, чтобы прическа лучше держалась и не теряла формы до следующей стрижки. Чтобы ваша голова выглядела так же естественно и красиво, как у нашей модели на снимке внизу, волосы нужно высушить. Сушить можно просто на воздухе, время от времени расчесывая их, придавая нужную форму; можно сушить электросушилкой; если хотите, чтобы волосы выглядели волнистыми, накрутите их на бигуди. Длина челки позволяет расчесывать ее прямо вниз, набок или разделить посредине пробором и затем небрежно раскинуть в стороны.

1 Ребята заливают бетоном опалубленную досками щель фундамента, на который затем поставят стены дома.

2 Владеть пилой — элементарная, но важная сторона плотничьего дела. Криво отпилил, и все пошло наスマрку.

3 Большие листы толстой фанеры, положенные на опорные балки, образуют черный пол — первичный слой полового настила.

4 Покончив с черным полом, ребята начинают устанавливать предварительно собранные каркасы стен.

СТРОИТЕЛИ ПОДРУЖИКИ

Фото Боба Койла

3

4

Учеба на практике... Во многих средних школах Америки на этом принципе построена программа профессионального обучения, которая знакомит учащихся с различными ремеслами, пробуждает в них интерес к ручному труду, вырабатывает комплекс трудовых навыков.

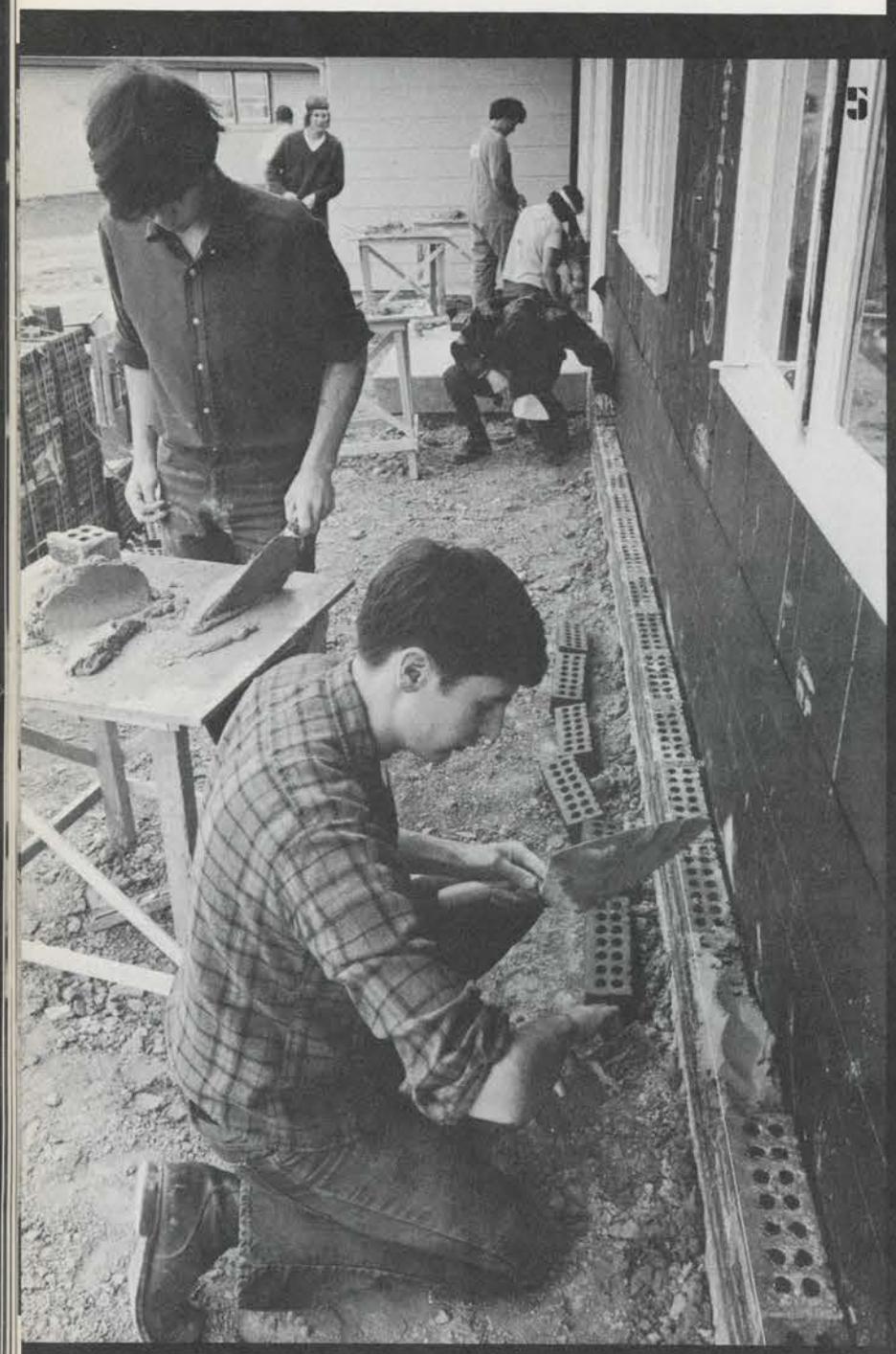
В некоторых средних школах такая программа носит весьма узкий характер и не распространяется за пределы классных комнат, в других же она поставлена на широкую ногу и проводится в подлинных производственных условиях. К последним относится и старшая средняя школа города Дубьюка (Айова), предлагающая интенсивный курс строительного мастерства. Ученики строят жилые дома, которые затем продаются.

На этих страницах запечатлена группа учеников дубьюкской школы за постройкой современного жилища типа «ранч хаус». Одноэтажный деревянный дом имеет три спальни, две ванные, кухню с уголком для завтрака, общую комнату-столовую, обширный подвал и гараж на две машины. Общая площадь жилища, включая гараж, составляет 176 кв. метров.

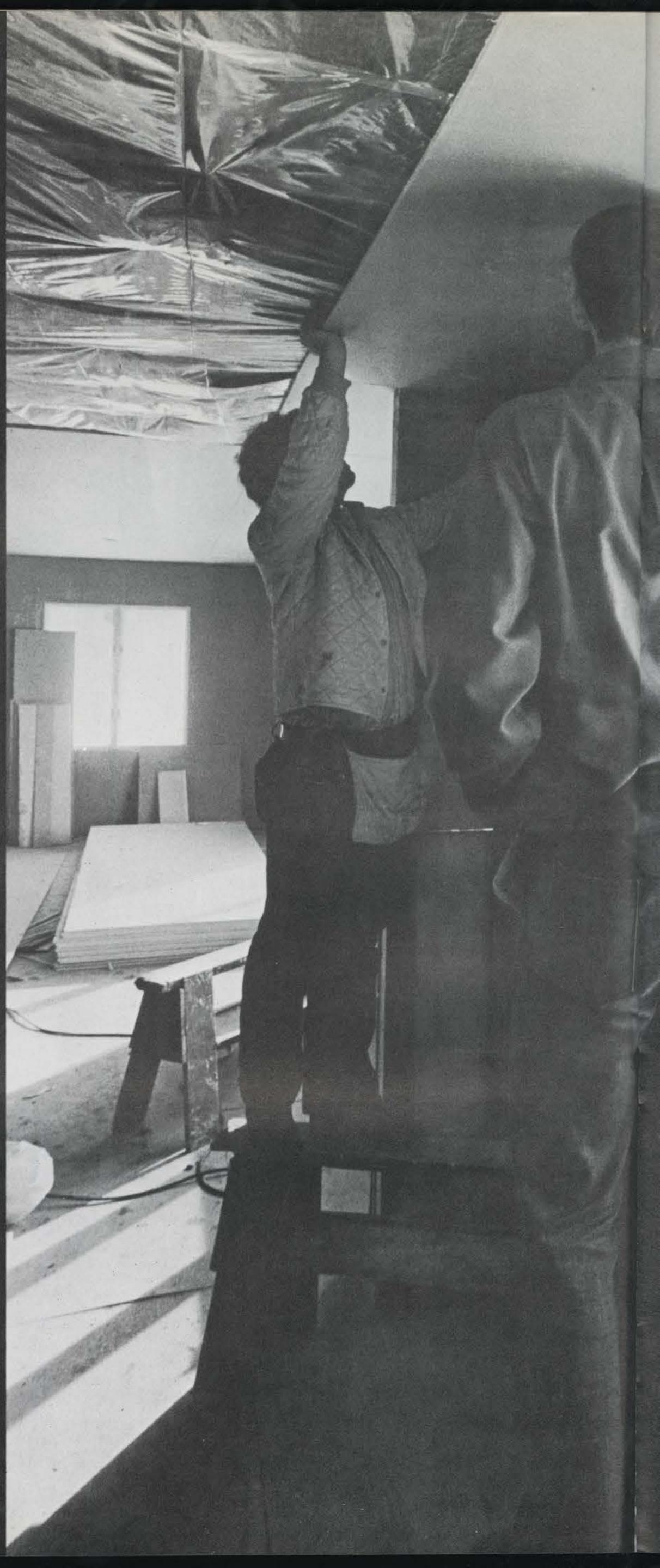
Ученики работают под руководством инструктора ручного труда Ленарда Уитта и нескольких специалистов в своей области — водопроводчиков, электромонтеров и т. д. Постройка дома длится около девяти месяцев.

Администрация школы и сами ученики отзываются о строительной программе, введенной шесть лет назад, с большим энтузиазмом. Заведующий отделением трудового обучения дубьюкской школы говорит: «Раньше такой программы в нашей школе не было. Мы надеемся, что многие ученики по окончании школы изберут себе рабочую профессию, а если и нет, то приобретенные навыки им всегда пригодятся».

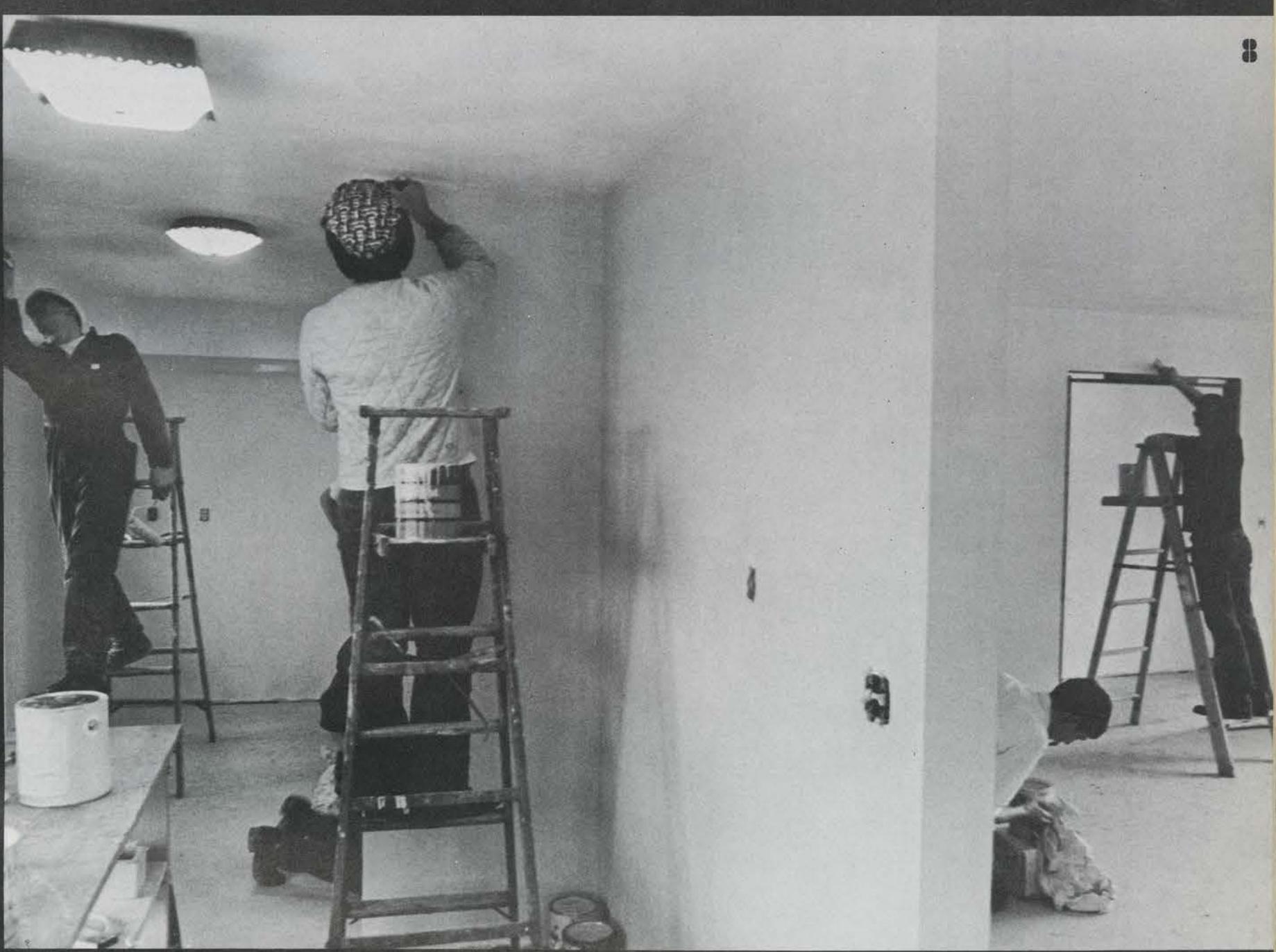
5

6

Kаждую фазу
строительства
школьники
осваивают
на практике

5

Строители облицовывают деревянные стены легким кирпичом, чтобы придать дому более элегантный вид.

6

Устройство кровли завершается настилкой огнеупорных, обычно самосклеивающихся асфальтовых плиток.

7

После тепловой изоляции потолка его обшивают гипсовыми панелями, которые часто применяют вместо штукатурки.

8

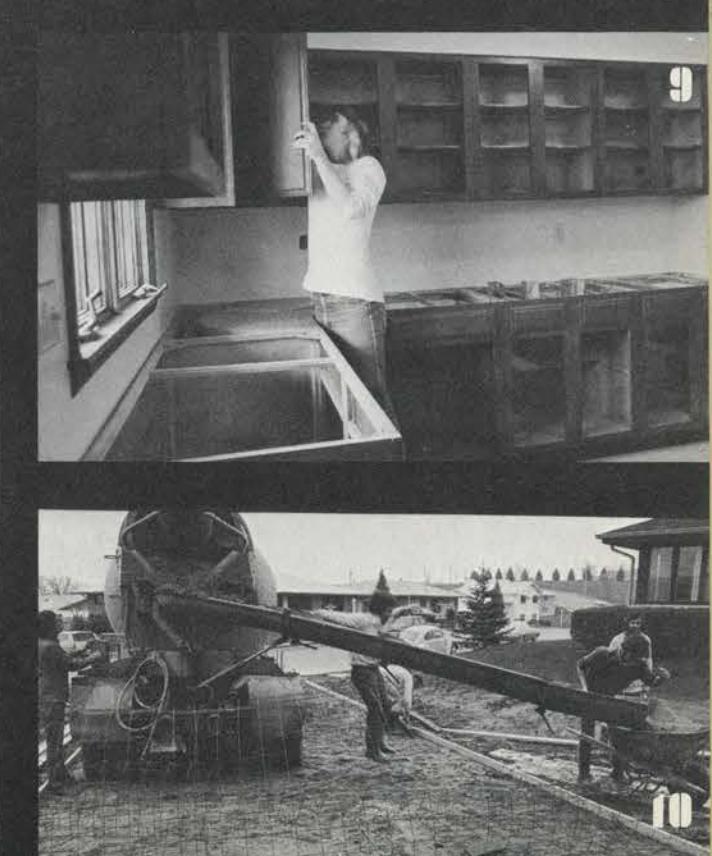
Когда внутренние строительные работы закончены, маляры берутся за покраску всего интерьера.

9

Началась установка кухонного оборудования, в том числе изящных шкафчиков фабричного производства.

10

Под конец строительства молодежная школьная бригада прокладывает и заливает бетоном подъезд к дому.

рибыль
с продажи
дома идет
в фонд
стипендий

Вскоре после того, как школьники, показанные на фото вместе с инструктором Леонардом Уиттом (второй справа в заднем ряду), закончили строительство, дом купил Лео Хики (фото справа).

Вырученная с продажи дома прибыль вносится в фонд стипендий, которые назначают ученикам, поступающим после окончания школы в профессионально-технические училища. Стипендиальным фондом распоряжается сектор ремесленного обучения дуббюкской Ассоциации агентов по продаже недвижимости — организации некоммерческого типа, ведающей финансовой стороной программы обучения школьников строительному делу и другим ремеслам. Стипендия (суммой до 1500 долларов) выдается на один учебный год, но может быть продлена. Во многих случаях Ассоциации содействуют другие организации, бесплатно предоставляющие для программы строительные материалы и услуги.

Мал Эттингер

ПРИГОРОДНАЯ ГАЗЕТА

На первой странице газеты «Де-Плейн сабарбан таймс» от 14 февраля 1974 года сообщалось, как собака некоего Джемса Кроу укусила Фрэнка Мозли, как этот мистер Мозли пожаловался в местную полицию и как та приказала Кроу обнести свой участок более высоким забором и держать собаку на привязи.

Для чего печаталось это сообщение? Кому оно могло быть интересным? Меньше всего, конечно, собаке. Возможно, что мистер Кроу и был немного раздосадован, а мистер Мозли почувствовал себя отчасти вознагражденным за небольшую неприятность. Но и кроме них сообщение, несомненно, было интересным всем их друзьям и знакомым, всем жителям пригорода Чикаго – Де-Плейна (население 50 000 человек) – и особенно тем, кто держал собак, потому что оно напоминало о необходимости соблюдения городских законов.

В течение долгого времени такие мелкие бытовые темы составляли основное содержание газет, выходящих в небольших американских городах. Теперь положение изменилось. Если не считать заметки о собаке, все остальные материалы, помещенные на первой странице того же номера «Сабарбан таймс», касались действительно важных и серьезных тем. Обсуждался, например, вопрос о том, может ли избранный жителями Де-Плейна мэр – а, значит, и все будущие мэры – нанять в помощь себе (за счет налогоплательщиков) штатного городского администратора. Газета также писала о том, что полиция просит жителей помочь ей опознать водителя машины, который сбил ребенка и уехал с места происшествия, не оказав пострадавшему помощи. Кроме того, обсуждались предложения жителей городка относительно места строительства колледжа. И, наконец, приводилось заявление представителя местной автобусной компании о том, какие меры принимаются для улучшения обслуживания лиц, которые ежедневно ездят на работу в Чикаго.

Большинство этих вопросов не представляет никакого интереса для жителей расположенного рядом Чикаго. Но они типичны для той американской периодики, которая называется «прессой пригородов». Эти газеты издаются и читаются жителями пригородов, которые обычно сплошным кольцом окружают крупные города и совершенно отличаются от «провинциальных» городков и поселков городского типа, расположенных в сельских местностях на расстоянии многих километров от главных центров. В настоящее время в Соединенных Штатах происходит процесс «самоопределения» пригородов, отстаивающих свою независимость от крупных центров, к которым они примыкают. Отражая этот процесс как своеобразное проявление гражданской гордости обитателей мелких населенных пунктов, пресса пригородов сосредоточивает свое внимание на местных вопросах, таких, как самоуправление, школы, застройка новых районов, состояние санитарного хозяйства и т. п. И лишь мимоходом она касается событий, происходящих в большом городе, и притом лишь тех, которые прямо затрагивают интересы жителей пригородов.

Этот процесс для Америки не нов. В Соединенных Штатах пресса всегда шла следом за народом. В 60-х годах XVIII века переселенцы, двигавшиеся из таких портов Восточного побережья, как Бостон, на запад страны, везли в своих фургонах, запряженных волами, вместе с домашним скарбом и легкие наборные кассы.

Данные переписей показывают, как в последнее время происходило движение населения. В 1950 году в пригородах жило лишь 15 процентов населения страны, к 1960 году – уже свыше 25 процентов, а в 1970 году – 60 процентов. Некоторые деревни, находившиеся в 30–40 километрах от большого города, стали пригородами, населенными по преимуществу людьми, которые работают в городе. Еженедельные сельские многотиражки, существовавшие в иных случаях целых 200 лет, становились газетами пригородов, предназначенными для нового, обычно более искушенного читателя и сильнее интересовавшегося жизнью города.

Другим предком нынешних пригородных газет были торговые ве-

домости. Они состояли почти исключительно из объявлений и «очерков» о специальных распродажах, к которым иногда добавлялись колонка юмора и гороскоп. Такие газетки были одно время особенно распространены в крупнейших городах, где издавались большими универмагами и бесплатно раздавались постоянным покупателям или развозились посыльными по домам. В настоящее время крупные розничные магазины находятся в пригородах и нередко расположены в торговых центрах. Издатели считают, что любой пригород, имеющий крупный торговый центр, нуждается в собственной газете. Многие пригородные газеты начинали свое существование как издания, выходящие на средства рекламодателей и бесплатно раздававшиеся читателям. Некоторые так и остались на этом уровне, другие превратились в серьезные добросовестные издания, освещавшие вопросы местной политической и общественной жизни, интересные и важные для жителей пригородов.

Со временем эти газеты стали объединяться, что отразилось в их новых составных названиях, вроде, например, «Инкуайер курьи-Буллет байуорд» – газетки, которая служит занимательным чтением и средством информации для 5000 жителей Менло Парка (Калифорния) близ Сан-Франциско.

Хорошая пригородная газета отводит общенациональным и международным новостям не больше одной колонки, а иногда и вовсе их не помещает. Обследования показали, что 90 процентов читателей местной газеты читают кроме того ежедневную городскую газету, и поэтому пригородные издания сосредоточивают внимание на местных новостях, которые периодические издания большого города либо не замечают, либо игнорируют. Пригородные издания обычно не могут оплачивать услуги крупного телеграфного агентства, хотя иногда покупают гораздо более дешевые статьи на актуальные темы, имеющие широкий интерес. За последнее десятилетие тираж местных газет рос в 30 раз быстрее тиража столичных. Опросы населения 64 крупнейших пригородных районов показали, что более половины жителей читают пригородную газету, а иногда даже и не одну.

В наши дни «пресса пригородов» – это наиболее быстро растущее средство информации и рекламы в Соединенных Штатах. Примерно 140 миллионов человек читают свыше 8000 газет этого типа, из которых большинство еженедельные, а некоторые выходят несколько раз в неделю и даже ежедневно. Это на 12 миллионов больше, чем год тому назад. Рекламодатели поддерживают пригородную прессу, потому что основную массу ее читателей составляют зажиточные и хорошо образованные люди. Нередко ряд пригородных газет издается одной компанией, которая может иметь периодическое издание в каждом предместье какого-нибудь крупного города, и если рекламодатель помещает объявление во всех газетах данной компании, он получает скидку до 20 процентов.

Издание сети пригородных газет – нередко до 50 и больше (в каждой из которых печатается несколько совершенно одинаковых страниц) – настолько выгодное дело, что часто газеты больших городов вкладывают в него часть своих доходов и создают собственную сеть «малой прессы». Обычно они избирают для этого предместья не того города, где издаются сами, а какого-нибудь другого. Например, «Миннеаполис стар-Трибюн» приобрела 20 газет близ Денвера (Колорадо) – примерно в 1600 километрах от Миннеаполиса. Причина этого – правительственная политика в отношении прессы. Хотя, по Конституции, правительство и не может контролировать содержание газет, антитрестовые законы воспрещают сосредоточение средств информации какого-либо района страны в одних руках. Цель этой политики – поощрение конкуренции, а также охрана прав читателя, радиослушателя и телезрителя на такую информацию, в которой важные вопросы общественной жизни освещаются с различных точек зрения. Многие издатели и сами считают, что конкуренция способствует улучшению газет и поощряет самокритику.

ШИРОКИЙ КРУГ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Монтгомери каунти сентинл» — типичная пригородная газета, освещавшая жизнь нескольких предместьев столицы США Вашингтона. Редакция и типография ее помещаются в двухэтажном кирпичном здании, примерно в 40 километрах от центра столицы. «Монтгомери каунти сентинл» — главная из семи газет, издающихся в предместьях Вашингтона в радиусе 65 километров.

Мы попали в редакцию в счастливый день: сотрудники праздновали большую победу — получение сразу девяти премий, присуждаемых Объединенной ассоциацией прессы трех восточных штатов США. Сестринское издание «Принц Джордж сентинл» тоже получило пять наград. Два главных приза были присуждены «Монтгомери каунти сентинл» за подачу последних новостей и за статьи на актуальные темы; пять остальных — за различные технические достижения.

Редактор газеты Марвин Кобл, полный энергии и энтузиазма тридцатидвухлетний бородач, проработал в печати полжизни — начиная со средней школы. Когда-то он был репортером «Монтгомери каунти сентинл», потом перешел в столичную ежедневную газету «Вашингтон стар», а в 1971 году вернулся в «Сентинл», где стал главным редактором. Под его начальством работают: редактор отдела новостей, восемь штатных репортеров, фотограф и фототехник; кроме того, для газеты пишут несколько внештатных сотрудников.

Мы похвалили новое помещение редакции, на что Кобл скромно сказал: «В некоторых отношениях мне больше нравилось наше прежнее помещение над пожарным депо в Роквилле. Люди запросто заходили к нам, рассказывали, что с ними случилось. Мы должны поддерживать связь с читателями, должны внушать им доверие. Вот почему я сам отвечаю на все телефонные звонки. Я не хочу никаких посредников между мною и читателем: он должен знать, что в любое время может позвонить и сказать мне лично, что ему нравится и что не нравится в газете».

Успех газеты Кобл приписывает частично строгому разграничению информации и рекламы. Этот порядок установлен самим издателем. «Мы не боимся обидеть рекламодателей, — говорит он, — хотя и весьма признательны им: скажу вам честно — без них мы не могли бы издавать газету на 40 страницах».

С 1960 по 1970 год население округа Монтгомери увеличилось почти на 70 процентов; в 1972 году оно исчислялось примерно в 565 000 человек. Округ Монтгомери занимает второе место в Соединенных Штатах по зажиточности населения: средний годовой доход семьи составляет здесь 16 710 долларов.

«Наши читатели — хорошо образованные люди, — говорит Кобл, — и мы стремимся давать им материал, отвечающий их запросам. Мы не пользуемся услугами телеграфных агентств, хотя и сообщаем о наиболее интересном. Мы стараемся анализировать события «в глубину», чтобы дать читателю понятие о том, как они могут отразиться на его жизни и что они значат для округа. Каждый репортер специализируется в какой-нибудь определенной области: один занимается образованием, другой — уголовным судопроизводством и т. д. Иногда на подготовку какой-нибудь исчерпывающей серии статей или очерков я даю репортеру до двух месяцев. К числу таких материалов принадлежал, например, наш обзор о домах для престарелых или серия статей о добровольных организациях. Многие «крупные» газеты не могут посвящать так много времени одному вопросу».

Кобл редко прибегает к материалам, печатающимся многими газетами. Передовые пишутся только им самим или редактором сестринского издания. «Все еженедельники нашей сети почти в каждом номере печатают несколько одинаковых страниц, значение которых выходит за рамки округа, — говорит он, — например, подборку о правилах безопасной езды на велосипедах и мотоциклах или исключительно интересную серию интервью. Люди любят знать, что происходит с другими».

Пятнадцать лет тому назад тираж «Сентинл» едва достигал 6000 экземпляров, сейчас он далеко перевалил за 100 000.

Глава газетного объединения «Сентинл» Леонарду Капилову принадлежит и типография, в которой печатаются его газеты — он купил их в 1962 году. В издательстве царит непринужденная атмосфера. Сотрудники зовут Капилова просто «Док» (фамильярное от «доктор»). По словам Капилова, две трети доходов его газет поступают от рекламы магазинов, банков и т. п., а лишь одна треть — от мелких объявлений. Для многих других пригородных газет этот второй вид объявлений, напротив, служит главной финансовой базой. В газетах объединения «Сентинл» эти объявления занимают двенадцать страниц.

Капилов говорит, что 70 процентов тиража доставляется подписчикам на дом разносчиками, получающими 5 центов за каждый экземпляр газеты (подписчики платят за него 20 центов). В общем до-

ставкой «Сентинл» занято от 650 до 750 разносчиков, преимущественно мальчиков-подростков.

В типографии Капилова, где кроме его газет печатаются газеты других компаний, а также различные брошюры, плакаты и информационные бюллетени, работает 135 человек. Газета набирается фотографическим способом и печатается офсетным методом, что значительно дешевле. Тексты записываются на магнитные ленты, которые затем с помощью вычислительной машины преобразуются в фотографии газетных столбцов (машина запрограммирована так, что столбцы получаются ровными и переносы в словах делаются правильно).

Приблизительно пятая часть тиража рассыпается подписчикам по почте. Поэтому тексту в газете должно отводиться не меньше одной трети места, а рекламе — не больше двух третей. Иначе к ней не применим льготный почтовый тариф.

Многие другие пригородные газеты также имеют собственные типографии, где выполняют различные типографские заказы со стороны, увеличивая таким образом свои доходы.

Еще в недавнем прошлом редактор провинциального еженедельника был даже своего рода легендарной фигурой американского фольклора. Он изображался мудрым, не лишенным чувства юмора человеком, который в своих редакционных статьях и очерках чутко подмечал человеческие слабости. Он знал всех жителей городка, сам собирая большую часть новостей и был доверенным лицом и советником не только влиятельных людей, но и простых смертных. Возможно, что в жизни этот герой встречался реже, чем хотелось бы романтикам, но, как бы там ни было, задачи, стоявшие в наши дни перед редактором пригородной газеты, — иные, чем прежде, и требуют иного подхода.

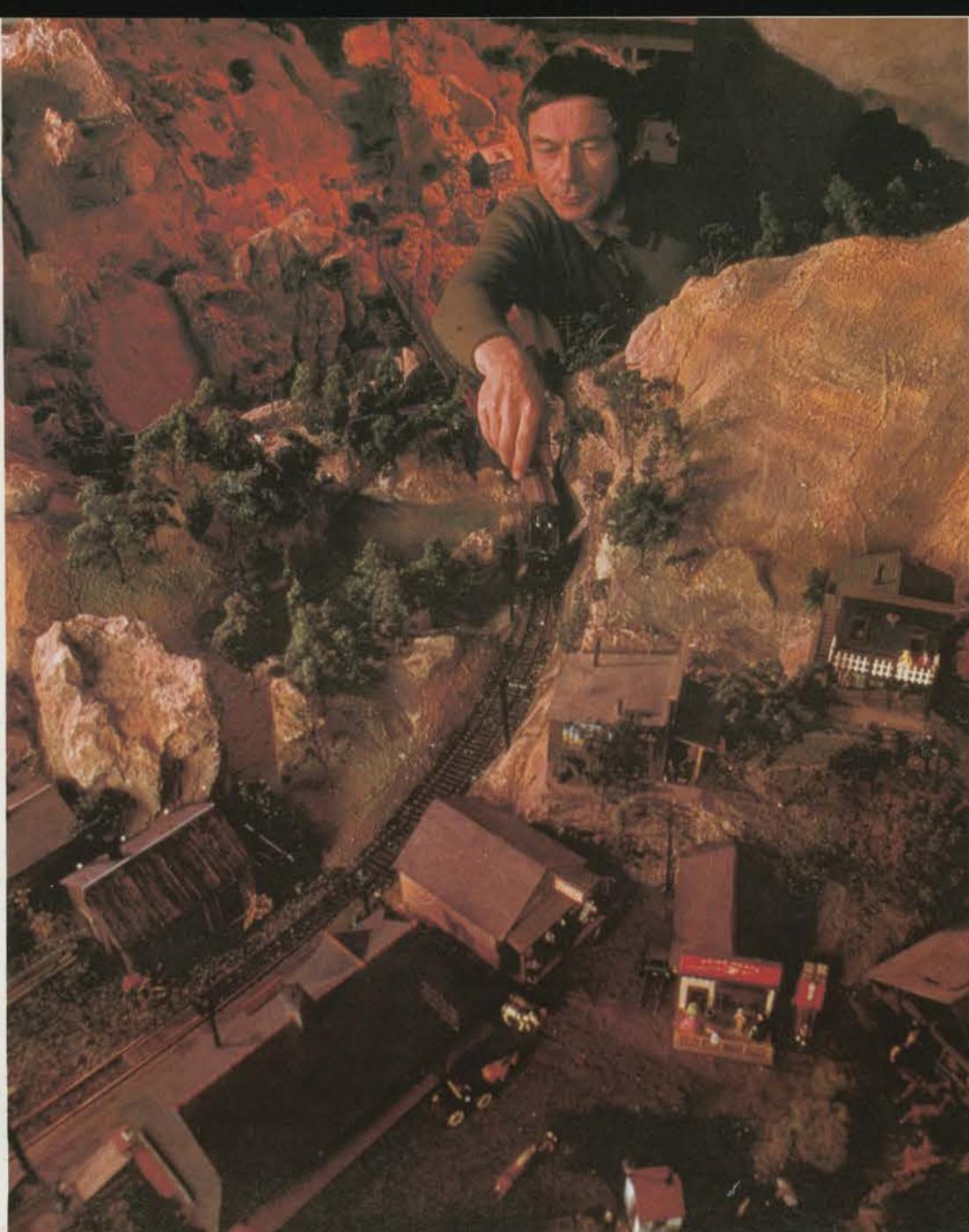
Подобно своим предшественницам, провинциальным многотиражкам, пригородные газеты исходят из предположения, что людям приятно видеть свое имя в газете. В одном-единственном выпуске пригородной газеты, издающейся близ Кливленда (Охайо), упоминалось 5809 фамилий местных жителей, тогда как в обеих кливлендских газетах за этот же день их было лишь 590. Сообщения о свадьбах и обручениях нередко печатаются в больших газетах за плату, причем за фотографию невесты взимается дополнительная сумма. Но пригородная газета ближе к читателю, и для нее эти события все еще остаются «новостями»: такие газеты обычно подробно описывают свадьбу, перечисляют гостей и даже упоминают о том, какие подавались угощения.

У пригородных газет иной подход и к спорту, и этот подход нравится читателю. Если крупная газета пишет о встречах ведущих спортивных команд страны, то хорошая пригородная газета посвящает примерно треть редакционного материала местному и школьному спорту и местным соревнованиям.

Однако при всем этом предпримчивые пригородные газеты могут нередко похвастаться статьями, которым позавидует любая столичная. Редакционные страницы пригородных газет начинают обращать на себя все большее внимание политических деятелей не только потому, что круг читателей этих газет непрерывно ширится, но и потому, что их редакционные статьи пишутся более остро и откровенно. Если раньше издатель пригородной газеты довольствовался выступлением в поддержку таких мероприятий, как Национальная неделя безопасности движения, или тем, что побуждал читателей заниматься посадкой деревьев, то теперь он выступает с осуждением политиков, замешанных в каком-нибудь скандале или просто манипулирующих своими обязанностями. Понятно, что кандидаты на разные выборные должности в органах местного самоуправления, вроде школьного совета, и даже на высокие государственные посты — например, на пост конгрессмена от данного штата — стремятся заручиться поддержкой местной прессы. Конгрессмен от штата Охайо Чарлз Ваник говорит: «Пригородные газеты имеют свой круг читателей и все больше и больше влияют на общественное мнение».

Исторически газеты создавались сторонниками одной из двух главных политических партий страны — Демократической или Республиканской — и служили трибуной для их кандидатов и для популяризации партийных программ. Теперь лишь немногие городские и пригородные газеты продолжают придерживаться этой линии. Большинство же все чаще занимает независимую позицию и поддерживает не партии, а кандидатов — в зависимости от их заслуг.

Одна читательница «Монтгомери каунти сентинл» на вопрос о том, как она относится к местной газете, ответила письмом, в котором, быть может, лучше всего отразилось мнение многих читателей: «Я читаю ее каждый раз от первой страницы до последней, читаю объявления, новости, даже спортивную страницу, на которой рассказывают о состязаниях в той школе, где учится мой сын. И, по совести говоря, просто не знаю, что бы я делала без нашей газеты».

Джин Хики, глава архитектурного бюро в Миннеаполисе (Миннесота) и президент Национальной ассоциации моделлистов железных дорог, размещает пинцетом миниатюрные фигурки людей на своей модели (фото вверху). Рельсовый путь, протяженностью почти в сто метров, он укрепил на индивидуальных шпалах, а для ландшафта использовал полторы тонны настоящих скальных глыб. Жилище винтажного Грахама Клэйтона украшает старые игрушечные паровозы и вагоны (фото внизу), а в саду у него курсирует модель паровоза. Сам Клэйтон — президент Южной железной дороги, считающейся одной из наиболее организованных в стране.

УВЛЕЧЕНИЕ ПОЕЗДАМИ

Те, кто думает, что игрушечными поездами развлекаются только дети, наверняка не встречали трех мужчин, запечатленных на наших фото, а вместе с ними и пару сот тысяч других взрослых американцев, увлекающихся «домашним железнодорожничеством». Для них, однако, игрушка превращается в модель подлинной железной дороги с любовно изготовленными своими руками поездами. И немало таких «железнодорожников», в том числе и наша тройка, находят в этом не только развлечение, но телесный и душевный отдых, отдушину от повседневных служебных тягот.

Железная дорога издавна захватывала воображение американцев, и в наши дни это проявляется с неменьшей силой. По всей стране ныне отыскивают старые паровозы, которые затем реставрируют и используют на туристских маршрутах для тяги переполненных экскурсионных поездов, а хоббисты собирают о железной дороге все, что только возможно, — от документов и реликвий до данных о нынешнем подвижном составе.

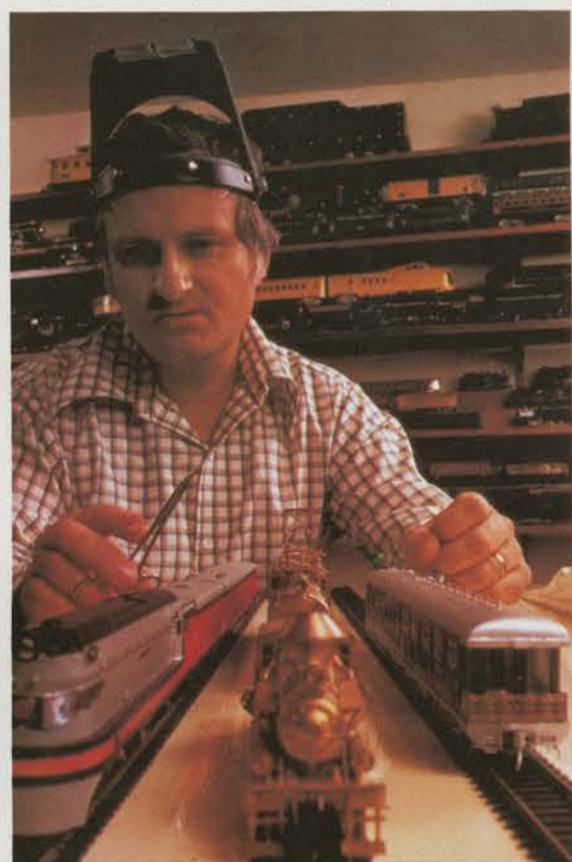
Но, пожалуй, больше всего такие любители увлекаются созданием масштабных электрифицированных железнодорожных систем. Большие модели имеют более ста метров рельсовых путей, и когда система работает на полную мощность, ее управление требует до десяти человек «службы движения». Но размер модели — дело второстепенное. Самое важное — это масштабность. Все, вплоть до

мельчайших деталей, должно быть соответствующего размера — горы, туннели, реки, мосты, главные трассы, запасные пути, стрелочные переводы, семафоры, населенные пункты, фонари, фермы, заводы и т. д. Общепринятый масштаб 1:87. Так, например, ширина рельсовой колеи — 16,5 мм.

Такие технические компоненты системы, как локомотивы, можно купить готовыми, но серьезный моделлист строит поезда и создает ландшафт своими руками либо из всякого утиля, либо из прощающихся в магазинах сборных комплектов.

Когда система в основном готова к эксплуатации, строитель модели становится специалистом по службе движения, а заодно и электротехником, и путевым мастером, и архитектором, и художни-

Только после того как д-р Денни Анспах (фото вверху) построил «единственный в Сакраменто новый дом с чердаком», у него стало хватать места, чтобы разместить свой «подвижной состав» — 2000 вагонов и 150 локомотивов. Многие из них самодельные, другие построены из сборных комплектов и усовершенствованы.

ком. Он стремится в точности имитировать работу железной дороги со всеми ее графиками движения и прочими эксплуатационными особенностями. Как диспетчер он должен уметь отправлять в разных направлениях сразу несколько поездов и регулировать их путевую скорость с помощью автоматического дистанционного управления.

Такая увлеченность детализацией, хотя она слегка и смахивает на манию, наполняет моделлиста чувством глубокого удовлетворения от достигнутого и гарантирует полное избавление от сверлящих голову назойливых служебных проблем. Послушаем, что говорит о своем хобби житель калифорнийской столицы Сакраменто, радиолюбитель д-р Денни Анспах, он же моделлист с тридцатилетним стажем: «Моя медицинская практика требует от меня большого умственного напряжения длительные периоды времени. С каким наслаждением я прихожу домой с работы, включаю рубильник и начинаю делать что-то совершенно иное — не головой, а руками». И по заключению самого же Анспаха, чем напряженнее его рабочий день, тем больше он отдается своим любимым поездам.

Гордон Геддес из Рокфорда (Иллинойс), занимающийся сбытом металлорежущих станков, точно знает, о чем говорит д-р Анспах. «Для меня мое хобби — это седативное средство», — говорит Геддес, работающий над детальной моделью междугородней железной дороги, действовавшей на Среднем Западе в двадцатые годы. Как и прототип, его модель электрифицирована: поезда получают питание от провода верхней контактной сети. «Целый день я продаю изобретения других людей. Моя модель железной дороги дает мне возможность создавать свое», — говорит Геддес.

«От вириуса железнодорожного моделизма мне уже не избавиться», — говорит Уорд Кимбалл, старые (до сорокового года) игрушечные поезда которого заполняют комнату площадью в 135 квадратных метров. Вышедший в отставку продюсер и режиссер киностудии «Уолт Дисней продакшнс», Кимбалл, проживающий в калифорнийском городе Сан-Габриэль, также проложил во дворе своего дома 150-метровый рельсовый путь, по которому бегают три среднего размера состава с паровозной тягой.

В ПОИСКАХ МИНУВШЕГО

от что рассказал недавно журнал «Тайм» об одном молодом человеке:

«Машина времени, как она представлялась Герберту Уэллсу и другим романтикам, действительно существует и не дальше, чем в северной части штата Нью-Йорк, в поселке Тиволи, где живет всего 800 человек. Она воплощается в лице Лоренса Гильберта Бродмура, который, в буквальном смысле слова, сумел «перенестись» из одной эпохи в другую, но не в будущее, а в прошлое — в викторианские времена».

Бродмуру 23 года, он холостяк. Выглядит он точь-в-точь как наши прадеды на старинных дагерротипах: канотье,

гетры, трость, пенсне в тонкой металлической оправе, костюм, сшитый по фасону тех, что можно видеть в модных журналах конца прошлого века. Молодой человек изъясняется на языке британских государственных деятелей викторианской эпохи, и самые «крепкие» выражения в его лексиконе — «Что за вздор» и «Нет уж, увольте». Он с презрением отвергает телевизор, телефон, центральное отопление, канализацию и всю литературу последних 60 лет. В полном соответствии с общим стилем своей жизни, он зарабатывает средства к существованию починкой пианино, старинных граммофонов, пианол-автоматов и других рудиментов конца прошлого века. Заказы стекаются к нему со всех концов.

Бродмуру 23 года, он холостяк. Выглядит он точь-в-точь как наши прадеды на старинных дагерротипах: канотье,

вые рекламные каталоги XIX века. «Меня пленили подтяжки и пристегные воротнички, — вспоминает Бродмур. — Я грезил о золотых часах с цепочкой и об очках в металлической оправе, вместо роговой». Начав коллекционировать эти реликвии, Бродмур, подпал под магическую власть тогдашнего образа жизни.

Он ушел из колледжа по окончании 3-го курса и поселился в Тиволи, где снимает шестикомнатный дом, который во время Первой мировой войны считался архитектурным совершенством. Бродмур — искусный мастер своего дела, способный засиживаться над починкой старинных вещей до глубокой ночи. За свой нелегкий труд он получает вполне приличное вознаграждение. Свой необычный образ жизни, он расценивает как своеобразный эксперимент. «Я, конечно, могу говорить и на современном языке. Но, оставаясь один,

Веки вечные профессора ломают головы над тем, как на лекциях приводить к себе внимание студентов. Вот как двоим из них удалось найти, прямо скажем, весьма необычайный метод.

Доктор Стивен Томсон, преподающий технологию химии в Колорадском университете, — поистине «пламенный» педагог. Демонстрируя природу горючих материалов, д-р Томсон,

предупреждает студентов, что глотание огня опасно. И не без основания: на последней лекции он обжег четыре пальца так, что на них вскочили волдыри, опалил волосы на груди и проглотил изрядную порцию керосина. Студенты, однако, смотрели с интересом и слушали внимательно.

Профессор экономики в Грейсленд-колледже (Айова)

в прошлом году повысил сумму до 4000, а в нынешнем — до 6000. В 1974 году акции, в которые студенты вложили деньги, принесли убыток в 425 долларов. Однако в общем, за три года, профессор Хау, по его словам, заработал на вложении капитала 8 процентов, а студенты, которые не могли потерять ничего, получили в среднем 13 процентов дохода.

Риск-благородное дело

обнаженный до пояса, жонглирует двенадцатью горячими факелами, гасит пальцем свечу, сует в рот пылающие шарики и, в заключение своего пироманиакального выступления, выдыхает из рта трехметровую огненную струю.

От преподавателей Колорадского университета не требуется такого искусства. Д-р Томсон обучился ему в родной Англии. Выступления с такими номерами позволили ему закончить аспирантуру. Профессор старается поддерживать свои руки — и рот — «в форме». Он

Франклайн Хау тоже умеет увлечь студентов, и тоже не без риска для себя. Каждому из 12 слушателей своего курса по капиталовложению он в начале семестра дает из личных средств известную сумму и предлагает учащимся, по их собственному усмотрению, вложить ее в любое предприятие на таких условиях: если деньги принесут доход, студент делит его пополам с профессором, а если убыток — профессор принимает его целиком на себя.

Начав свой эксперимент с 2000 долларов, профессор Хау

возвращаюсь к прошлому, которое живет в моем воображении. Друг и коллега Бродмур, считающий его очень уравновешенным человеком, говорит: «Он открыл прошлое и доказал, что можно им жить».

Шалости музы

Газета «Нэшонал обсервер» сообщает, что благодаря дотации Пенсильванского совета искусства — 5000 долларов — на афишах в питтсбургских автобусах стали появляться оригинальные стихи. Дело происходит так: поэты жертвуют плоды своего вдохновения, автобусная компания предоставляет место для афиш, наборщики получают свою зарплату, а пассажиры могут во время путешествия наслаждаться стишками, вроде следующих:

«Когда стою один в тумане у дороги,
Мне кораблями кажутся грузовики.
Но что не померещится Стоящему в тумане у дороги?»

Однако, не довольствуясь пассивной ролью читателей, пассажиры отвечают «встречными» стихами собственного или почти собственного сочинения:

«Быть или не быть?
— Вот наш автобус».

ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ МЕЧТЫ

Америки», тоже в какой-то мере содействовали друзья. Одна из радиостанций столицы объявила аукцион, доход которого должен был поступить в пользу Национального симфонического оркестра. С аукциона пропадала неоценимая возможность — право дирижировать этим оркестром на одном из концертов. Нэнси Ланг позвонила на станцию, предложила тысячу сто долларов... Больше этого никто не предложил. «Я была уверена, что окажусь за бортом, — вспоминает она. — Мне казалось, что весь город только и мечтает о такой возможности».

отрудница Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения Джанет Харли любит элегантную жизнь. И вот друзья Джанет решили по случаю дня рождения устроить ей такой завтрак, который запомнился бы надолго. Девятнадцатого июля, в необычный час — в половине седьмого утра — гости в вечерних туалетах приехали к Зеркальному пруду в Вашингтонском парке, откуда открывается прекрасный вид на мавзолей Линкольна и на обелиск Вашингтона. Там стоял длинный стол, на нем белоснежная скатерть, свечи, дорогой сервиз. Струнный квартет исполнял музыку Гайдна. Виновница торжества прибыла в фаэтоне. После завтрака начались танцы, продолжавшиеся до половины десятого, когда гости начали разъезжаться по домам, чтобы переодеться и отправиться, пусть с запозданием, на работу.

Осуществлению мечты другой государственной служащей Нэнси Ланг, работающей на радиостанции «Голос

Нэнси Ланг с восьми лет играет на скрипке и в свое время чуть не поступила на летние курсы дирижеров, которые вел Пьер Монте в штате Мэн. Она много занималась музыкой, работала в редакциях музыкальных журналов, составляла радиопередачи классической музыки. Нэнси Ланг признается, что предстоящее выступление укрепляет в ней чувство собственного достоинства и дает пищу для фантазии. «Конечно, я очень горжусь тем, что буду первой женщиной-дирижером этого великолепного оркестра», — говорит она. В рождественские дни 1974 года Нэнси Ланг работала в музыкальной библиотеке Нью-Йорка, просматривая партитуры для своего дебюта в мае 1975 года. «Мне хотелось бы взять что-нибудь написанное американской женщиной-композитором, но их не так уж много, а у нас будет всего несколько часов на репетиции, так что я, быть может, остановлюсь на увертюре к «Нюрнбергским мейстерзингерам» Вагнера. Я надеюсь, что все мои друзья — все как один! — придут на концерт, чтобы оказать поддержку мне и оркестру». Что ж, пожелаем Нэнси Ланг полного успеха!

МЭР-САДОВНИК

Бородатый политический лидер охотно выступает инициатором тех массовых кампаний, которые, не обижая никого, могут порадовать хотя бы немногих. Не удивительно поэтому, что в один прекрасный день мэр Нью-Йорка, вооруженный садовой пилой и в шлеме строительного рабочего, очутился в Центральном парке на шестиметровой высоте. Под музыку оркестра, вдохновенно исполнявшего «Мостовые Нью-Йорка», мэр Бим спилил на дереве первый сухой сук, подав таким образом сигнал к началу кампании по охране 2 300 000 деревьев, растущих в городе-гиганте.

Фото- и телерепортеры запечатлевали важный для жизни города момент, чтобы побудить жителей Нью-Йорка поддержать начинание своего мэра. Что касается дальнейшего личного участия мэра в кампании, то оно маловероятно по причине обилия других обязанностей. Однако мэр уже нанял 20 новых садовников, которые вместе с прежними продолжат начатое им полезное дело.

Шахматная горячка на американский лад

В 1925 году выдающийся советский кинорежиссер В. И. Пудовкин создал восхитительную комедию о повальном увлечении шахматами («Шахматная горячка»). Но, пожалуй, даже пылкому воображению Пудовкина не могли представиться шахматные схватки, которые разыгрываются в Нью-Йорке, под открытым небом, на углу 8-й авеню и 43-й улицы... на крышке мусорной бочки. Бобби Хейвуд, бывший профессиональный боксер, отсидевший в свое время срок заключения, предлагает всем желающим сразиться с ним в королевскую игру на любую разумную денежную ставку.

Газета «Нью-Йорк таймс» так описывает происходящее: «Он сыграл две партии с молодым человеком в пиджачной паре, сопровождая себя только то, что его зовут Рэй, что он работает на Чамберс-стрит и живет неподалеку. Оба игрока притопывают ногами и время от времени дуют в кулаки или суют руки в карманы, чтобы отогреть их. Вокруг собралась небольшая группа зрителей, наблюдающих за игрой и изредка обменивающихся комментариями по поводу отдельных ходов. Прохожие спешат мимо, отпуская иногда язвитель-

ные замечания по адресу людей, способных играть в шахматы на улице в такую несносную погоду.

Богиня-покровительница шахмат Каисса умеет заботиться о своих почитателях. К числу известных людей, добывавших средства к существованию с помощью шахматного искусства (в одном только Нью-Йор-

ке), принадлежали: будущий знаменитый киноактёр Хэмфри Богарт (бравший доллар за партию в годы депрессии), кинорежиссер Стэнли Кубрик (25 центов партия)

и Бобби Фишер. Последний играл в шахматы на деньги до тех пор, пока не приобрел такую известность, что ему стало трудно находить противников.

Для 37-летнего негра Бобби Хейвуда шахматы стали средством существования с тех пор, как он убедился, что тюремное прошлое затрудняет для него поиски постоянной работы. «Шахматы — замечательное дело! — говорит он. — Тут я сам себе хозяин. Работаю, когда хочу, и никто мне не указывает, чем я должен заниматься». Бобби снимает номер в гостинице, где у него девять комплектов шахмат с досками и грудой шахматной литературы. Однажды он просидел в номере шесть дней подряд, занимаясь теорией. «Шахматы страшно интересуют меня, я просто влюблен в них», — признается он. — Мне совершенно все равно, кто играет со мной. Ни один шахматист не стоит на месте, если он много играет; напротив, он со временем становится все сильнее».

Только в те дни, когда погода слишком уж плоха, чтобы оставаться на улице (где дело всегда идет живее), Бобби отправляется в шахматный клуб.

Джону Миннику 27 лет. Он механик и живет в Манчестере (Коннектикут). Недавно Минники сняли новую квартиру. Когда Джон с женой были заняты сборами по переезду, почтальон принес письмо, где сообщалось, что заказанные им сапоги готовы. Джон бросил все дела и помчался за 400 километров в Нью-Хэмпшир. На дорогу в оба конца у него ушло 36 часов. Ему нетерпелось получить сапоги, которые он заказал почти год тому назад.

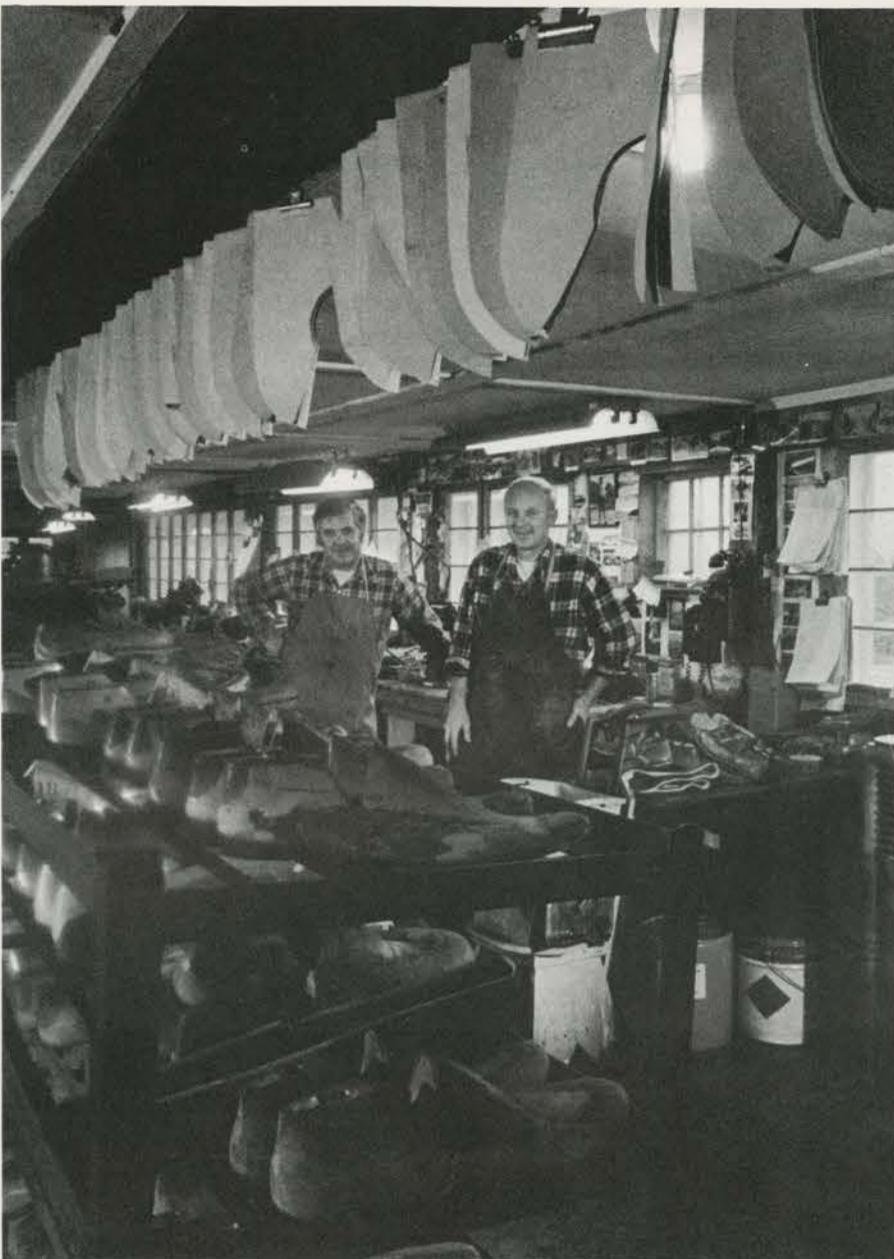
Что это за чудо-сапоги, которых люди готовы ждать целый год? «Сапоги Лиммеров», — с восхищением говорит Минник, и его восторг разделяют многочисленные любители пеших прогулок. Да и как не восхищаться этим изготовленным вручную, по индивидуальному заказу, шедевром обувного мастерства! Полусапоги водонепроницаемые, подметка у них толстая, мягкая, всего один шов и минимум строчки, они очень удобные, правда, стоят 65 долларов (утепленные для зимы — 70 долларов), но фирма без промедления возвращает деньги обратно, если заказчик по какой-либо причине останется недоволен. И кроме того сапоги долговечные: зять Минника носит такие сапоги уже 20 лет.

Все было бы чудесно, но... Во всей стране есть лишь одно-единственное место, где их изготавливают. Это мастерская «Питер Лиммер и сыновья» в Интервейле, что в штате Нью-Хэмпшир. Предприятие это семейное: два брата, старшему — 54 года, младшему — 51 год, их жены, их два сына. Они не хотят ни расширять, ни механизировать свое дело. «Если работать на совесть, то много не сделаешь, — жалуется младший брат Франсис Лиммер. — Вот мы и выпускаем по 750 пар в год и не видим никакой возможности увеличить количество готовой продукции».

Не удивительно, что братья Лиммеры избегают гласности. Как, впрочем, и рекламы их обуви. Они не любят, чтобы о них писали в газетах. Они даже отказываются бесплатно помещать объявления в особенно популярном среди любителей природы каталоге, опасаясь, что тогда не справятся с заказами. А заказов и без того хоть отбавляй. Сейчас надо 13 месяцев ждать очереди, а всего два года назад сапоги были готовы через шесть месяцев.

Чтобы справиться с работой, Лиммеры делают только один вид сапог. Пять лет тому назад они прекратили шить обувь для гольфа, а в 1971 году перестали принимать заказы на тирольские прогулочные туфли. Правда, иногда они для старых клиентов делают исключение, но тогда тем приходится ждать года три. «Надеюсь, что из моих заказчиков еще никто не умер», — говорит Питер (старший брат), указывая на полку, где лежат заказы, ожидающие своей очереди.

О популярности Лиммеров можно судить по количеству посетителей. В их «приемной», являющейся одновременно и магазином и мастерской, можно увидеть людей разного порядка: от загорелых пеших туристов до вышедших на пенсию агентов по продаже акций; они каким-то образом разыскивают мастерскую, которая находится в глухом месте, примерно в пяти милях от шоссе № 16. Под потолком к деревянным балкам приколоты письма благо-

Редкий случай в мастерской: Питер (слева) и Франсис Лиммеры на минуту оторвались от работы, чтобы позировать фотографу.

САПОГИ которым нет сноса

ЛЭРД ХАРТ

годарных заказчиков и 270 открыток и фотографий с видами гор — от Эвереста до Маттерхорна.

В неделю братья изготавливают не больше одной пары тирольских туфель (45 долларов), и они пользуются не меньшим успехом. Ганс Курант, профессор физики из Миннесотского университета, говорит, что за исключением редких случаев, когда он надевает выходные туфли, он всегда носит туфли «лиммерсы». Недавно, прождав два года, он получил новую пару. «Я уже стал отчаяваться, — говорит профессор Курант. — Мои старые туфли уже начали снашиваться». Начиная с 1948 года это четвертая пара, причем все они еще «находятся на действительной службе».

Заказы приходят из Квебека, Таиланда и Тель-Авива. Братья Лиммеры любят вспоминать, как один магарджа заказал им четыре пары сапог на мягкой подошве для езды на слонах. Экспонировалась их обувь и на торговой выставке в Москве. Среди наиболее известных заказчиков братьев

Лиммеров — Вице-президент Нельсон Рокфеллер, бывший сенатор Леверетт Салтонстолл, член Верховного Суда Уильям Дуглас и издатель газеты «Манчестер юнион лидер» Уильям Лэб, который называет ботинки братьев Лиммеров «лучшими на свете».

Обслуживают братья и членов бригады местного Аппалачского клуба, который находится в 20 км в селении Пинкэм-Нотч. Бригада эта следит за состоянием одного из участков (650 км) Аппалачской тропы, которая тянется от Мэна до Джорджии. Лиммеры составляют свой годовой план работы так, чтобы весной иметь возможность две недели выполнять заказы членов этого клуба. Стив Рэйс, смотритель тропы, называет сапоги Лиммеров «произведением искусства». «Это единственная обувь, — поучает Стив новичков, — которую не сносишь за все лето». У некоторых членов клуба есть по две-три пары «лиммерсов». «В нашем деле главное «лиммерсы» да топор», — считает Стив.

Кстати, даже опытному туристи слу-

чается иногда полоснуть топором по ботинку (на это они не рассчитаны). Но и тут братья Лиммеры рады прийти на помощь. Франсис показывает глубокий прорез на носке сапога: «Вот принесли в починку. Похоже, что ребята из кожи лезут вон, чтобы сгубить первоклассный товар». Куда проще поставить новые подметки (13,5 долл.) и быстрее — обувь готова дней через десять. «Большинство заказчиков, — продолжает Франсис, — носит наши ботинки лет по пятнадцать. Правда, три-четыре раза мы за это время ставим им новые подметки».

Продавец магазина спортивных товаров в соседнем Норт-Кануэй с похвалой отзывает о долговечности сапог Лиммеров. «По такой же цене мы продаляем и обувь других фирм: но она им и в подметки не годится».

А все началось в 1925 году, когда представителю третьего поколения баварских сапожников Питеру Лиммеру (отцу Питера и Франсиса) надоела инфляция и беспорядки в Германии и он решил эмигрировать в Америку. Лиммер поселился в Бостоне, где вместе с сыновьями шил лыжные ботинки в течение 25 лет. В 1950 году они переехали в Интервейл, расположенный в Белых Горах, которые напоминали им Альпы. Когда в магазинах появились лыжные ботинки фабричного производства с применением пенопласта, спрос на ботинки Лиммера упал. Тогда они переключились на изготовление полусапог для пешеходных прогулок. Кроме этого, они стали торговать снаряжением для кемпинга.

Старик умер в 1971 году. Сыновья продолжают дело по заветам отца: работают в кожаных передниках, стоя на голом деревянном полу, заваленном обрезками кожи. «Все в нашей семье изо всех сил стараются работать как можно лучше, — говорит Питер: сильные руки его потрескались, на них видны следы засохшей краски и клея. — Мы храним наше доброе имя».

Процесс пошивки обуви начинается со снятия пяти мерок с ноги заказчика, потом обводится контур ступни. Для тех, кто не может приехать в мастерскую, братья Лиммеры высыпают специальную инструкцию с указанием, как снять мерку самому. Затем они изготавливают деревянную колодку, на которую натягивается кожаный верх. В их мастерской имеется более тысячи колодок, которые при необходимости подгоняются под нужный размер.

Кожа и подкладка выкраиваются по размеру, пристрачиваются, размягчаются в специальном растворе, натягиваются на колодку, затем прибиваются гвоздями и склеиваются. Когда клей высыпает, гвозди вытаскиваются. Подметка делается из пяти слоев с металлической прокладкой. В носок и задник вставляется жесткая прокладка. Готовое изделие проходит окончательную обработку: обсечку, тонирование, пропитку и очистку. Залога при заказе ботинок не требуется. Обувь, не выкупленная в течение двух месяцев, выставляется на продажу, и она никогда не задерживается на полке больше двух недель.

Лиммеры говорят, что для выполнения уже набранных заказов им потребуется очень много времени. Но и когда они покончат с уже имеющимися заказами, они не опасаются недостатка в работе. Карл, один из сыновей, говорит: «Пока не угаснет интерес к пешеходному туризму, работа нам обеспечена».

ЧТО НИ ДЕНЬ, ТО ПЕРЕМЕНА

Народная мудрость индейцев гласит: нельзя понять человека, пока не пройдешь милю в его мокасинах. Нечто подобное этому рассуждению и побудило доктора Джона Р. Колмена, президента небольшого, но хорошо известного Хаверфорд-колледжа в Пенсильвании, отправиться едва ли не в самый необыкновенный академический отпуск.

Такие отпуска предоставляются в Соединенных Штатах профессорам и администраторам колледжей для того, чтобы, освободившись от повседневных обязанностей, они могли заняться исследовательской работой в своей области или подготовить к опубликованию научный труд. Однако д-р Колмен, экономист по специальности, когда подошло время его отпуска, поставил себе совершенно новую задачу: он решил «перевоплотиться» в другого человека и пожить совсем иной жизнью. В противоположность популярному писателю Джорджу Плимптону, развлекающему читателя рассказами о том, как чувствует себя любитель-спортсмен или актер в кругу профессионалов, д-р Колмен избрал для себя самые непримечательные занятия. Три месяца он работал землемером, потом кухонным рабочим в ресторане и, наконец, уборщиком мусора. Он вел дневник — сначала только для себя, но позднее превратил его в книгу, изданную для того, чтобы поделиться с читателями наблюдениями, собранными автором во время его эксперимента.

Подходу Колмена к вопросу о физическом труде, которым он занимал-

ся в трех американских городах — Атланте, Бостоне и Вашингтоне, — совершенно чужды как социологический анализ, так и снисходительно-высокомерное отношение к малообразованным рабочим, с которыми ему довелось работать. Д-р Колмен скрывал свое подлинное имя и в течение всего своего «отпуска» жил исключительно на то, что зарабатывал физическим трудом (этот заработка составлял лишь незначительную часть его президентского оклада). Он, естественно, более наблюдателен и вдумчив, чем рядовой рабочий, и его кругозор гораздо шире. Следить за ходом его мысли — занятие не только полезное, но и увлекательное.

Джон Р. Колмен родился в Коппер-Клиффе, в канадской провинции Онтарио. Он окончил Торонтский университет, служил в канадском военно-морском флоте, а потом переселился в Соединенные Штаты и поступил в Чикагский университет, где получил степени магистра и доктора экономических наук. В течение нескольких лет он преподавал в разных учебных заведениях, а затем стал руководителем программы социальных исследований, проводимых Фордовским фондом. Колмен — автор семи книг по вопросам труда и экономики. Кроме того, он неоднократно читал по телевидению курс лекций по этим предметам.

Почему он решил заняться физическим трудом?

Замысел такого отпуска созревал у меня давно. Мысль о том, что мне следовало бы заняться физическим трудом, впервые пришла мне на ум еще в 1968 году, правда, в довольно смутной форме. Свою работу в Хаверфорде я очень любил, и мне хотелось

как можно лучше справляться со своими обязанностями. Весь первый год моего пребывания на этом посту — и даже больше года — можно назвать «медовым месяцем», когда все, что я ни делал, встречало одобрение.

И все-таки даже в тот первый год и, во всяком случае, задолго до конца «медового месяца», я к своему неудовольствию стал ощущать в себе какие-то сложные перемены. С одной стороны, мои личные контакты значительно расширились: положение президента колледжа открывает многие двери, и почта начинает приносить множество приглашений. Но, с другой стороны, они как будто и сужились — отпал, например, круг тех, с кем я работал в Фордовском фонде над проблемами занятости городских рабочих, или тех, с кем сталкивался в своей внеакадемической работе по вопросам расовых отношений, трудового арбитража и телевидения в Питтсбурге, или, наконец, тех, с кем в течение нескольких лет занимался изучением профсоюзного движения в Боро-

стоне. Ни в обществе, ни в своей довольно ограниченной работе в органах местного самоуправления я больше не встречал людей, представлявших такой широкий спектр американской жизни, каких знал раньше. Кампус — это идиллическое убежище, и я чувствовал себя в колледже слишком удобно и уютно. Меня окружали люди, которые на большинство вопросов смотрели так же, как я. С каждым годом это пугало меня больше и больше, потому что я все отчетливее сознавал, как мы, академические работники, ошибаемся в решении насущных вопросов дня. Нам так недоставало умеренности и скромности, особенно когда дело касалось экономических проблем! Но мы смотрели на себя скорее как на спасителей человечества, чем как на его слуг.

Я также предполагал, что, будучи президентом колледжа, я получаю ложное — преувеличенное — представление о том, чем я являюсь и каковы мои возможности. Когда вас слишком часто хвалят, вы начинаете принимать похвалы всерьез. У меня не было никого, кто взял бы на себя ту роль, которую в первые дни пребывания Гарри С. Трумана в Белом Доме выполнял Олбен Баркли (сенатор, ставший впоследствии Вице-президентом). Это он будто бы сказал новому Президенту, что теперь люди изменятся к нему и станут говорить, что он — самый замечательный человек на свете. «Но и вы, и я знаем, что это не так», — добавил Баркли.

У д-ра Колмена были и другие соображения. Он призывал своих сту-

**ИНТЕРЕСНЫЙ
ОПЫТ:
ПРЕЗИДЕНТ
КОЛЛЕДЖА
СТАНОВИТСЯ
РАЗНОРАБОЧИМ**

Малcolm Генри

Иллюстрации Брайана Макколла

дентов «стремится к наиболее полному слиянию не только с академическим, но и с внешним миром», и ему казалось, что если он не попытается осуществить на практике свой собственный совет, он проявит малодушие. Он также признает, что в необычайности его эксперимента была доля занимательного приключения: опыт представлялся ему тонизирующим средством против очерствления. Но, может быть, больше всего на д-ра Колмена повлияло одно событие, глубоко смущившее и озадачившее его: тот факт, что нью-йоркские строительные рабочие набросились на студентов, протестовавших в 1970 году против войны во Вьетнаме.

Должны же существовать какие-то причины того, что обе стороны вели себя именно так, а не иначе. Я не мог согласиться с тем, что в стычке участвовали только ангелы и дьяволы. Обе стороны несомненно проявили грубость. И обеими владел глубокий страх. Можно допустить, что была тут и зависть: студенты завидовали мастерству и силе строительных рабочих, а эти последние — потенциальным экономическим возможностям студентов. Так или иначе, но я хотел как можно точнее узнать, что именно чувствовали обе стороны и в чем друг друга обвиняли.

То обстоятельство, что д-р Колмен разведен, и дети у него уже взрослые, облегчило его временное преображение в рабочего, занятого поисками работы. Он скоро убедился, что в отличие от академического мира, где для поступления на работу необходимы рекомендации, в рабочем мире работодатели охотно принимают но-

вых людей, не спрашивая их о прошлом. Чтобы подыскать работу, нужно просто просмотреть в местной газете объявления под рубрикой «спрос и предложение труда» (именно так большинство американских рабочих и находит место) или обратиться на биржу труда, где фирмы, нуждающиеся в людях, вывешивают объявления.

Нанимаясь на работу, д-р Колмен старался по возможности избегать неправды. Он, например, говорил, что у него есть опыт «в торговле», поскольку привлечение денежных средств действительно составляет одну из главных обязанностей президента колледжа.

Его поиски начались ранней весной в Атланте, где он вскоре и получил работу — землекопа на прокладке канализационных труб в новом поселке. Опасения Колмена, что в свои пятьдесят лет он может не справиться с тяжелой физической работой, скоро рассеялись. Боль в мускулах, которую он испытывал по вечерам, доставляла ему даже известное удовольствие: она была доказательством того, что он довольно хорошо потрудился за день.

У меня, кроме того, находилось время наблюдать за автомобилистами, проносившимися все утро мимо нас по шоссе. Я знал, что многие сидевшие за рулем — коммивояжеры. Мне было жаль их, и я был уверен,

что некоторые из них несомненно предпочли бы работать здесь в канале на откосе дороги, чем гнать по шоссе в поисках клиентов. Так, воображение, я переходил от тщеславной мысли о том, что никто не может сравниться со мной, к еще более тщеславной: всякий подобен мне. В то утро меня занимала именно эта вторая мысль. Я был уверен, что нашел в жизни тот ритм, которому должны завидовать люди, сидевшие за рулем. Моя работа не обеспечивала ни высокого общественного положения, ни больших денег, но порождала сознание непосредственной практической пользы и помогала мне обрести душевный покой.

Колмен получил также несколько наглядных уроков руководства. На прокладке канализационных труб бригадир руководил работой с помощью нескончаемого потока ругани и оскорблений. Но он был справедлив и знал свое дело. Колмен допускает, что хотя такой подход в его «чистом» виде и не может быть перенесен в увитые плюшом холлы Хаверфорда, он все же эффективен, и Колмен охотно согласился бы снова работать с этим бригадиром.

Колмену удалось, кроме того, узнати взгляды рабочих на некоторые вопросы и тем самым достичь одной из целей своего эксперимента.

Потом мы заговорили о политике. Никто в бригаде не высказывал радикальных взглядов. У людей была работа, они не ждали от правительства особых улучшений рабочих условий и интересовались больше будущими законами о налогах, чем об общественной помощи. На этом рабочем участке почва для социальных перемен была во всяком случае неподходящей.

И политическая риторика, которую я слышал иногда у себя дома, здесь отскочила бы как горох от стеки.

Когда рабочий день был недостаточно заполнен, всех томила скука. Совсем недавно я слышал от моих напарников жалобы на тяжесть работы, которой мы занимались в начале недели. Но теперь я понимал, что в их жалобах было не меньше баухальства, чем нареканий: они служили нам самим напоминанием о том, на что мы способны, когда нас подгоняют. Сегодняшние жалобы были неподдельные — это был протест против вынужденного безделья. Быть может, правы те, кто пишет, что рабочая мораль в Америке клонится к упадку. Но все-таки, на основании того, что я наблюдал на этой именно работе, я с таким выводом согласиться не могу. Рабочие тут вели себя так, словно хотели сказать: дело делом, отдыхом, и, пожалуйста, не смешивайте две эти стороны нашей жизни.

Уйти с работы было так же просто, как и поступить на нее. Колмен заявил, что уходит, получил расчет, бригадир выразил свое сожаление по этому поводу, похвалил за работу — на этом все и кончилось.

Уход Колмена из строительной бригады диктовался не его президентскими обязанностями, а его общим положением видного экономиста. Он — один из директоров Федерального резервного банка Филадельфии, отделения центрального Государственного банка. Помимо специальных знаний, этот пост требует от Колмена присутствия на ежемесячных со-

вешаниях директоров, на которых разрабатывается валютная политика местных банков. Колмен считал своим долгом быть на очередном заседании, даже если для этого и надо было временно прервать свой опыт. И вот, подобно Золушке, он скинул свой замыганный рабочий комбинезон и надел рубашку с галстуком и костюм в полоску, подобающие директору банка, отправляющемуся на заседание.

Фасад Федерального резервного банка в Филадельфии имеет внушительный вид. Белые мраморные стены и охрана у входа напоминают прохожему о том, что здесь заняты важным делом. Я осознал переход от одной роли к другой, как только переступил порог банка. Охранник приветствовал меня словами: «Доброе утро, доктор Колмен!». В трейлере строительных рабочих здоровались немногим иначе. Однако, я не чувствовал себя здесь более ценным человеком, несмотря на мое положение и вежливое ко мне отношение. Я знал, что и в банке от меня требуется то же, что в Атланте: так же, как там, я должен был проявить себя в работе и здесь, где меня называют доктором Колменом с той же веселой улыбкой, с которой встречали бранью на прокладке труб.

Будучи холостяком, д-р Колмен привык сам готовить себе пищу и теперь решил поступить в какой-нибудь бостонский ресторан. Несмотря на направление с биржи труда, три дня подряд ему всюду отказывали, и он впервые испытал чувства унижения и отчаяния. В одном скромном ресторане он проработал два часа, занимаясь мытьем посуды. Через два часа хозяин уволил его, вручив два доллара и коротко заявив. «Эта работа,

по-моему, не для тебя». Попытка добиться более подробных объяснений ни к чему не привела.

В конце концов Колмен все-таки нашел место в одном известном ресторане. Он должен был заниматься приготовлением салатов, сандвичей и десертов. В этой работе был один добавочный волнующий момент: Колмена могли здесь опознать бывшие студенты или коллеги из соседних колледжей — Гарварда и Массачусетского технологического института.

Впрочем, едва ли не лучшей маскировкой была моя рабочая одежда. Люди в ресторанах редко обращают внимание на лица подающих. Еще меньше у них причин приглядываться к тем, кто убирает посуду или готовит салаты. В своем белом халате я для них почти не существовал. Я мог привлечь их внимание не больше, чем мой халат... С этим не так быстро свыкаешься. В колледже я привык к тому, что меня замечают сразу, как только я вхожу в помещение. Там я знал, что мой авторитет в какой-то степени поддерживается моей должностью, которая пользуется широким уважением и привлекает внимание сама по себе. Так уважение питается уважением, и я в какой-то мере становлюсь тем, что обо мне думают другие.

Вполне понятно, что Колмен гораздо тоньше, чем люди, занимающиеся всю жизнь одним и тем же делом, улавливал оттенки поведения отдель-

ных лиц и понимал взаимоотношения работодателей с рабочими и рабочих друг с другом. О некоторых несомненно очень трудных моментах своей работы он неизменно пишет в бодром, даже веселом тоне. Хотя он и не объясняет причин этого, ясно, что он все же слишком умен, чтобы не понимать, что весь этот опыт был для него временным, полным новизны переживанием, которое — затянувшись оно подольше — могло бы стать гнетущим. Он всегда помнил, что, покинув людную кухню ресторана, вернется в кабинет президента колледжа, тогда как другие, вроде описанного им посудомойчика, до конца своих дней будут мыкаться по кухням.

Как и подобает университетскому ученому, Колмен из отдельных эпизодов своего эксперимента искусно извлекает выводы, которые пригодятся ему в академической жизни. Когда он, не имея никакого предварительного опыта, стал за кухонную стойку для приготовления сандвичей и салатов, заказы от официанток посыпались к нему в головокружительном темпе. Шеф-повар ограничился несколькими скучными советами, однако о нем Колмен пишет следующее:

Он представлял собой тот тип руководителя, каким я хотел бы быть. Что бы он ни говорил, смысл его слов был один: «Берись за работу и учись; если нужна будет помошь — скажи».

Было в этом какое-то поразительное сходство с тем, как я начинал свою работу в Массачусетском технологическом институте 24 года тому назад. Никто не говорил мне, что должна быть какая-то методика преподавания, даже если перед вами сидят самые одаренные студенты страны. Мне сказали, какой учебник я должен заказать для своего курса, в какой аудитории собираются мои студенты и в ко-

тором часу я должен там быть. Человек, менее застенчивый, возможно, спросил бы: «Но что же все-таки я должен делать в первый день?» Я не спросил, и за все годы, прошедшие с тех пор, ни один преподаватель не обращался ко мне с подобным вопросом. Молчание моих коллег по институту, из которых многие стали скоро близкими друзьями, казалось, говорило: «Понадобится помошь — скажите». До поступления на кухню я думал, что нигде начинающих не инструктируют так мало, как в высших учебных заведениях. Единственный способ удержаться — и на кухне и в колледже — смелость и умение вовремя обратиться за помошью.

Как ни занят был д-р Колмен своими салатами, майонезами и пikuлями, все же он находил время для подготовки речи, которую ему предстояло произнести в актовый день перед выпускниками 1974 года.

Колмен отнюдь не претендует на то, что его эксперимент имеет универсальное значение и избегает со-блазна, побуждавшего Марию Антуанетту разыгрывать со своими придворными пастушек в Версале.

Миф о счастливом рабочем, — а в ранней литературе о благоденствующих пейзанах, — очень стар и живуч. Смысл его в том, что те, чья работа кажется другим простой, якобы просты сами и больше других довольны своим трудом. Так нам внушают, что в доиндустриальные времена большин-

ство людей было счастливее нас, что их труд был более созидающим и что в наше время счастливее всех те, кто ближе к земле и кто делает вещи своими руками (например, повара). Исследователи, изучающие историю экономического прогресса, отказываются поддержать первую часть этого мифа: от них мы знаем, насколько тяжела была в действительности жизнь во времена «золотого прошлого». Но наши современники, отрицательно относящиеся ко всякой технике вообще, настойчиво поддерживают этот миф. Они утверждают, что в новое время мужчины (а также женщины и дети) — рабы машины и хронометра. При этом они игнорируют тот факт, что в прошлом мужчины (а также женщины и дети) гораздо чаще были рабами лопаты и мотыги, чем зиждителями сокровей и серебряных дел мастерами.

Чем выше в наше время поднимается человек по социальной лестнице, тем чаще слышит: как хорошо было бы возвратить себе простые радости! Я допускаю, что это и было одной из причин, которые привели меня на кухню. И это же побуждает слабых людей, занимающих высокие посты, мечтать о возвращении вспять — на работу, которая, как они думают, потребует меньше ответственности.

Одна из наиболее привлекательных особенностей рассказа д-ра Колмена о его опыте работника физического труда (в Америке таких рабочих называют «синими воротничками») — это описание безудержных мечтаний, которым он предавался, чтобы побороть злейшего врага рабочего — скучку. Некоторые его фантазии типичны для всякого, кто занимается таким трудом; другие — результат своеобразного положения президента колледжа, перевоплотившегося в рабочего. Стоя за стойкой для приготовле-

ния сандвичей, принимая спешные заказы от официанток и заодно выслушивая иногда их брань, он время от времени рисовал в воображении такую картину: а что, если он в один прекрасный день явится в этот самый ресторан в качестве клиента и закажет себе обед? Узнают ли его? И какова будет реакция официанток? Он был уверен, что теперь он может оценить обслуживание и качество приготовления пищи гораздо лучше, чем до того, как сам поработал на кухне.

Когда д-р Колмен работал уборщиком мусора в Вашингтоне, он старался по тому, что люди выбрасывают и в каком виде оставляют выброшенное, представить себе не только самих этих людей, но и их гостиные. И в этой части книги он продолжает вести повествование в том же бодром тоне, который иногда кажется нетипичным для такого рассказа.

Мы таскали мусорные бочки битых четыре часа без единого перерыва, если не считать передышки, которую давали себе, останавливаясь минут на пять в конце улицы, чтобы перекинуться несколькими словами. Мне в жизни приходилось делать переходы и побольше, например, во время подъема на гору Катадин в штате Мэн, или на гору Ассинибойн в Канаде, или на маршах во время войны, когда я проходил офицерскую подготовку в университете Торонто. Приходилось мне и таскать тяжести — не меньшие, чем эти бочки с мусором, хотя и не так долго; а за пять недель

перед тем, в Атланте, я носил даже и большие тяжести. Но здесь, на уборке мусора, комбинация дистанции и веса была рекордной.

У нас были все причины спешить. Мы были хозяевами своего времени. Если мы работали с прохладой — мы наказывали лишь самих себя. Если же работали быстро — сокращали свой рабочий день, получая ту же зарплату... У меня трещало плечо, когда я взваливал на себя полную бочку, и порой дрожали ноги, когда я с этой бочкой шел по улице. Но все во мне твердило: «Надай, мусорщик, надай!» Тогда я не представлял себе, каким мощным стимулом это станет для меня в будущем. Единственное, с чем я могу сравнить подобное переживание — это с кроссом в Корнвэллсе, в Новой Шотландии, в котором я участвовал во время учебной подготовки в канадском военно-морском флоте. Нас бежало 150 человек, и я пришел девятнадцатым. Первые двадцать получали в награду... кока-колу! Я и до сих пор жалею, что не сохранил бутылочку: это была единственная спортивная награда, когда-либо полученная мною. Хаверфордские студенты, участвующие в трудных спортивных соревнованиях, до сих пор считали, что в кабинете президента колледжа они вряд ли встретят понимание. Теперь я знаю, что с нынешней осени это может измениться. Однако мне будет довольно трудно объяснить им, что я, наконец, познал радость спортивной победы, таская бочки с мусором в Вашингтоне.

Колмен предпринял свой опыт не ради саморекламы и не ради денег. Его книга «Записки разнорабочего», которая служила первоначально просто дневником для себя и для семьи, — не из тех, что становятся бестселлерами. Но это чрезвычайно ценное описание той стороны нашей жизни, которую читатель плохо знает или даже вообще не замечает.

Работая уборщиком мусора, д-р Колмен обнаружил, что люди неизменно, хотя и несознательно, относятся к мусорщикам недоброжелательно. Когда в выходной день он проезжал по своему рабочему району в обычном костюме, люди кивали ему и улыбались. На работе, приезжая за му-

сорными бочками, он взял себе за правило здороваться с людьми, когда они были дома, и мало-помалу его воспитательный план стал находить дружеский отклик. Так он убедился, что недружелюбие порождалось не укоренившимся снобизмом жителей, а простым недостатком внимания.

В общем, д-р Колмен говорит о большинстве тех, с кем работал и на кого работал, не только с любовью, но даже с восхищением. Он доволен своим опытом, который расширил его кругозор и научил ставить себя в положение других. Он цитирует слова Джона Гарднера, занимавшего одно время высокое положение в правительстве, а теперь посвятившего себя общественной работе: «В обществе, которое восхищается своими философами и пренебрегает слесарями, — что-то неблагополучно. В таком обществе и философские теории и водопроводные трубы непременно дадут трещину». Развивая эту мысль, Колмен пишет: «Гарднер мог бы сделать еще один шаг дальше и добавить, что необходимо уважать и экономистов и уборщиков: в противном случае и те и другие оставят после себя только мусор».

Колмен предпринял свой опыт не ради саморекламы и не ради денег. Его книга «Записки разнорабочего», которая служила первоначально просто дневником для себя и для семьи, — не из тех, что становятся бестселлерами. Но это чрезвычайно ценное описание той стороны нашей жизни, которую читатель плохо знает или даже вообще не замечает.

КАЛЕЙДОСКОП

Леонардо да Винчи, автопортрет.

АДРИДСКИЕ КОДЕКСЫ

На протяжении своей долгой и удивительно разнообразной творческой деятельности гениальный Леонардо да Винчи — художник, ученый и изобретатель — вел записи своих мыслей, расчетов и наблюдений. В течение ста лет после его смерти, последовавшей в 1519 году, большая часть его записных книжек бесследно исчезла. И только в 1965 году две из них были обнаружены в мадридской Нацио-

С разрешения журнала «Ньюсик». Авт. права: изда «Ньюсик». 1974 г.

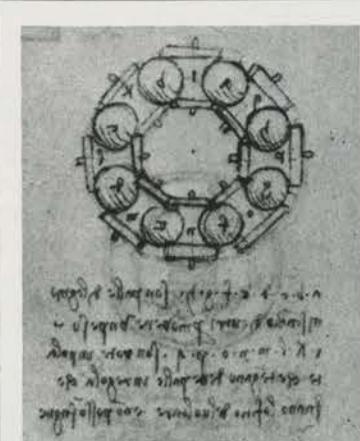
нальной библиотеке, где из-за ошибки в каталоге, они оставались незамеченными целых 135 лет. В октябре 1974 года издательство «Макгроу-Хилл», не побоявшись необычности и дороговизны начинания, опубликовало их в пятитомном факсимильном издании с переводом и комментариями.

Пять томов стоят 400 долларов, а в нумерованном издании-люкс, вышедшем тиражом всего в 1000 экземпляров, — 750 долларов. Для поклонников Леонардо да Винчи книги стоят этого. В своей лекции в октябре прошлого года в Смитсоновском институте, где были выставлены 14 страниц подлинника манускрипта, профессор Людвиг Хейденрайх из Мюнхенского университета сказал, что «заметки и рисунки Леонардо да Винчи дают редкую возможность получить представление о его удивительном разностороннем уме». Записные книжки, известные под названием «Мадридские кодексы», представляют собой характерное для периода Возрождения собрание заметок, набросков, иллюстраций — среди них чертежи винта, шестерни, роликовых и шариковых подшипников, исследования законов водных и воздушных течений.

Сделанные между 1491 и 1505 годами на флорентийском диалекте, записи предвосхищают многие научно-технические открытия последующих столетий.

Леонардо да Винчи без сомнения был гением, но не без слабостей. «С арифметикой у него, видимо, были нелады», — говорит Сильвио А. Бедини, сотрудник Смитсоновского института в Вашингтоне, специалист по Леонардо да Винчи. Бедини имеет в виду простую ошибку при сложении, которую допустил Леонардо да Винчи во втором «Мадридском кодексе»: перечисляя свои записные книжки, он получает 48 вместо 50. Латынь, которую да Винчи учил уже в зрелые годы, он так полностью и не осилил. У него была странная привычка писать: он ставил буквы слов в обратном порядке и записывал строчку справа налево. Этот зеркальный способ был не очень удобен для читателя, но, возможно, да Винчи писал так потому, что был левшой.

Увлечение Леонардо да Винчи механикой, которую он называл «раем математических наук», от-

Этот рисунок Леонардо да Винчи сделал 500 лет тому назад. Поражает в нем удивительное сходство с современным шарикоподшипником. Однако это открытие долго оставалось в неизвестности — пока в 1772 году шарикоподшипник не был изобретен вновь.

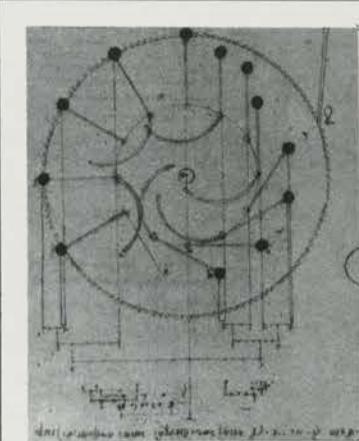
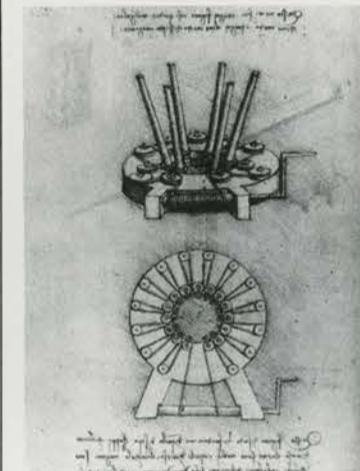

Рисунок вверху доказывает несомненность идеи постоянного движения. Леонардо да Винчи всегда скептически относился к искателям вечного двигателя и сравнивал их с алхимиками, столь щетечно пытавшимися превратить самые обычные металлы в золото.

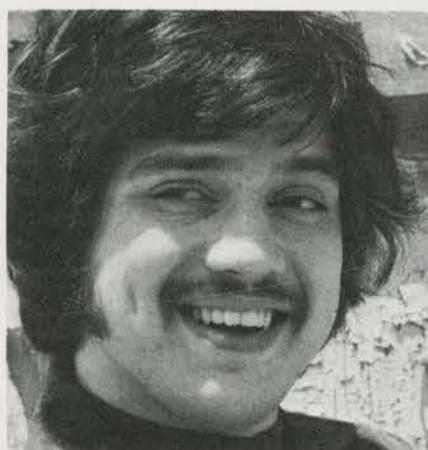
Ткацкий станок является одной из многочисленных конструкций, разработанных Леонардо; он не был бесплодным теоретиком, ни пустым мечтателем. В «Кодексах» имеется немало чертежей машин и приборов, нашедших себе позже практическое применение.

Особое место в чертежах Леонардо да Винчи занимают приборы для передачи движения и энергии с помощью зубчатых колес, винтов и рычагов. Вверху: пружинный компенсатор для часов служит ярким примером оригинальности механизмов великого ученого.

разилось в его скульптурах и живописи, с их точным пониманием перспективы, анатомии тела, игры света и тени. Оно отразилось даже в его музыкальных идеях: однажды он спроектировал флейту по образцу человеческой гортани. В основе его гения лежала способность понимать и изображать элементы механики великолепными рисунками. Хейденрайх считает его изобретателем «современной

научно-технической иллюстрации». Его гениальность проявилась в способности иллюстрировать то, чего он не мог видеть. Он был изобретателем и в своих «Кодексах» набросал программу развития искусства и техники для будущих поколений. Как жаль, что многие из его набросков так долго оставались в неизвестности.

ейчас в Соединенных Штатах появилась новая телезвезда — двадцатилетний Фредди Принц. Молодой актер, сын уроженца Венгрии и пурто-риканки, выступает в серийной телевизионной постановке «Чико и хозяин», которая передается раз в неделю. Чико — американский мексиканец (чикано), который работает механиком в гараже. Роль хозяина этого гаража, раздражительного, всем недовольного старика, исполняет известный американский актер Джек Альбертсон (справа). Различие в характерах обоих персонажей, плюс своеобразный народный юмор и забавные конфликты сделали серию «Чико и хозяин» одной из самых успешных телепостановок, где во всю силу засиял молодой талант Фредди Принца.

КАЛЕЙДОСКОП

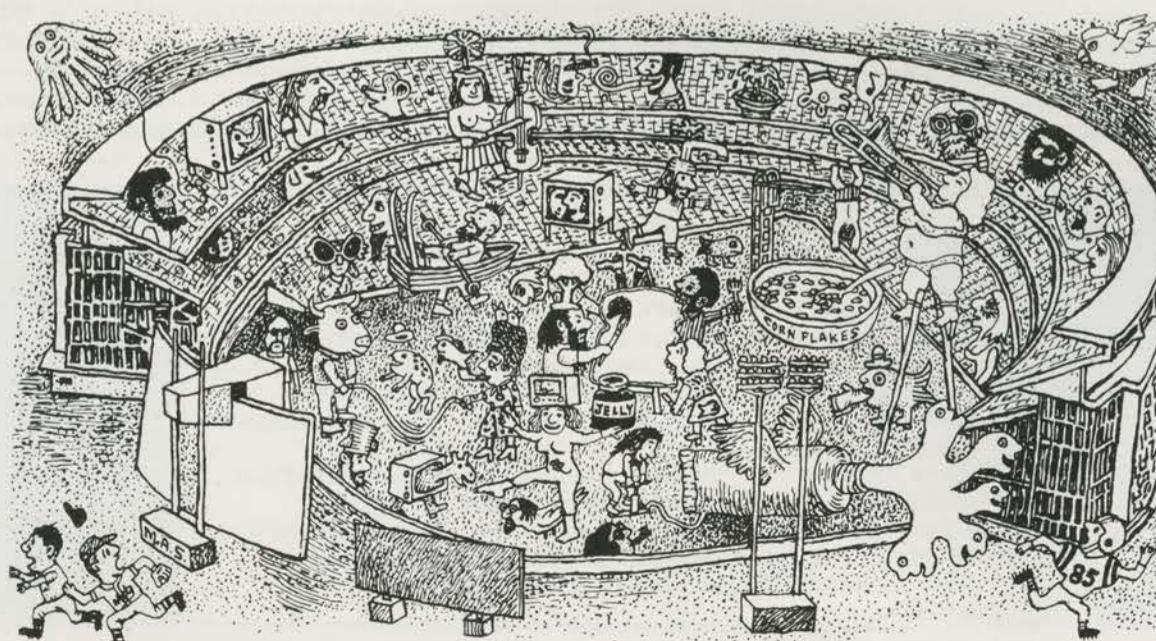
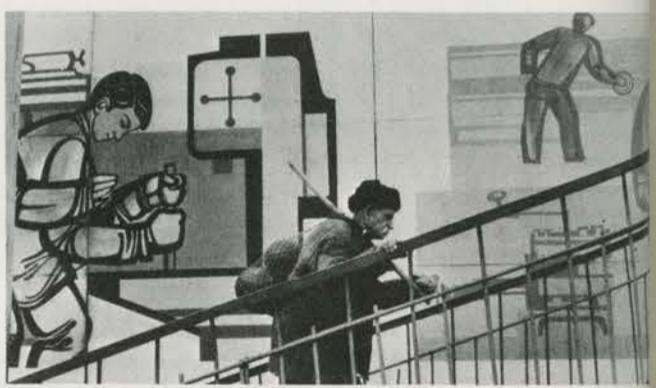

ЕЗАДОЛГО ДО СВОЕЙ ГИБЕЛИ, В 1943 ГОДУ, ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ЛЕТЧИК АНТУАН СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ, НАПИСАЛ МУДРУЮ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ СКАЗКУ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ», КОТОРАЯ ВОШЛА В КЛАССИЧЕСКУЮ ДЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ. СЕЙЧАС СКАЗКУ ЭКРАНИЗИРОВАЛИ, И ОНА ПРЕВРАТИЛАСЬ В МЮЗИКАЛ. РОЛЬ ПРИНЦА ИСПОЛНЯЕТ СТИВЕН УОРНЕР, А ЗМЕИ – ХОРЕОГРАФ БОБ ФОСС. НОВЫЙ ФИЛЬМ СОХРАНИЛ ВСЮ КРАСОТУ И ОЧАРОВАНИЕ СКАЗКИ, ОН ПОЛЬЗУЕТСЯ БОЛЬШИМ УСПЕХОМ У ЗРИТЕЛЯ.

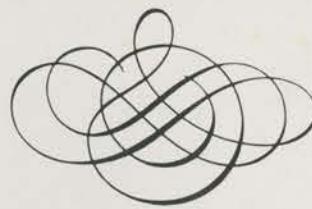

МЦФ
выставочное
здание
для фотоискусства

В ноябре прошлого года впервые в Нью-Йорке, да и во всех Соединенных Штатах, был открыт музей, всецело предназначенный для показа фото. Называется он Международным центром фотографии (МЦФ) и расположен в элегантном особняке на углу Пятой авеню и 94-й улицы. Здесь одной из первых была устроена выставка «На тему СССР», где экспонировалось до 60 снимков (пять из них показаны здесь), сделанных знаменитым фотографом Анри Картье-Брессоном во время его поездок по Советскому Союзу в 1954 и 1973 годах. Центр посетят передвижные выставки, кроме того, здесь будут устраиваться лекции и практические занятия, способствующие развитию гуманистического подхода к фоторепортажу. «Создание Международного центра в Нью-Йорке свидетельствует о признании фотографии как отдельного вида искусства», — суммировал критик газеты «Нью-Йорк таймс» Джин Торnton.

Нью-йоркские фестивали авангардного искусства всегда отличаются своей необычностью и экстравагантностью. В 1974 году этот фестиваль проходил на стадионе «ШЕА», где обычно выступает местная бейсбольная команда. Как можно судить по рисунку, каждый участник заявил о себе по мере сил и возможностей: одни плясали, другие выставляли свои «произведения» из продуктов питания, третьи разыгрывали различные телепередачи, четвертые просто развлекались.

Антонии Брико 73 года. Прославилась она тем, что в свое время стала первой женщиной, управлявшей Берлинским симфоническим оркестром.

Сейчас она дирижирует оркестром в Денвере (Колорадо). Все это послужило сюжетом для замечательного документального фильма «Антония. Портрет женщины». В нем рассказывается о музыкальных успехах этой незаурядной женщины и о трудностях, которые ей приходится преодолевать на своем профессиональном пути в области, где доминируют мужчины. Вот что написал о фильме в журнале «Тайм» Джей Кокс: «В нем полное отсутствие риторики и жалоб на свою судьбу. Это прекрасная и злободневная документальная лента».

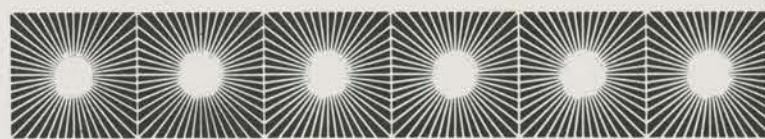
МУЗЫКАЛЬНАЯ
МАСТЕРСКАЯ

Возрождение рэгтайма

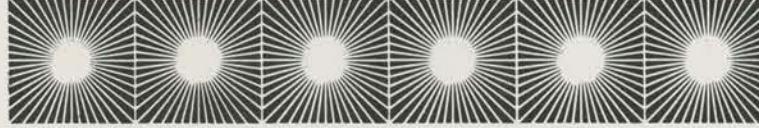
Рэгтайм — форма танцевально-бытовой музыки — известен уже давно. Но недавно интерес к нему возродился, что нашло свое отражение в фильме «Обдурили». В его музыкальном сопровождении использованы произведения композитора и пианиста Скотта Джоплина (1868—1917). Музыка к фильму была записана на пластинку (внизу слева). Один из создателей синкопированной музыки, Джоплин следующим образом пояснил структуру своих сочинений: «Левой рукой я ритмично аккомпанирую, правой — «обрываю время» (рэгтайм), выводя четыре совершенно различные, повторяющиеся темы».

Сейчас музыка Джоплина снова пользуется большой популярностью и сделана много пластинок (внизу справа). В его честь ежегодно устраиваются фестивали в Седалии (Миссури), где жил и трудился Джоплин. В свою очередь музыканты пересматривают позиции в отношении значения этой музыки в развитии джаза.

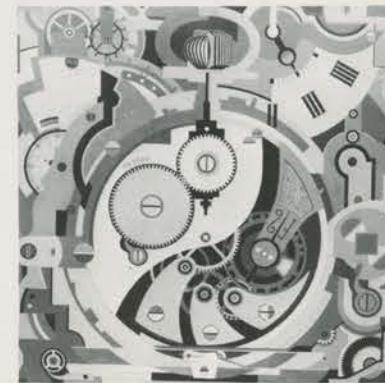

КЛАССИКА НА АВАНГАРДНОЙ СЦЕНЕ

Нью-йоркский экспериментальный театр «Ламма» недавно попробовал свои силы в греческой трагедии и, нужно сказать, весьма успешно. Театр поставил трагедии Еврипида «Медея» и «Троянки», а также Софокла «Электра», пользуясь при этом оригинальным греческим текстом, масками и современной сценической техникой. Трагедии шли в сопровождении модерной музыки, специально написанной для этой цели. Как выразился в своей рецензии театральный обозреватель Джулиус Новик, «это была еще одна славная страница, вписанная в историю авангардного театра».

Американский живописец Джеральд Мэрфи (1888—1964) оставил по себе весьма заметный след в анналах современного искусства. Сын богатых родителей, он в 1920 годах уехал в Париж, где вел весьма светский образ жизни. Во французской столице Мэрфи познакомился с Пабло Пикассо, Фернаном Леже и другими известными художниками. Заинтригованный тогдашним экспериментированием, он решил также испробовать свои силы в живописи. Всего Мэрфи создал 14 полотен, но до нашего времени сохранилось из них лишь шесть. В них сочетаются приемы народного искусства, кубизм и монументальный подход к банальным сюжетам, — что впоследствии было использовано представителями «поп-арта» в 50-х и 60-х годах.

Джеральд Мэрфи, «Часы» (1924—25), 200 x 200 см.

Выдвигая в 1971 году свою кандидатуру на пост мэра родного города Кроуфордсвилла (Индиана), Дэвид Джерард мог похвастаться довольно основательным пониманием местных проблем: дело в том, что, начиная с 1967 года, он им посвящает серию карикатур под названием «Гражданин Смит». Кроме того, его дважды выбирали членом городского совета. Джерард победил на выборах. Сейчас ему 66 лет, и он собирается баллотироваться на второй срок. Ну, а какова же судьба «Гражданина Смита»? Он по-прежнему обретает свои очертания между 6—8 часами утра (до того как его создатель приступает к исполнению своих обязанностей мэра) и в своем клетчатом пиджаке ежедневно появляется в сотне городов.

«НЕБОЛЬШОЙ СОВЕТИК: КАК МЭРА, МОЖЕТЕ ОБВИНЯТЬ ЕГО В ЛЮБЫХ ГРЕХАХ, НО БОЖЕ ВАС УПАСИ КРИТИКОВАТЬ ЕГО КАРИКАТУРЫ!»

Рисунок Дэва Джерарда.
С разрешения журнала «Чендлинг таймс».

МЭР КРОУФОРДСВИЛЛА-КАРИКАТУРИСТ

Рисунок Дэва Джерарда. С разрешения журнала «Чендлинг таймс».

«НЕТ, Я НЕ ИМЕЮ ОСОБОГО ЖЕЛАНИЯ ВИДЕТЬ ЕГО, Я СЛИШКОМ ЧАСТО ВИЖУ ЕГО НА ЭКРАНЕ ТЕЛЕВИЗОРА»

Рисунок Дэва Джерарда.
С разрешение пресс-синдиката «Реджистер энд Трибюн», 1974 г.

«МЭР СТАВИТ СВОИ ИНИЦИАЛЫ НА КАЖДОМ НОВОМ ТРОТУАРЕ В НАШЕМ ГОРОДЕ»

Рисунок Дэва Джерарда. С разрешения журнала «Чендлинг таймс».

Рисунок Дэва Джерарда. С разрешения пресс-синдиката «Реджистер энд Трибюн», 1974 г.

«Я ЖЕРТВУЮ СВОИМ СВОБОДНЫМ ВРЕМЕНЕМ! НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ Я ДАЮ ДЕНЬГИ! ЧТО ВЫ ЕЩЕ ОТ МЕНЯ ХОТИТЕ?»